

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2025

Т. 19, № 2

MANAGEMENT ISSUES

2025, vol. 19, no. 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П. И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Мирошниченко Инна Валерьевна – Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

Скоробогатский Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Судьин Сергей Александрович – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Россия)

Третьякова Елена Андреевна – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Це Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

Джунусбекова Гульсара Аширбаевна – Академия Государственного управления при Президенте Республики Казахстан

Николакакис Николаос – Университет Зайеда (Объединенные Арабские Эмираты)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

В соответствии с письмом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 21.12.2023 № 3-ПЛ/1, журналу «Вопросы управления» присвоена категория К1.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

- на официальном сайте;
- в научной электронной библиотеке eLibrary.ru;
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru;
- в ЭБС Лань;
- в библиотеке ЛитРес.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtavaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Inna V. Miroshnichenko – Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Sergey A. Sudyin – National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Elena A. Tretyakova – Perm State National Research University (Perm, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

Gulsara A. Junusbekova – Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan

Nikolaos Nikolakakis – Zayed University (United Arab Emirates)

The journal is included in the list of leading peer-re-viewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: Economic theory, Regional and sectoral economy, Finance, Management (Economic Sciences); Social structure, social institutions and processes, Sociology of management (Sociological Sciences); Political institutions, processes, technologies (Political Sciences).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023.

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-85748 dated August 25, 2023.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ростовская Т. К., Синельников А. Б.
Ценности брака как основа благополучия
российских семей

Бессчетнова О. В.
Семейные ценности и репродуктивные
установки современной студенческой молодежи:
рожать нельзя откладывать

Звонарева А. Е., Рычихина Н. С.
Распределение семейных обязанностей
будущих супругов,
или «Договоримся на берегу»

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Назаров М.М.
Использование технологий
искусственного интеллекта в здравоохранении:
ожидания населения

Ардельянова Я.А.
Неформальный социальный контроль
девиантного поведения молодежи:
подходы и концептуальная схема

Роговая А. В.
Региональный кинематограф и его значение
в формировании этнической идентичности

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

**Камолов С. Г., Алексеев Д. Б.,
Александров Н. Д.**
Особенности интеграции управленческих
и технологических стандартов в условиях
цифровой трансформации

Шаповалова И. С.
КПИ деятельности региональных органов
управления молодежной политикой
в социальных стратегиях молодежи

Барановская Т. В., Великая Н. М.
Социально-трудовой потенциал пенсионеров
по возрасту: динамика восприятия и реализации
в условиях демографического старения

CONTENTS

SOCIAL MANAGEMENT

6 Rostovskaya T.K., Sinelnikov A.B.
Marriage Values as the Basis for the Russian
Families Well-Being

17 Besschetnova O. V.
Family values and modern students reproductive
attitudes: giving birth cannot be postponed

32 Zvonareva A. E., Rychikhina N. S.
Future spouses family distribution
responsibilities, or «Let's make a deal on the shore»
behaviour pattern

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

58 Nazarov M. M.
The use of artificial intelligence technologies
in healthcare: public expectations

72 Ardelianova Ya. A.
Informal social control of deviant behavior
of youth: approaches and conceptual scheme

86 Rogovaya A. V.
Regional cinema in the ethnic identity formation

PUBLIC ADMINISTRATION and CIVIL SERVICE

**99 Kamolov S. G., Alekseev D. B.,
Aleksandrov N. D.**
Management and Technological Standards
Integration Features in the Digital
Transformation Context

117 Shapovalova I. S.
KPI of the activities of regional youth policy
management bodies in social strategies for youth

137 Baranovskaia T. V., Velikaya N. M.
Social and labor potential of retired by age:
perception dynamics and implementation
in the context of demographic aging

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию предлагается тематический номер журнала «Вопросы управления», приуроченный к проведению 9–11 июня 2025 г. в Ялте и Севастополе **Всероссийской научно-практической конференции «Новые национальные проекты в контексте демографического развития России»** (далее – Конференция).

Тематика Конференции, направленная на обсуждение стратегических приоритетов обеспечения демографической безопасности и демографического развития России, позволяет актуализировать долгосрочные документы стратегического планирования, разработанные в 2024 году и имеющие непосредственное отношение к государственной демографической политике. Это, во-первых, новые национальные проекты на период до 2030 года: «Семья» (который заменит предшествующий национальный проект «Демография»), а также два нацпроекта для отдельных возрастных категорий граждан – «Молодежь и дети» и «Продолжительная и активная жизнь». Во-вторых – «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года», которая определяет основные приоритеты и механизмы, направленные на укрепление института семьи, стимулирование рождаемости, а также обеспечение устойчивости демографического роста в условиях современных вызовов.

В дискурсе научных исследований, политических выступлений, общественных дискуссий растет актуальность прогнозирования демографической ситуации на долгосрочную перспективу. В этой связи представляют интерес предложенные в данном выпуске авторские подходы относительно демографических процессов, основу которых составляет демографическое благополучие как фактор социального развития.

В рамках реализации национального проекта «Семья» представлен авторский взгляд на ценность брака в российском обществе как ключевого механизма создания и укрепления института семьи в условиях современных демографических вызовов, обсуждаются механизмы и инструменты повышения благосостояния семей с детьми (*Т. К. Ростовская, А. Б. Синельников*). В 2024 году было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты московских вузов в возрасте 18–29 лет с целью изучения семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи. Представлены результаты социологического исследования изучения семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи (*О. В. Бессчетнова*), распределения семейных обязанностей поколения X и представлений о распределении семейных обязанностей поколения Z на примере Ивановской области (*А. Е. Звонарева, Н. С. Рычихина*).

В контексте реализации национального проекта «Молодежь и дети» обращается внимание на необходимость оценки отражения ключевых показателей эффективности деятельности органов региональной власти в социальных стратегиях молодежи (*И. С. Шаповалова*), формирование этнической идентичности через отражение культурных символов и образов, ориентированных на выражение интересов определенной этнической группы (*А. В. Роговая*), изучение вопросов неформального социального контроля девиантного поведения молодежи (*Я. А. Ардельянова*).

В фокусе национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» интерес представляет анализ эмпирических данных об ожиданиях российского населения в связи с перспективами широкого использования технологий ИИ в здравоохранении (*М. М. Назаров*), динамика восприятия социально-трудового потенциала пенсионеров (*Т. В. Барановская, Н. М. Великая*).

Реализация национальных проектов требует инновационных управленческих подходов, новых стандартов управления передовыми технологическими решениями, в том числе технологиями искусственного интеллекта (*С. Г. Камолов, Д. Б. Алексеев, Н. Д. Александров*).

От лица редакционной коллегии благодарим авторов за предоставленные статьи, от лица авторов – выражаем надежду на дальнейшее сотрудничество с редакцией и уверенность в том, что журнал продолжит публикацию интересных и важных для науки и общества материалов научных исследований.

Благодарим читателей за живой интерес к новому выпуску журнала «Вопросы управления»!

С уважением,
заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
доктор социологических наук, профессор
Тамара Керимовна Ростовская

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ЦЕННОСТИ БРАКА КАК ОСНОВА БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

Т. К. Ростовская^а, А. Б. Синельников^б

^а Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия)

^б Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Демографическая политика в России имела временный позитивный эффект, но не остановила депопуляцию. Следует выяснить, почему демографическая политика до сих пор не достигла своих целей и разработать предложения по повышению ее эффективности.

Материалы и методы. Основной информационной базой для качественного исследования являются материалы глубинных интервью с родителями из многодетных семей, проведенных в ходе Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России» в 2021 г., а для количественного исследования – материалы выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2022 г.

Результаты. Недостаточная эффективность демографической политики во многом обусловлена тем, что эта политика влияет лишь на уже существующие семьи с детьми, но не способствует созданию новых молодых семей и не препятствует их распаду.

Обсуждение. Анализ данных исследований показал, что оптимальной основой для создания семьи с тремя и более детьми может быть только законный брак. Однако из-за сомнений в прочности брака многие пары живут вместе без регистрации брака и имеют не более одного ребенка. Необходимо возродить традиционные семейные ценности и сформировать в общественном мнении идеальный образ молодой благополучной семьи, состоящей из законных супругов с несколькими детьми. Следует ввести меры, способствующие вступлению молодежи в законный брак, снижению частоты разводов, повышению престижа прочной и социально благополучной многодетной семьи. Для этого требуются изменения не только в законах о браке и разводе, но и в моральных нормах, определяющих отношение общества к сожительству, к необходимости вступления в зарегистрированный брак, а также к причинам, которые считаются уважительными для развода в семьях с детьми.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодая семья, семья с тремя и более детьми, законный брак, соительство, развод, рождаемость, депопуляция, демографическая политика, традиционные семейные ценности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ростовская Т. К., Синельников А. Б. Ценности брака как основа благополучия российских семей // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 6–16. EDN BRNKHT.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1) – *заместитель директора по научной работе*; rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN 1129-8400, ORCID 0000-0002-1629-7780, Scopus ID 57192987864, Researcher ID F-5579-2018.

Синельников Александр Борисович – доктор социологических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, (119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, Социологический факультет) – *профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета*; sinalexander@yandex.ru. SPIN 6016-2667, ORCID 0000-0002-8651-8593, Scopus ID 57200221267, Researcher ID E-4829-2017.

© Т. К. Ростовская, А. Б. Синельников, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 05.03.2025; рецензия получена: 30.04.2025; принята к публикации: 03.06.2025.

RESEARCH ARTICLE

MARRIAGE VALUES AS THE BASIS FOR THE RUSSIAN FAMILIES WELL-BEING

T. K. Rostovskaya ^a, A. B. Sinelnikov ^b

^a Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

^b Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The demographic policy in Russia had a temporary positive effect, but did not stop depopulation. It is necessary to find out why the demographic policy has not yet achieved its goals and develop proposals to improve its effectiveness.

Materials and methods. The main information base for the qualitative study is the materials of in-depth interviews with parents from large families, conducted during the All-Russian sociological study «Demographic Well-being of the Regions of Russia» in 2021, and for the quantitative study - the materials of a sample survey of the reproductive plans of the population, conducted by Rosstat in 2022.

Results. The insufficient effectiveness of the demographic policy is largely due to the fact that this policy affects only existing families with children, but does not contribute to the creation of new young families and does not prevent their disintegration.

Discussion. The analysis of research data showed that the only optimal basis for creating a family with three or more children can be a legal marriage. However, due to doubts about the strength of the marriage, many couples live together without registering the marriage and have no more than one child. It is necessary to revive traditional family values and to form in public opinion the ideal image of a young prosperous family consisting of legal spouses with several children. It is necessary to introduce measures that encourage young people to get married, reduce the frequency of divorces, and increase the prestige of a strong and socially prosperous family with many children. This requires changes not only in the laws on marriage and divorce, but also in the moral norms that determine society's attitude to cohabitation, to the need to enter into a registered marriage, as well as to the reasons that are considered valid for divorce in families with children.

KEYWORDS

Young family, family with three or more children, legal marriage, cohabitation, divorce, birth rate, depopulation, demographic policy, traditional family values.

FOR CITATION

Rostovskaya, T.K., Sinelnikov, A.B. (2025) Marriage Values as the Basis for the Russian Families Well-Being. *Management Issues*, 19 (2), 6–16. <https://elibrary.ru/brnkht>.

AUTHORS' INFORMATION

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sociology, Professor; N. I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (119333, Russia, Moscow, Bldg. 1, 6, Fotievoi St.) – *Deputy Director*; rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN 1129-8400, ORCID 0000-0002-1629-7780, Scopus ID 57192987864, Researcher ID F-5579-2018.

Alexander B. Sinelnikov – Doctor of Sociology, Associate Professor; Lomonosov Moscow State University (Russia, 119234, Moscow, 1, 33 Leninskiye Gory) – *Professor at the Department of Family Sociology and Demography*; sinalexander@yandex.ru. SPIN 6016-2667, ORCID 0000-0002-8651-8593, Scopus ID 57200221267, Researcher ID E-4829-2017.

The authors declare about interest conflict lack.

The article was submitted 05.03.2025; reviewed 30.04.2025; accepted for publication 03.06.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

В условиях высокой частоты разводов среди молодых семей, снижения рождаемости и роста числа неполных семей следует уделить внимание ценности брака в российском обществе, анализу тенденций брачности и ее влияния на рождаемость. Демографическая политика до сих пор не остановила депопуляцию в России. Одна из причин недостаточной эффективности этой политики состоит в том, что она воздействует лишь на рождаемость в уже существующих семьях, но не влияет ни на создание новых семей, ни даже на сохранение уже созданных.

Цель и задачи статьи состоят в определении качественного и количественного, прямого и косвенного влияния первых и повторных браков, сожительств и разводов на рождаемость. Это позволит обосновать необходимость мер по возрождению традиционных семейных ценностей, включая ценность первого законного и долговечного брака.

■ ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ПРОБЛЕМЕ

Ценности представляются вечными и неизменными нормами, которые невозможно обосновать эмпирически [1]. Традиционные семейные ценности проявляются в принятии законного брака и отрицательном отношении к разводу, готовности к рождению детей. Актуально уточнение авторской позиции к определению традиционных брачно-семейных ценностей как «совокупности представлений о браке как союзе между мужчиной и женщиной, ориентированном на рождение и воспитание детей; ведущей семейной ценностью является уважение члена семьи (супруга, ребенка, родителей) как личности, признание значимыми духовных, душевных и физических уровней его личности, общности интересов и совместного времяпровождения»¹.

Приветствуя традиционную модель семьи, состоящую «в обязательности, неразрывности и однозначной последовательности вступления в брак, начала сексуальных отношений и рождения детей» [2, с. 76], следует отметить ценность первого зарегистрированного брака в жизни российской молодежи [3], которая активно пропагандируется с 2014 года² и является ключевым критерием отнесения к благополучной молодой семье. Модель семейного благополучия формирует серьезное

отношение к браку среди молодежи, формирует ориентацию на стабильность сохранения семьи и брака, умение искать компромиссы в семейных отношениях, ценность ответственного отношения за будущее семьи и детей [4].

Разработанная под руководством одного из авторов этой статьи и утвержденная в 2007 году модель благополучной молодой семьи позволила сформировать идеальный образ молодой российской семьи, который включает в первую очередь юридическую оформленность супружеских отношений и полноту состава семьи (семья должна состоять из обоих родителей с детьми)³.

В соответствии с Концепцией государственной политики в отношении молодой семьи⁴ модель благополучной молодой семьи характеризуется:

- наличием двух родителей (супруги, состоящие в браке);
- наличием детей (минимум двух, при желаемой многодетной семье – с тремя, четырьмя и более детьми);
- достижением экономической самостоятельности;
- устойчивостью психологического климата в семье;
- возможностью выполнения основных социальных функций.

По сути, первые два параметра детерминируются последними тремя. Материальное благополучие семьи, качество жизни, возможность оптимально сочетать выполнение трудовых и семейных функций, психологически комфортная атмосфера в семье не только влияет на готовность заключить брак и прожить в нем долгое время, но и способствует выполнению репродуктивной функции (рождению детей).

Осознание роли института семьи в жизни общества повлияло на создание новой «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года» (далее – Стратегия-2036) и национального проекта «Семья». Стратегия-2036 основана на системном подходе к: формированию традиционных семейных духовно-нравственных ценностей; поддержке многодетных семей со стороны государства и общества; созданию благоприятных условий для устойчивого демографического роста России⁵. Поскольку рождаемость снижается во всем мире,

¹ Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства / Т. К. Ростовская, О. И. Аполихин, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований, Отделение общественных наук РАН, Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России». – Вологда: ВолНИЦ РАН, 2023. 27 с. ISBN 978-5-93299-568-6.

² Всероссийский научно-методический семинар «Подходы к анализу трансформации модели брачности в России: аналитические возможности». – URL: <https://idrtas.ru/news/2025/3/podhody-k-analizu-transformacii-modeli-brachnosti-v-rossii.html> (дата обращения: 14.03.2025).

³ Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617> (дата обращения: 13.01.2025).

⁴ Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617> (дата обращения: 13.01.2025).

⁵ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. – Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2025. – 385 с. ISBN: 978-5-93299-621-8.

включая и те страны, где еще недавно она была высокой [5], вопросы совершенствования демографической политики широко обсуждаются исследователями как в России [6; 7], так и за рубежом. G. Neuger исследует взаимосвязь семейной политики и низкой рождаемости в Западной Европе с кросснациональной точки зрения: сосредотачивая внимание на политике материнства, политике отпуска по уходу за ребенком, услуг по уходу за детьми и пособий на детей [8]. A. Whittaker, обсуждая проблемы ультранизкой рождаемости в Азии, обращает внимание на значимость не только профессиональных демографических исследований, но и демографического просвещения среди широкой публики [9]; J. Bergsvik, A. Fauske, R. K. Hart, проводя систематический обзор исследований о влиянии политики на рождаемость с 1970 года в Европе, Соединенных Штатах, Канаде и Австралии, приходят к выводу, что продление отпуска по уходу за детьми увеличивает рождаемость, в то время как увеличение денежных выплат имеет временный эффект. Пары с высоким доходом больше выигрывают от продления отпуска по уходу за ребенком, в то время как расширение программ ухода за детьми может уменьшить социальное неравенство в других областях [10]. Некоторые авторы утверждают, что демографическая политика не может существенно повысить ее уровень, в частности N. Votav подчеркивает приоритет внутренней, а не внешней мотивации репродуктивного поведения [11]. Сторонники этой точки зрения не считают негативной тенденцией отход от традиционных семейных ценностей, который привел к замене законных браков сожительством. Это тоже способствовало снижению рождаемости.

■ КАЧЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ Методология исследования

Данное исследование основывается на концепции благополучия семьи, разработанной в 2007 году под руководством одного из авторов этой статьи⁶. Важным индикатором благополучия семьи является брачный статус – положение человека по отношению к институту брака⁷. В научной

литературе браком считается «санкционируемая и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям»⁸. В основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины⁹. Данное определение брака в виде поправки было включено в ст. 72 Конституции РФ¹⁰.

В своих исследованиях член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, ведущий ученый-демограф И. И. Елисеева рассматривает брачные отношения в двух ракурсах: как прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу и по отношению к детям, а прочность, устойчивость семьи определяет успешностью брака – «супружескими отношениями мужчины и женщины, умением преодолевать конфликтные ситуации, взаимным уважением и ответственностью (за семью, род, будущее детей, за неизменность помощи родителей детям, детей – родителям)» [12, с. 7].

Благополучие семьи способствует благоприятному психологическому климату, оптимальному выполнению супругами основных функций (репродукция, социализация, экономическое обеспечение и т. д.), ответственному родительству, в том числе вовлеченности мужчин в процесс создания семьи, ориентированному на рождение и воспитание детей, заботу о членах многопоколенной семьи.¹¹

Авторская концепция благополучия семьи направлена на повышение ценности брака, семьи и семейного образа жизни, укрепление устойчивости семьи, снижение числа разводов и уменьшение числа неполных семей, решение проблемы беспризорности и подростковой девиантности.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие регионов России»¹² позволило выявить следующие основные факторы, влияющие на вероятность вступления

⁷ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. – Вологда : Вологодский научный центр РАН, 2025. – 385 с. ISBN 978-5-93299-621-8.

⁸ Демография: учебник для вузов / под ред. проф. Н.А. Волгина и проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: Логос, 2005. 280 с.

⁹ Социология семьи: учебник / под ред. проф. А. И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005. С. 291.

¹⁰ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

¹² Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства / Т. К. Ростовская, О. И. Аполихин, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Институт демографических исследований, Отделение общественных наук РАН, Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России». – Вологда : ВолНЦ РАН, 2023. – 27 с. ISBN 978-5-93299-568-6.

¹³ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N=5616 представители различных в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д.соц.н., профессор Т. К. Ростовская.

российской молодежи в брак. Прежде всего – это желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким; далее – иметь постоянного сексуального партнёра, стать по-настоящему взрослым, самостоятельным человеком, желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства; желание в ближайшее время иметь ребёнка. Это совпадает с точкой зрения некоторых других авторов [13; 14].

Таким образом, первично характеризуя модель брачного поведения молодежи, выделим современную особенность – желание молодого поколения вступить в брак не зависит от материального благосостояния, уровня жизни, а в большей степени обусловлено психологическими мотивами (желание иметь рядом близкого, любимого человека). Желание иметь ребёнка в зарегистрированном браке является значимым мотивом регистрации брака. В современном обществе наблюдается трансформация морально-этических основ семьи, когда зарегистрированный брак уже не идентифицируется с образом благополучной семьи [15].

Среди основных мероприятий по укреплению значимости брака у молодежи также следует выделить: повышение ценности институтов семьи и брака в глазах молодежи; популяризацию в обществе «обязательности» брака для мужчин и женщин.

В настоящее время в российском обществе сложились все предпосылки для формирования модели семейного благополучия:

- подавляющее большинство стремится состоять в браке, однако стремление заключить официальный брак вызвано прежде всего стремлением защитить интересы детей в случае развода;

- экономические мотивы имеют существенный вес, прежде всего – при принятии решения о рождении ребенка (важно достижение экономической устойчивости семьи, самообеспечения семьи, что основывается на высокооплачиваемой работе);

- признается важность устойчивости психологического климата в семье (супруги должны друг для друга быть родными, близкими по духу, любить друг друга);

- выявлена необходимость выполнения основных социальных функций, основанная на расширении возможностей совмещения выполнения семейных обязанностей с получением/завершением образования и реализацией в экономической жизни общества (баланс триады «семья–образование–труд»).

Выявленные ценностные установки необходимо учитывать при выработке стратегических национальных целей демографического развития.

Материалы второго этапа авторского Всероссийского социологического исследования

«Демографическое самочувствие России»¹³, проведенного в 2021 году методом глубинного интервью, позволили выявить удовлетворенность браком и семейным образом жизни членов молодых семей в возрасте до 35 лет.

Большинство молодых семейных респондентов удовлетворены своим браком и не жалеют о нём, их ожидания относительно брака оправдались, а образ жизни изменился в лучшую сторону. Так, например, некоторые отмечают, что их **жизнь стала разнообразнее в плане досуга**:

«Не жалею о браке однозначно. Образ жизни, да, изменился, потому что мой супруг очень активный, очень легок на подъем, поэтому моя жизнь в этом плане стала активнее. Мы чаще где-то гуляем, чаще куда-то выбираемся. Исключительно положительно супружеская жизнь повлияла на мой образ жизни» (женщина, 30 лет, замужем, детей нет, единственный ребёнок в родительской семье, в/о, Вологодская область);

«Супружество существенно повлияло на образ жизни. С одной стороны, появилось много новых обязанностей, поэтому практически перестал работать вечерами дома. С другой стороны, стал более интересно и разнообразно проводить выходные, совместно с супругой ходить за покупками, в гости к друзьям, появились новые увлечения, например, начал учиться играть на гитаре, готовить. В целом, о том, что вступил в брак, не жалею» (мужчина, 23 года, женат, детей нет, единственный ребёнок в родительской семье, в/о, Вологодская область).

Другие говорят, что в браке они стали **ответственные и взрослые**:

«Стала более ответственной к исполнению домашних обязанностей – готовке, стирке, уборке. Также походы в магазин стала более тщательно выбирать. Следишь за бюджетом семьи: когда делаю покупки в магазинах, стремлюсь сэкономить» (женщина, 21 год, замужем, детей нет, двое детей в родительской семье, студентка вуза, Ивановская область);

«Стал более ответственным, провожу больше времени дома, нежели по всяким гулянкам» (мужчина, 32 года, женат, детей нет, двое детей в родительской семье, незак. в/о, Республика Татарстан).

Третьи отмечают **важность поддержки со стороны супруга (супруги) в совместной жизни**:

«Моя жизнь стала больше разбита «по полочкам». Моя жена всегда меня направляет, она в курсе моих дел, она всегда советует, я в какой-то момент понял, что есть друзья, но всегда надо полагаться на совет жены. Ты с ней живешь, она тебя знает. Она знает твои повадки, привычки. Когда кардинальное решение принимается, надо спросить совета у нее. Моя жизнь улучшилась в

¹³ Второй этап Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенный в 2021 году в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах, методом глубинного интервью, N=50, члены молодых детных (многодетных) семей в возрасте до 35 лет. Рук. – д.соц.н., профессор Т. К. Ростовская.

этом плане» (мужчина, 22 года, женат, детей нет (ждут ребёнка), двое детей в родительской семье, студент вуза, Ивановская область).

Также исследование показало, что важнейшим направлением совершенствования семейно-демографической политики выступает повышение уровня информированности различных групп населения о реализуемых мерах. Респонденты в возрасте 18–50 лет демонстрируют низкую осведомленность о существующих региональных мерах в области демографического развития: 9% опрошенных полностью владеют информацией, около четверти (24%) практически ничего о них не знают [16, с. 3]. Выявлены наиболее перспективные направления формирования информационного контента. Тематические сайты в интернете, по мнению 61% заинтересованных в информации респондентов, – наиболее действенный канал получения информации. Каждый четвертый (24%) более привычным считает подписку на интернет-рассылку. Такие традиционные каналы получения

информации, как информационные брошюры (36%), телефонные консультации (29%), не теряют своей актуальности в глазах респондентов. При этом интерес к тематическим публикациям в местных СМИ невелик (14%). Подчеркнем, что с учетом ожиданий респондентов информирование о мерах поддержки семей с детьми наиболее эффективно осуществлять через специальные приложения для мобильных устройств. Обсудить наиболее сложные вопросы можно в формате веб-форума или индивидуальных консультаций по телефону (организация call-центра) или по электронной почте.

Не менее важными и интересными оказались и результаты **количественного исследования**. Оценить влияние брачного статуса можно по данным РПН-2022 – выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в июне 2022 г.¹⁴

Среднее число детей у женщин в конце репродуктивного возраста (40–44 лет) зависит от их брачного статуса (рисунок 1).

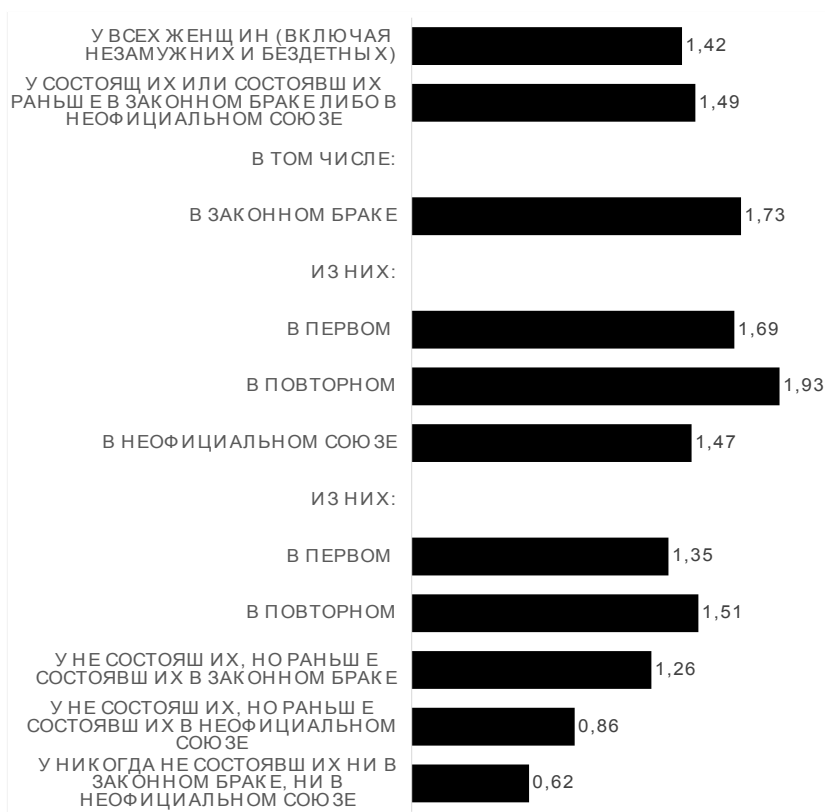

Рисунок 1 – Среднее число когда-либо рожденных детей на одну женщину в возрасте 40–44 лет, имеющую тот или иной брачный статус

Figure 1 – The average number of ever born children per woman 40–44 years old with one marital status or another

Примечание: при обработке данных РПН-2022 как брак, так и союз считался повторным, если ему предшествовал законный брак и/или союз с другим лицом.

Источник: расчеты по данным РПН-2022.

¹⁴ Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 году. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 25.03.2025). Исследование охватило 15 тыс. домохозяйств во всех субъектах РФ кроме Ненецкого и Чукотского автономных округов). В каждом домохозяйстве опрашивался один респондент: мужчина от 18 до 60 лет или женщина от 18 до 44 лет.

Среднее число рожденных детей у всех женщин 40–44 лет равно 1,42¹⁵, а у тех 92% из них, которые состоят или состояли либо в законном браке, либо в неофициальном союзе, – 1,49. 8% женщин никогда не состояли ни в том, ни в другом. Это можно считать показателем окончательного безбрачия у женщин, близких к выходу из репродуктивного возраста. Среднее число детей у них – 0,62. Около половины из них все же родили детей (как правило, одного), но не считают их отцов своими бывшими «гражданскими мужьями». Из-за окончательного безбрачия итоговое среднее число детей (с учетом внебрачных) уменьшается на 0,07: $1,49 - 1,42 = 0,07$.

Среднее число детей у состоящих в первом законном браке – 1,69. Это на 0,27 больше, чем у всех женщин, и на 0,20 больше, чем у состоящих либо состоявших в браке или неофициальном союзе. Различие вызвано отказом от регистрации союзов либо их распадом, а также прекращением законных браков с оформлением развода или без этого либо из-за овдовения.

Среднее число детей у состоящих в повторном законном браке – 1,93. Это на 0,24 больше, чем в первом браке. Но на момент опроса среди женщин, у которых распалась первая полная семья, лишь 14% состояли в браке и 10% – в неофициальном союзе. Среднее число детей у последних – 1,51. Это больше, чем в первом союзе (1,35), но меньше, чем в первом браке (1,69).

Три четверти (76%) женщин, которые не сохранили свою первую полную семью, либо не создали новой, либо она тоже распалась. У тех из них, чья бывшая семья была основана на законном браке,

среднее число детей – 1,26, а у тех, которые раньше состояли лишь в неофициальном союзе, – 0,86.

Эти данные не подтверждают мнение С. В. Захарова, Е. В. Чуриловой и В. С. Агаджаняна о повышении рождаемости из-за того, что распад браков и т.н. «партнерских союзов» способствует рождению немалого числа детей от браков и союзов с новыми супругами и сожителями [17].

По суммарным данным трех раундов исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РидМиЖ)», проведенного в России в 2004, 2007 и 2011 гг. в рамках международной программы Generation and Gender, среди «брачно-партнерских союзов» (в их число входят и браки, и сожительства), сформировавшихся в 1990–1999 гг., распались до момента исследования (независимо от оформления развода) 68% законных браков без детей и 28% – с детьми, а среди сожительствующих пар соответственно 88% и 44% [7, с. 106]. Частота распада брачно-партнерских союзов, возникших в те же годы, за первые 10 лет их существования (независимо от регистрации в ЗАГСх создания и разрушения этих союзов), составила 31% как для первых, так и для повторных союзов (без учета овдовения) [11, с. 76–77]. Это опровергает популярное мнение о том, что вторые браки прочнее первых. Но если опыт неудачного брака иногда способствует более правильному выбору нового супруга, это преимущество нередко нивелируется проблемами в отношениях между отчимом и ребенком жены. Влияние повторных брачно-партнерских союзов на рождаемость зависит от их регистрации (рисунок 2).

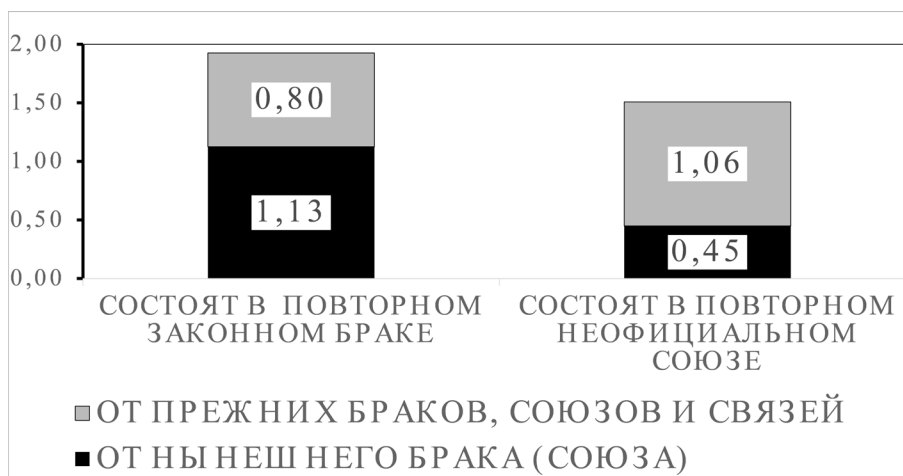

Рисунок 2 – Среднее число детей, рожденных в нынешнем браке (союзе) у женщин 40–44 лет, состоящих в повторном законном браке или в повторном неофициальном супружеском союзе

Figure 2 – Average number of children born in the current marriage (or informal union) to women aged 40–44 who are in a new legal marriage or in a informal union after previous legal marriage or informal union

Источник: расчеты по данным РПН-2022.

¹⁵ С учетом коэффициентов рождаемости в более старшем возрасте среднее число детей у женщин 1978–1982 годов рождения, которым в 2022 г. исполнилось от 40 до 44 лет, к концу репродуктивного периода (50 лет) не может превышать 1,45. Поэтому среднее число детей у женщин 40–44 лет можно считать итоговым.

Большинство женщин, заключивших и сохранивших законный брак после развода с бывшим мужем или разрыва отношений с сожителем,

родили в этом браке еще одного, а иногда и нескольких детей (рисунок 3).

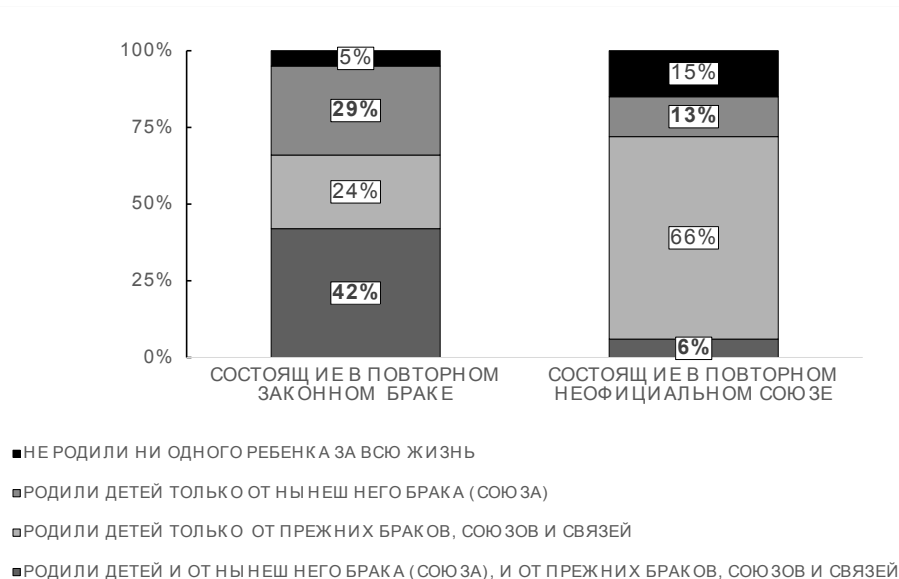

Рисунок 3 – Распределение (в %) женщин 40–44 лет, состоящих в повторном законном браке или неофициальном союзе по отцовству их детей

Figure 3 – Distribution (in %) of women aged 40–44 in a new legal marriage or in an informal union (after previous marriage or union) by origin of children born to them

Источник: расчеты по данным РПН-2022.

Повторные браки не так уж сильно влияют на рождаемость. Среднее итоговое число детей у всех состоящих в браке (независимо от его очередности) – 1,73. Это лишь на 0,04 больше, чем в первом браке (1,69).

Среди замужних (как в первом, так и в повторном законном браке) 5% бездетны. Среднее число детей, необходимое для простого замещения, в расчете на одну замужнюю женщину-мать составляет: $2,56 : (1 - 0,05) = 2,69$.

Депопуляция остановится лишь тогда, когда большинство семей, закончивших свое формирование, станут многодетными. Снижение рождаемости из-за безбрачия, разводов, вдовства и сожительств измеряется разницей между средним числом детей у состоящих в первом браке и у всех женщин 40–44 лет, включая одиноких: $1,69 - 1,42 = 0,27$.

Доля не состоящих в законном браке не может быть сведена к нулю. Но эти расчеты характеризуют лишь прямое влияние безбрачия, разводов и сожительств на рождаемость. По данным исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ¹⁶, 68,6% респондентов считают, что даже в семье с детьми муж имеет моральное право на развод с нелюбимой женой, а 71,2% признают, что и у жены есть

право на это, если она не любит мужа [18, с. 196–198]. Даже неконфликтующие супруги думают о разводе, когда их знакомые разводятся с мужьями и женами, которые ни в чем не виноваты. Когда жена грозит мужу разводом, если он не перестанет пьянствовать, то это зависит от него. Но если она хочет уйти к любимому мужчине, муж не может помешать этому. Да и жена, даже при идеальном поведении, не удержит мужа, если он полюбил другую. Но она хочет смягчить последствия развода. Одного ребенка можно воспитать и материально обеспечить без отца или найти ему отчима. С тремя детьми и то, и другое намного труднее. Авторы, которые считают, что условия жизни детей в неполных семьях не хуже, чем в полных [19; 20], не придают значения тому, что среди неполных семей преобладают однодетные, а в большинстве полных – несколько детей.

Чтобы избежать раздела имущества в случае развода, многие люди предпочитают соительство, конец которого не приводит к потере жилья. Но среднее число общих детей у сожителей в 2,5 раза меньше, чем у супругов.

По данным исследования «Жизненные стратегии семей с разным числом детей»¹⁷, сложные взаимоотношения в семье в той или иной мере

¹⁶ Исследование проводилось в 2018–2019 гг. под руководством А. И. Антонова при участии А. Б. Синельникова в Москве и других городах шести субъектов РФ. В 1,2 тыс. супружеских пар были опрошены оба супруга, если хотя бы один из них не достиг 60 лет. При этом один из супругов не слышал ответов другого.

¹⁷ Исследование проведено в 2024 г. в 40 субъектах РФ (N=944) под руководством А. Б. Синельникова. Опрашивались женщины от 40 до 60 лет и их мужья.

способствовали отказу от рождения еще одного ребенка в 49,6% однодетных, 43,7% двухдетных и 51,2% многодетных семей¹⁸.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Брачный статус влияет на демографическое поведение населения России в части формирования мотивации к рождению детей и многодетности, что является приоритетной государственной задачей, в соответствии с утвержденной Стратегией действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (далее Стратегия-2036). В настоящее время федеральными органами законодательной и исполнительной власти совместно с экспертным сообществом разрабатывается проект плана реализации Стратегии-2036. На первом заседании Экспертного совета при Совете при Президенте РФ по реализации государственной демографической и семейной политики (далее – заседание Экспертного совета) под руководством председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре, ответственного секретаря Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики Л. С. Гумеровой были представлены предложения в проект плана реализации Стратегии-2036¹⁹. В частности, выступая на заседании Экспертного совета, один из авторов, Т. К. Ростовская отметила целесообразность включения некоторых предложений в проект плана реализации Стратегии-2036 в целях укрепления института благополучной российской семьи, стимулирования рождаемости, а также обеспечения устойчивости демографического роста в условиях современных вызовов. Приведём их ниже.

В части модернизации законодательства в области семейной, демографической политики считаем необходимым:

– закрепить в семейном законодательстве таких понятий, как «семья», «благополучная семья», «многопоколенная семья», «семейно ориентированная среда» и др.;

– разработать проекты: Федерального закона «О государственной поддержке многодетной семьи», Государственной программы «Молодая детная (многодетная) семья», Государственной программы «Здоровая семья»;

– вести целенаправленную системную работу по формированию ценности зарегистрированного брака, рекомендуется также принятие региональных программ, обеспечивающих возможность формирования у молодежи устойчивости брачно-семейных отношений, стимулирующих рост рождаемости, обеспечивающих материальную и организационную поддержку многодетных семей, включая жилищные программы, налоговые льготы, расширение доступности образования;

– организациям различных форм собственности в рамках корпоративной социальной политики принимать дополнительные меры поддержки работников с детьми, связанные с рождением ребенка, обеспечение возможности его лечения и оздоровления, организации летнего отдыха, проведение корпоративных ивент-мероприятий по укреплению ценностей семейной культуры.

И, безусловно, необходимо усилить общенациональную информационно-коммуникационную кампанию, направленную на повышение ценности и устойчивости первого зарегистрированного брака, мотивацию молодых семей к рождению детей, формирование положительных семейных установок у детей, подростков и молодежи, включая позитивный образ прочной и дружной многодетной семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 78–90. EDN YSMAXW.
2. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с. EDN YQXVEN.
3. Горлова Е. А., Дудченко А. В., Гладько И. И. Роль брака и семьи в системе ценностей современной молодежи // Вестник Академии знаний. 2024. № 3 (62). С. 734–738. EDN DARPWI.
4. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе (анализ Всероссийского социологического исследования) // Вестник Академии права и управления. 2016. № 2 (43). С. 113–124. EDN WKCDIT.
5. Кишенин П. А., Зинина А. И., Максимова Т. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? // Демографическое обозрение. 2024. Том 11, № 4. С. 4–43. DOI 10.17323/demreview.v11i4.24288. EDN NJAYND.

¹⁸ Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова, А. Б. Синельников, А. В. Денисова. – М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024. С. 272. – 422 с.

¹⁹ Т. К. Ростовская на первом заседании Экспертного совета при Совете при Президенте РФ по реализации государственной демографической и семейной политики. – URL: <https://idrras.ru/news/2025/4/zasedanii-ekspertnogo-soveta-po-realizacii-gos-dem-i-sem-politiki.html>.

6. Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 428 с. ISBN 978-5-7598-1290-6. EDN XXSULJ.
7. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 344 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8. EDN FKJKMO.
8. Neyer G. (2003) Family policies and low fertility in Western Europe // MPIDR Working papers, WP-2003-021. DOI 10.4054/MPIDR-WP-2003-021.
9. Whittaker A. (2022). Demodystopias: Narratives of ultra-low fertility in Asia. *Economy and Society*, no. 51, pp. 116–137. DOI 10.1080/03085147.2021.1968672. EDN CTADCB.
10. Bergsvik J., Fauske A., Hart R.K. (2021). Can policies stall the fertility fall? A systematic review of the (quasi-) experimental literature. *Population and Development Review*, no. 47, pp. 913–964. DOI 10.1111/padr.12431. EDN HMQBTK.
11. Botev N. (2015). Could Pronatalist Policies Discourage Childbearing? *Population and Development Review*, no. 41 (2), pp. 301–314. DOI 10.1111/j.1728-4457.2015.00048.x. EDN URFOML.
12. Елисеева И. И. Устойчивость семьи // Женщины в российском обществе. 2024. № 4. С. 3–17. DOI 10.21064/WinRS.2024.4.1. EDN EHZQEJ.
13. Вяткина Л. Б., Лизунова Л. Р., Крузе Б. А., Сошникова Д. Н. Укрепление традиционных национальных семейных ценностей: мотивы вступления в брак современной молодежи // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2024. № 20. С. 90–101. DOI 10.24412/2712-827. EDN YSVUFJ.
14. Мазурова Н. В., Васильева Т. А. Жизненные ценности и мотивы вступления в брак в современном обществе // Мир психологии. 2025. № 1 (120). С. 261–272. DOI 10.51944/20738528_2025_1_261. EDN YAUYOE.
15. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 86–103. DOI 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7. EDN IGPZYZ.
16. Ростовская Т. К. Анализ выявления уровня информированности россиян о действующих мерах государственной семейно-демографической политики // Информационное общество. 2024. № 1. С. 2–10. DOI 10.52605/16059921_2024_01_2. EDN VDBCBD.
17. Захаров С. В., Чурилова Е. В., Агаджанян В. С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 1, С. 35–51. DOI 10.17323/demreview.v3i1.1762. EDN WFEIZP.
18. Синельников А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. М. : Перо, 2022. 392 с. ISBN 978-5-00204-684-3. EDN BQQGDE.
19. Гурко Т. А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2022. № 10, С. 107–116. DOI 10.31857/S013216250021397-9. EDN YKRCIF.
20. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 78–81. EDN TQASLP.

REFERENCES

1. Rostovskaya, T. K., Kaliyev, T. B. (2018) The world of values of young generation of Russians and Kazakhs. *Tsennosti i smysly*, no. 1 (53), pp. 78–90. <https://elibrary.ru/ysmaxw>.
2. Golod, S.I. (1998) Family and marriage: a historical and sociological analysis. St. Petersburg, Publ. Petropolis, 272 p. <https://elibrary.ru/yqxven>.
3. Gorlova, Ye. A., Dudchenko, A. V., Gladko, I. I. (2024) The Role of Marriage and Family in the System Values of Modern Youth. *The bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 3 (62), pp. 734–738. <https://elibrary.ru/darpmi>.
4. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2016) New trends in the formation of life strategies of young families members in contemporary Russian society (the analysis of all-Russian sociological research). *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, no. 2 (43), pp. 113–124. <https://elibrary.ru/wkcedit>.
5. Kishenin, P., Zinina, A., Maksimova, T. (2024). The intensity of fertility decline is increasing worldwide: Is a low fertility trap increasingly likely? *Demographic Review*, 11 (4), pp. 4–43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288>.
6. Russia's Population in 2013: 21st Annual Demographic Report / Executive editor S. V. Zakharov. Moscow, Publ. HSE, 428 pp. <https://elibrary.ru/xxsulj>.
7. Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report / Executive editor S. V. Zakharov. Moscow, Publ. HSE, 344 pp. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>. <https://elibrary.ru/fkjkm0>.
8. Neyer, G. (2003) Family policies and low fertility in Western Europe. *Working papers*, WP-2003–021. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2003-021>.
9. Whittaker, A. (2022) Demodystopias: Narratives of ultra-low fertility in Asia. *Economy and Society*,

- 51 (1), pp. 116–137. <https://doi.org/10.1080/03085147.2021.1968672>.
10. Bergsvik, J., Fauske, A., Hart, R.K. (2021) Can policies stall the fertility fall? A systematic review of the (quasi-) experimental literature. *Population and Development Review*, 47 (4), pp. 913–964. <https://doi.org/10.1111/padr.12431>.
 11. Botev, N. (2015) Could Pronatalist Policies Discourage Childbearing? *Population and Development Review*, 41 (2), pp. 301–314. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00048.x>.
 12. Eliseeva, I. I. (2024) Family Resilience. *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 3–17. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.1>. <https://elibrary.ru/ehzqej>.
 13. Vyatkina, L. B., Lizunova, L. R., Kruse, B. A., Sosnina, D. N. (2024) Strengthening traditional national family values: motives for marriage among modern young people. *Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*, no. 20, pp. 90–101. <https://doi.org/10.24412/2712-827KH-2024-20-90-101>. <https://elibrary.ru/ysvufj>.
 14. Mazurova, N. V., Vasilyeva, T. A. (2025) Life values and motives for marriage in modern society. *World of Psychology*, no. 1 (120), pp. 261–272. https://doi.org/10.51944/20738528_2025_1_261. <https://elibrary.ru/yauyoe>.
 15. Rostovskaya, T. K., Kuchmayeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2021) Motives for Marriage: Analysis through the Prism of Gender. *Research Result. Sociology and management*, 7 (1), pp. 86–103. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7>. <https://elibrary.ru/igpzyz>.
 16. Rostovskaya, T. K. (2024) Analysis of identifying the level of awareness of Russians about current measures of state family and demographic policy. *Information Society*, No 1, pp. 2–10. https://doi.org/10.52605/16059921_2024_01_2. <https://elibrary.ru/vdcbcd>.
 17. Zakharov, S. V., Churilova, E. V., Agadjanian, V. S. (2016). Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal? *Demographic Review*, Vol. 3. No 1, pp. 35–51. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1762>. <https://elibrary.ru/wfeizp>.
 18. Sinelnikov, A. B. (2022) Marriages and Divorces in Modern Society: Sociological Analysis. Moscow, Pero, 392 p. ISBN 978-5-00204-684-3. <https://elibrary.ru/bqqgde>.
 19. Gurko, T. A. (2022) Dynamics of Indicators of Development and Well-Being of Adolescents in Various Types of Families. *Sociologicheskie issledovania*, no. 10, pp. 107–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250021397-9>. <https://elibrary.ru/ykrcif>.
 20. Churilova, E. V. (2015) Composition and welfare of single-parent families in Russia. *Sociologicheskie issledovania*, no. 3, pp. 78–81. <https://elibrary.ru/tqaslp>.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: РОЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ОТКЛАДЫВАТЬ

О. В. Бессчетнова^а

^а Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящее время как в нашей стране, так и за рубежом (Индия, США, Китай, Нигерия, Пакистан) наблюдается замедление темпов роста населения. К 2100 году средние мировые демографические прогнозы показывают сокращение популяции практически в два раза по сравнению с современным, что может повлечь социально-экономические, политические, культурные и другие последствия. Острота ситуации заставляет правительства принимать меры уже сейчас, чтобы избежать пессимистических сценариев развития событий в будущем. В нашей стране важная роль в стабилизации населения, сохранении народа России отводится в том числе национальным проектам «Демография» (2018–2024) и «Семья» (2025–2030).

Материалы и методы. В статье использованы методы общелогического (обобщение, анализ, синтез) и эмпирического (опрос) характера. В 2024 году было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (n=185), в котором приняли участие студенты московских вузов в возрасте 18–29 лет с целью изучения семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что современная молодежь дает высокую оценку институту семьи, подчеркивая ее важные социальные функции по воспроизводству, воспитанию, социализации, поддержке и защите своих членов, и в большинстве своем ориентируется на полную семью с двумя детьми, созданную на основе зарегистрированного брака. Поэтому, на наш взгляд, именно высокая степень ответственности в условиях неопределенности и риска в сфере образования, труда и занятости, прагматичный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей в условиях сильной социальной дифференциации, заставляет молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст.

Выводы. Предпринятые меры государственной демографической политики не смогли кардинально изменить репродуктивные установки молодежи фертильного возраста, в связи с чем необходим поиск эффективных способов стимулирования рождаемости на основе дальнейшего осмысления эндогенных и экзогенных факторов, учета результатов исследований отечественных и зарубежных ученых для решения существующих демографических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодежь, репродуктивные установки, ценности, семья, демографическая политика, национальный проект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бессчетнова О. В. Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 17–31. EDN NYZYWW.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессчетнова Оксана Владимировна – доктор социологических наук, доцент; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (117513, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1) – профессор кафедры социальной работы; oksbesschetnova@gmail.com. SPIN 9594-7926, ORCID 0000-0002-4181-9886, Scopus ID: 54790700600, Researcher ID: D-7361-2013.

© О. В. Бессчетнова, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 12.01.2025; рецензия получена: 07.04.2025; принята к публикации: 25.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

FAMILY VALUES AND STUDENTS REPRODUCTIVE ATTITUDES: GIVING BIRTH CANNOT BE POSTPONED

O.V. Besschetnova^a

^aN. I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Russian Federation Ministry of Health
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. Currently, there is a slowdown in population growth both in our country and abroad (India, USA, China, Nigeria, Pakistan). By 2100, average global demographic forecasts show a population reduction of almost half compared to today's, which may entail socio-economic, political, cultural and other consequences. The severity of the situation forces governments to take measures now to avoid pessimistic scenarios for the development of events in the future. In our country, an important role in stabilizing the population, preserving the people of Russia is given, among other things, to the national projects «Demography» (2018–2024) and «Family» (2025–2030).

Materials and methods. In the research methods of general logical (generalization, analysis, synthesis) and empirical (survey) nature were used. In 2024 a sociological study was conducted using the online questionnaire method (n = 185), in which students of Moscow universities aged 18–29 took part in order to study the family values and reproductive attitudes of modern student youth.

Results and discussion. The conducted research has shown that modern youth highly values the institution of family, emphasizing its important social functions in reproduction, education, socialization, support and protection of its members and mostly focus on a complete family with two children, created on the basis of a registered marriage. Therefore, in our opinion, it is the high degree of responsibility in the conditions of uncertainty and risk in the sphere of education, labor and employment, a pragmatic approach to ensuring their future and the life of their children in the conditions of strong social differentiation that makes young people postpone marriage and having children to a later age.

Conclusion. The measures taken by the state demographic policy could not radically change the reproductive attitudes of young people of fertile age, in connection with which it is necessary to search for effective ways to stimulate the birth rate based on further understanding of endogenous and exogenous factors, taking into account the results of research by domestic and foreign scientists to solve existing demographic problems.

KEYWORDS

Youth, reproductive attitudes, values, family, demographic policy, national project.

FOR CITATION

Besschetnova, O. V. (2025) Family values and modern students reproductive attitudes: giving birth cannot be postponed. *Management Issues*, 19 (2), 17–31. <https://elibrary.ru/nyzyww>.

AUTHORS' INFORMATION

Oksana V. Besschetnova – Doctor of Sociological Sciences; N. I. Pirogov Russian National Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (117513, Moscow, Ostrovityanova St. 1) – *professor of Social Work Department*; oksbesschetnova@gmail.com. SPIN 9594-7926, ORCID 0000-0002-4181-9886, Scopus ID: 54790700600, Researcher ID: D-7361-2013.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 12.01.2025; reviewed 07.04.2025; accepted for publication 25.05.2025

■ ВВЕДЕНИЕ

Одним из направлений Стратегии национальной безопасности РФ является сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, что конкретизируется через «обеспечение

достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий, расширение возможностей для получения

качественного образования; поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, лиц с инвалидностью и пожилых граждан, воспитание детей, их всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие»; особо подчеркивается, что «повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России»¹.

Снижение рождаемости – общемировой тренд. Ученые из Университета Вашингтона (США), используя метод моделирования на основе критериев рождаемости, миграции и смертности, разработали несколько прогнозных демографических сценариев. В частности, в среднем (базовом) сценарии указывается, что численность мирового населения достигнет пика в 9,73 млрд чел. (8,84–10,9) в 2064 году, а затем начнет снижаться до 8,79 млрд чел. к 2100 году (6,83–11,8). Базовые прогнозы были сделаны для пяти крупнейших стран мира к 2100 году: Индия (1,09 млрд [0,72–1,71]), Нигерия (791 млн [594–1056]), Китай (732 млн [456–1499]), США (336 млн [248–456]) и Пакистан (248 млн [151–427]). К этому моменту люди старше 65 лет будут составлять 2,37 млрд чел. (1,91–2,87) в возрастной структуре населения планеты, в то время как лица моложе 20 лет лишь 1,70 млрд чел. (1,11–2,81). К 2050 году в 151 стране суммарный коэффициент рождаемости прогнозируется ниже уровня простого воспроизводства (СКР <2,1); для 23 стран, включая Японию, Таиланд, Испанию и Китай, характерно сокращение населения порядка 50% с 2017 по 2100 год [1, с. 1285], что может привести к непредсказуемым экономическим, социальным и геополитическим последствиям.

В нашей стране на основании данных Всероссийской переписи населения 2021 года, Росстатом были разработаны три варианта демографического прогноза (средний, низкий и высокий) до 2045 года. Согласно базовому сценарию к началу 2046 года население страны сократится до 138,8 млн чел. За период с 2024 по 2032 гг. численность популяции будет уменьшаться более чем на 400 тыс./год, естественная убыль составит 600–700 тыс. чел ежегодно; начиная с 2032 года, темпы сокращения населения замедлятся и к 2041–2045 гг. потери достигнут 200 тыс. чел/год². В связи с этим, по мнению отечественных экспертов из Института демографии имени Вишневского НИУ ВШЭ, «для компенсации убыли населения необходимо в течение восьмидесяти лет привлекать от 390 тыс. до 1,1 млн мигрантов, иначе к 2100 году

население страны может снизиться более, чем в два раза – до 67,4 млн чел.» [2, с. 56].

Сегодня наиболее острая демографическая ситуация складывается в ряде субъектов РФ: Еврейской автономной области, Республике Алтай, Вологде и на Камчатке; положительный естественный прирост демонстрируют лишь республики Северного Кавказа. В 2024 году наблюдались рекордно низкие значения рождаемости (8,5 на 1000 населения), характерные для 2000 года, наряду с ростом смертности населения (12,5 на 1000 населения) по сравнению с аналогичным периодом 2023 года (8,7 и 11,9 соответственно). В 2023 году суммарный коэффициент рождаемости в России составлял 1,41 (против 1,5 в 2021 году), что на 35% ниже уровня простого воспроизводства; в то время как в перспективе ставится задача увеличить данный показатель до 1,6 к 2030 и 1,8 к 2036 году, в том числе за счет рождения третьих и последующих детей³.

Для достижения целей и задач стратегического развития страны на средне- и долгосрочную перспективу по инициативе Президента РФ В. В. Путина с 2018 по 2024 гг. были реализованы сорок четыре государственные программы по пяти основным направлениям – «Новое качество жизни» (11 государственных программ), «Инновационное развитие и модернизация экономики» (18), «Обеспечение национальной безопасности» (5), «Сбалансированное региональное развитие» (6) и «Эффективное государство» (4), а также двенадцать национальных проектов, среди которых «Демография», «Образование», «Здравоохранение», «Экология», «Жилье и городская среда», «Производительность труда и поддержка занятости» и другие. По заявлению заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Татьяны Голиковой, сделанному на совещании с представителями российских регионов, «в 2022 году на реализацию нацпроекта “Демография” было предусмотрено 747 млрд рублей. Касовое исполнение составило 99,6%, что является одним из самых высоких показателей среди всех национальных проектов»⁴.

Вместе с тем, несмотря на достижение положительных результатов в ходе реализации национальных проектов, был выявлен ряд проблем, которые следует учитывать при планировании последующих мер государственной демографической политики, в том числе в сфере улучшения жилищных условий семей с детьми (в настоящее время льготная ипотека под 6% предоставляется

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 3.02.2025).

² Росстат представил три варианта прогноза численности населения РФ к 2046 году // Интерфакс. 9 января 2024 г. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (дата обращения: 5.02.2025).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.02.2025).

⁴ Татьяна Голикова провела совещание по вопросам реализации нацпроекта «Демография». 9 февраля 2023 г. – URL: <http://government.ru/news/47746/> (дата обращения: 2.02.2025).

с рядом условий – рождение второго и последующих детей после 01.01.2018 года, приобретение жилья только на первичном рынке); увеличение размера ежемесячного пособия по уходу за ребенком, при потере дохода неработающей матери порядка 60% и стабилизации семейного бюджета в связи с рождением каждого последующего ребенка (51% многодетных семей в России живут за чертой бедности); введение дополнительных мер поддержки при рождении четвертых и последующих детей; необходимость внедрения новых механизмов стимулирования рождаемости за счет предоставления права детям из многодетных семей на получение бесплатного высшего образования (позитивный опыт Сахалинской области); повышение доступности средств регионального материнского капитала, устранение дополнительных условий при его получении, что вызывает негативную реакцию со стороны населения (например, в Костромской области доля многодетных семей, получивших региональный материнский капитал, составляет порядка 5% из-за необходимости предварительной постановки на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении по договору социального найма)⁵.

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁶ заложил основы для претворения в жизнь девятнадцати национальных проектов, продолжая планомерный курс на поддержку семей с детьми, увеличение рождаемости, сохранение традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, в рамках национальной цели по сохранению населения, укреплению здоровья, повышению благополучия людей, поддержку семьи.

Преемником завершившегося национального проекта «Демография» стал новый национальный проект «Семья», запланированный к реализации с текущего года, который включает в себя пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Он предусматривает как ставшие традиционными меры государственной поддержки семей с детьми – материнский капитал, единое пособие, семейную ипотеку, так и новые инициативы – семейную налоговую выплату, создание комнат матери и ребенка для молодых семей в вузах,

позволяющих молодым родителям совмещать воспитание детей и получение профессионального образования; строительство женских консулгаций, перинатальных центров, охрану и укрепление здоровья, в том числе репродуктивного, проведение молекулярно-генетического скрининга будущих родителей при планировании беременности; расширение программы бесплатного лечения бесплодия и проведения ЭКО; модернизацию детских больниц, дошкольных учреждений; учреждений культуры, создание условий для проведения семейного досуга, сближения представителей разных поколений; скидки в размере 50% на авиабилеты для детей до 12 лет и много другое.

Помимо мероприятий, предусмотренных паспортами национальных, федеральных и региональных проектов, в ряде субъектов РФ (Орловская область, Хабаровский край, Республика Карелия) приняты дополнительные меры, стимулирующие рождаемость в когортах женщин до 25 лет, которые предусматривают единовременную выплату студенткам, проживающим на территории данных регионов и обучающимся по очной форме обучения в колледжах и вузах; а также увеличение размера пособия по беременности и родам до размера минимального размера оплаты труда (с 1.01.2025 – 22 440 рублей, до этого – в размере стипендии).

Кроме того, выдвигаются частные инициативы, поступающие от корпуса депутатов различных политических партий и профильных министерств, направленные на повышение рождаемости и улучшение положения семей с детьми: внесение в Государственную Думу законопроекта об увеличении размера пособия по уходу за ребенком до 60% от среднего заработка (сенаторы от партии ЛДПР Е. Афанасьева, В. Деньгин)⁷; предложение об увеличении оплачиваемого периода декретного отпуска до трех лет (Председатель комитета Госдумы по защите семьи от партии КПРФ Н. Останина)⁸; о бессрочном характере выплаты материнского капитала (в настоящее время до 31.12.2030) (Министерство труда и социальной защиты РФ)⁹; расширение программы жилищного кредитования, снижение ставки семейной ипотеки до 3% для многодетных семей, а для многодетных родителей – выдача беспроцентной ссуды до 35 лет (лидер партии «Справедливая Россия» С. Миронов)¹⁰.

⁵ О ходе реализации национального проекта «Демография». Парламентские слушания. Совет Федерации Федерального Собрания РФ. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/112369/> (дата обращения: 2.02.2025).

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 3.02.2025).

⁷ В Госдуме предложили увеличить пособия по уходу за ребенком // Коммерсантъ. 16 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7433145> (дата обращения: 3.02.2025).

⁸ Депутат Госдумы Останина поддержала идею об увеличении декрета до трех лет // Коммерсантъ. 12 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7497608> (дата обращения: 7.02.2025).

⁹ Минтруд предложил продлить программу маткапитала до 2030 года // Коммерсантъ. 14 января 2025 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7431942> (дата обращения: 08.02.2025).

¹⁰ Депутат Миронов придумал, как поднять рождаемость в полтора раза. – URL: <https://dzen.ru/a/Z6wrs9IiK2Q2vQ0b> (дата обращения: 13.02.2025).

Наряду с позитивными были утверждены меры «запретительного» характера: принятие Федерального закона от 23.11.2024 № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», запрещающего распространение информации, «пропагандирующей отказ от деторождения», нарушение которого наказывается штрафом до 400 тыс. для физических лиц; до 800 тыс. руб. для должностных лиц и до 5 млн руб. для юридических лиц¹¹; предложения от региональных органов власти, в частности – принятие законопроектов о запрете склонения женщин к абортam (Курская область), об исключении медицинских организаций частной системы здравоохранения из числа медицинских организаций, имеющих право проводить искусственное прерывание беременности (Нижегородская, Липецкая, Челябинская области; Республики Крым, Мордовия, Татарстан). Некоторые инициативы вызвали негативное отношение общественности и не прошли утверждение парламентариев – введение налога на бездетность (депутат от Единой России А. Гурулев); предоставление отцу права на развод с беременной женой, если ребенок не общий (внефракционный депутат Е. Марченко); законопроект, обязывающий суд принимать меры к примирению супругов с общими несовершеннолетними детьми при расторжении брака и обязывающий их пройти психологическую консультацию (группа депутатов и сенаторов от Единой России во главе с вице-спикером Думы А. Кузнецовой).

В настоящее время активизация деятельности государства, направленной на повышение рождаемости, обусловлена, на наш взгляд, рядом факторов: четкой установкой руководства страны на повышение рождаемости; закреплении демографической повестки в законах и нормативно-правовых документах; позиционированием многодетности в качестве приоритетной формы российской семьи в настоящем и будущем; фиксацией на основных функциях семьи как социального института – репродуктивной, воспитательной, социализирующей как оплоте российской государственности, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях; стремлением избежать исполнения пессимистического демографического прогноза, предполагающего стремительную убыль населения, уменьшение лиц трудоспособного и увеличение людей пенсионного возраста в социально-демографической структуре населения, что чревато негативными последствиями для экономики, национальной безопасности и суверенитета страны.

■ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В современной отечественной и зарубежной научной литературе для объяснения причин

трансформаций демографического поведения современных поколений молодежи фертильного возраста как в нашей стране, так и за рубежом, выражающихся в более позднем вступлении в брак, росте сожительства, разводов, откладывании рождения детей на более поздний срок, существует ряд объяснений [3].

Во-первых, по мере повышения уровня жизни детей индивидуальные ценностные ориентации смещаются в сторону приоритета самореализации [4; 5], что неизбежно приводит к увеличению среднего возраста вступления в брак и рождения детей либо вообще снижает готовность связывать себя узами официального брака и желанием иметь потомство, что приводит к распространению одиночества, сожительства, разводов, неполных семей и рождения внебрачных детей.

Во-вторых, некоторые исследователи [6; 7] обращают внимание на связь между уровнем образования, гендерными нормами и созданием семьи, утверждая, что распространение в обществе гендерно-эгалитарных норм, сближение женских и мужских гендерных ролей способствует повышению рождаемости и стабильности брачного союза.

В-третьих, создание семьи рассматривается через призму экономической целесообразности – как разница между выгодой (получением высокооплачиваемой работы) и издержками (необходимостью вкладывать в развитие своего человеческого капитала, получить образование, приобрести профессиональную квалификацию и мастерство). Чтобы в дальнейшем не только сохранить, но и повысить свой социальный статус и уровень благосостояния [8], индивид должен сосредоточиться преимущественно на карьере, а не на создании семьи и рождении детей. Кроме того, желание достичь статуса и уровня жизни родительской семьи мотивирует молодых супругов/партнеров откладывать деторождение на неопределенный срок [9]; необходимость найти себе «достойного» спутника жизни увеличивает время на поиск брачного партнера, в связи с чем добрачное сожительство рассматривается как приемлемая форма семьи, позволяющая в любой момент переключиться на нового, более статусного кандидата [10].

В-четвертых, процессы глобализации и постиндустриализации оказывают влияние на жизненный цикл семьи, вызывая экономическую неопределенность, нестабильность на рынке труда, повышая риск потери работы, дохода, отказа от привычного образа жизни, что заставляет молодых людей выбирать такие модели семьи, которые не связаны с долгосрочными обязательствами (например, сожительством), что, однако, характерно не для всех социальных страт.

¹¹ О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411230022?index=1> (дата обращения: 3.02.2025).

Родители с более высоким уровнем дохода и образования оказывают существенную поддержку своим детям, вкладывая средства в их человеческий капитал, стараясь минимизировать риски их нисходящей социальной мобильности, что может привести к отсрочке вступления в брак и родительства [11; 12].

В-пятых, структура родительской семьи (полная/неполная), качество детско-родительских отношений имеют важное значение для формирования у детей желания создавать собственную семью, что объясняется не столько социально-экономическими различиями, сколько ценностями и предпочтениями родителей, их способностью принимать участие в жизни детей, стрессом, вызванным разводом, что непосредственно влияет на механизмы межпоколенной трансмиссии семейного демографического поведения [13]. Как правило, дети из неполных семей с большей вероятностью намного раньше станут родителями, у них выше вероятность развода и повторения судьбы собственных родителей по сравнению с детьми из полных семей, которые откладывают родительство до вступления в брак [14].

Результаты отечественных исследований последних лет [15; 20] показывают, что участники опросов невысоко оценивают эффективность предпринятых государством мер в сфере повышения рождаемости, которые не смогли кардинально изменить репродуктивные установки молодежи фертильных возрастов, что требует, во-первых, дальнейшего научного осмысления причин, вызывающих изменение взглядов на брак, семью, детей; во-вторых, принятия во внимание результатов исследований отечественных и зарубежных ученых, учета прошлых ошибок и трудностей при реализации соответствующих государственных программ, национальных, федеральных и региональных проектов; в-третьих, поиска эффективных способов стимулирования деторождения в рамках совершенствования и дополнения мер государственной демографической политики.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

За последнюю декаду написано довольно много работ в сфере демографии, социологии, педагогики, экономики, психологии, посвященных изучению причин снижения рождаемости и описывающих данный феномен с позиции макро- и микроподходов. Однако, несмотря на это, следует констатировать отсутствие современных социологических монографических исследований о молодежных установках и практиках репродуктивного поведения, что вызывает необходимость в проведении описательных и аналитических исследований, как на региональном, так и на общенациональном уровне.

Целью данного исследования является теоретический анализ текущего состояния государственной демографической политики РФ, усилий, предпринимаемых органами государственной власти на федеральном, региональном, локальном уровнях, политическими партиями, отдельными активистами, направленных на повышение рождаемости, а также эмпирическое изучение закономерностей и противоречий формирования семейных ценностей и репродуктивных установок современной студенческой молодежи (на примере московского студенчества).

Основными гипотезами исследования выступили предположения о том, что современная молодежь, во-первых, не отрицает ценности семьи, ее функционала и предназначения, во-вторых, вкладывает в понятие «семья» свои смыслы (семья – это двое любящих людей; семья – это муж, жена, ребенок/дети), в-третьих, более ответственно подходит к созданию семьи и рождению детей, что влечет за собой «негативные последствия» (длительные сожительства, откладывание деторождения, стремление к получению образования и карьерному росту).

В этой связи в 2024 году было проведено социологическое исследование методом онлайн-анкетирования, в котором приняли участие 185 респондентов от 18 до 29 лет (80,5% девушек и 24,8% юношей), обучающихся по очной форме обучения в трех московских вузах – Финансовом университете при Правительстве РФ, Государственном университете управления при Правительстве РФ, Российском государственном университете социальных технологий – и выразивших добровольное согласие принять участие в опросе. Медианный возраст респондентов составил 18,5 лет. Большинство опрошенных принадлежат к возрастному диапазону 18–22 года, воспитывались в полной семье, на момент опроса не состояли в официальном браке (50,3%) и не имели детей (лишь 2,7 % указали на наличие ребенка); две трети студентов проживали совместно с родителями, треть – самостоятельно (в студенческом общежитии, на съемной квартире); 45,9% опрошенных состояли в отношениях.

Для достижения целей исследования использовалась целевая одноступенчатая нерепрезентативная выборка, основанная на трех критериях: возрасте, широкой географии территории проживания респондентов (в выборке представлены студенты из различных субъектов РФ до переезда в столицу с целью получения высшего образования) и принадлежности к поколению зуммеров, чей активный период социализации пришелся на потребление цифровых технологий. Выборка обусловлена тем, что, с одной стороны, данная социальная группа молодежи претерпела значительное влияние социально-экономических, политических

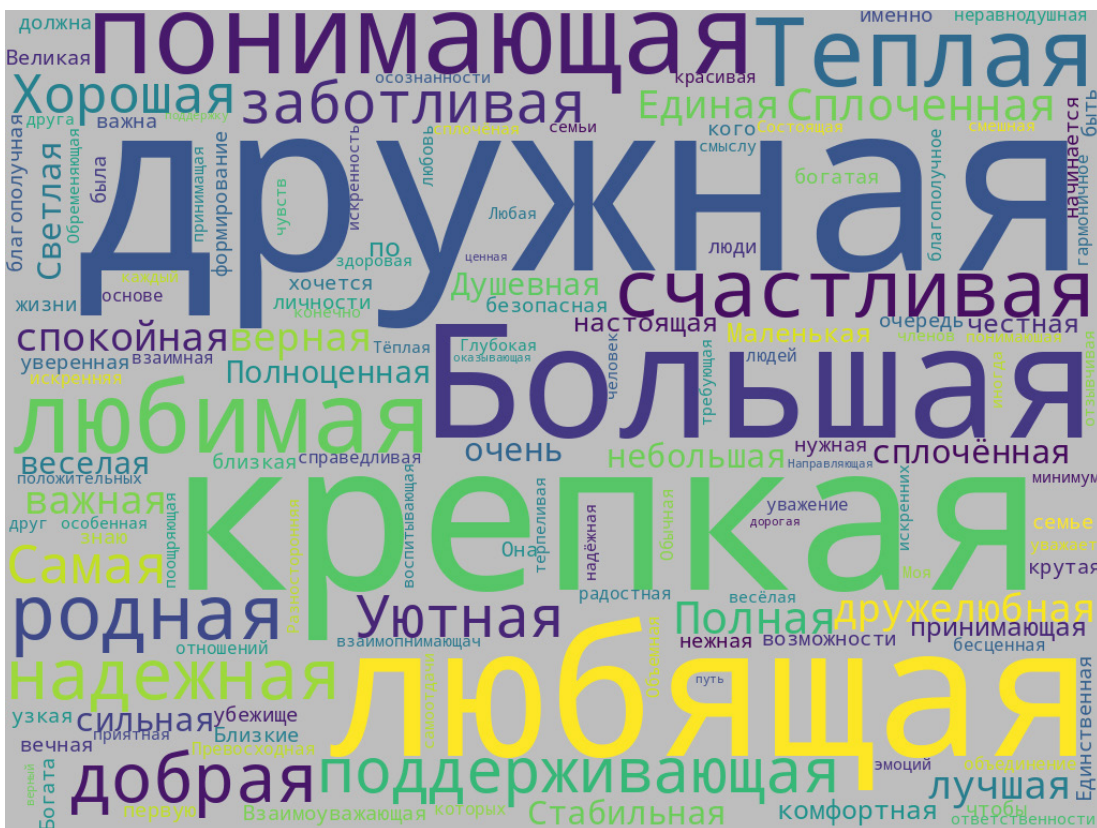

Рисунок 2 – Облако тегов при ответе на открытый вопрос «Семья – какая?»
Figure 2 – Tag cloud in response to the open question “Family – what kind of?”

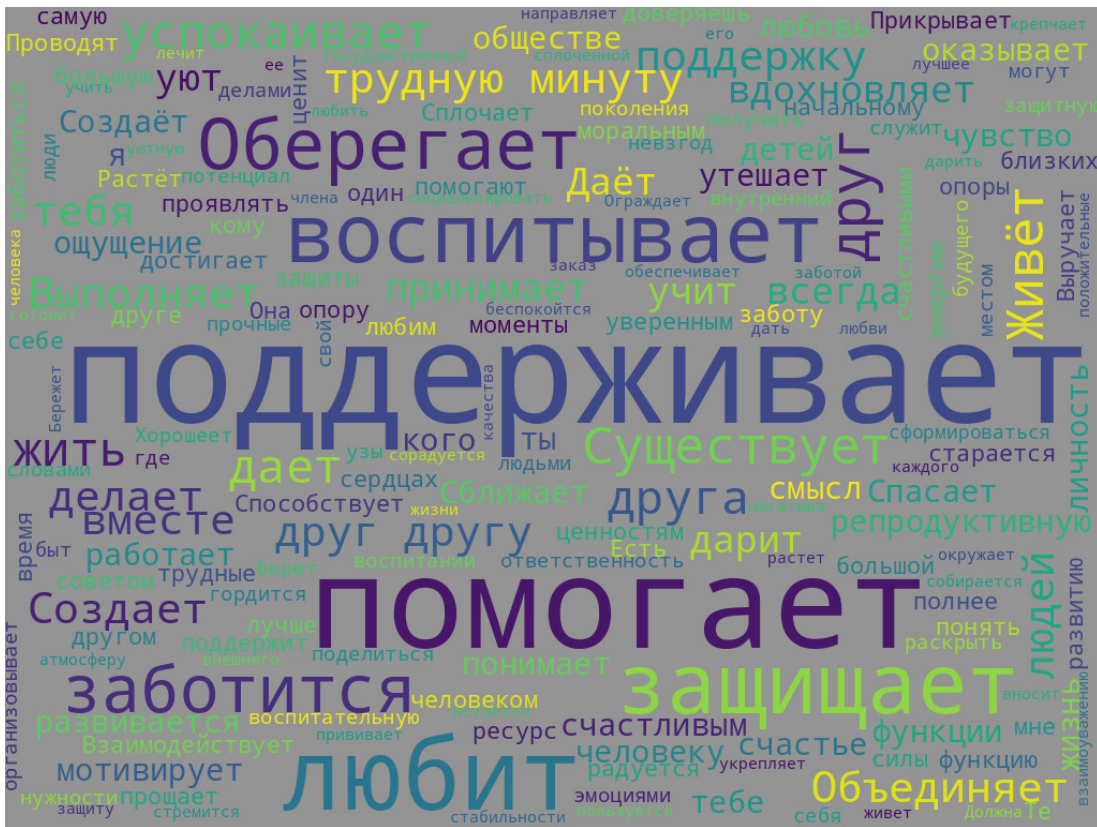

Рисунок 3 – Облако тегов при ответе на открытый вопрос «Семья – что делает?»
Figure 3 – Tag cloud in response to the open question “Family – what does it do?”

По мнению студенческой молодежи, за последние годы отношение к институту брака существенно снизилось (82,6%). Более половины опрошенных (60,5%) считают для себя наиболее приемлемым официальный брак, заключенный в органах ЗАГС без венчания в церкви, треть респондентов дополнительно настаивает на церковном обряде и лишь 3,8% рассматривают для себя свободные отношения.

Ведущими мотивами вступления в брак студенты называют эмоционально-психологическую поддержку (67,6%), заботу о здоровье и отдыхе, совместный досуг (42,2%), рождение детей, продолжение рода (40,0%), материальную обеспеченность (35,1%), любовь (27,0%), самореализацию и самовыражение (22,2%)¹². Составление брачного контракта поддерживают 60,5% информантов, 8,5% его не одобряют, треть остальных затруднились ответить.

Наибольшее влияние на брачное поведение оказывают социально-экономический статус (59,4%), наличие жилья (50,8%), работы (47,0%), правовой защищенности (40,5%), в наименьшей степени респонденты склонны фокусироваться на роли информационной, пространственной, культурной, политической и досуговой среды. Поэтому закономерно, что наиболее благоприятным периодом для вступления в брак 84,9% респондентов считают возрастной период от 20 до 30 лет.

На вопрос «Какую из форм нетрадиционного брака Вы считаете для себя допустимой?» 67,5% респондентов дали ответ «сожительство», 64,8% – «брак без детей», немногим менее трети (27,0%) согласны на гостевой брак, 2,7% – на однополый, 4,8% не приемлют ни одного из альтернативных брачных союзов¹³. К основным преимуществам официального брака отнесены: юридическая защита – закрепление законных прав и обязанностей супругов, возможность принимать решения относительно здоровья одного из них на законных основаниях; государственная поддержка семьи, льготы и выплаты; финансовая стабильность и безопасность в случае развода; уверенность в партнере и будущем; повышение доверия друг к другу; показатель серьезности намерений при ведении общего быта и воспитания детей. Среди преимуществ незарегистрированного брака отмечались свобода и независимость партнеров, мобильность, низкая степень ответственности; отсутствие бюрократических сложностей и издержек при разрыве отношений; гибкость в решении финансовых и имущественных проблем.

99,8% молодежи уверены, что у семьи есть будущее, большинство склоняется к тому, что семья видоизменится, но полностью не исчезнет.

Наивысшую ценность для молодых людей в семье представляют проявление любви к супругу (е) (91,3%), семейное единство и взаимовыручка (85,9%), эмоционально-психологический комфорт, защита от стрессов (85,4%), а также домашний очаг и бытовой комфорт (70,3%). Более половины молодых людей (58,9%) придерживается идеологии равноправия в определении лидерства в современных российских семьях, остальные 41,1% склонны традиционно видеть главой семьи мужчину.

Поддавляющее большинство респондентов считают полноценной семью с детьми: 58,4% – с двумя, 22,2% – с одним ребенком и 17,3% – с тремя и более. На вопрос «Сколько детей Вы планируете иметь при создании собственной семьи?» почти половина респондентов ответили, что планируют иметь двоих детей; 21,6% – одного ребенка; 15,6% – троих детей; 11,9% – ни одного. Результаты авторского исследования коррелируют с данными ВЦИОМ: идею многодетности поддерживают лишь 39% поколения зуммеров, в отличие от представителей более старших возрастов (68%), кроме того, традиционно в малых городах и сельской местности считают многодетность более привлекательной по сравнению с жителями больших городов и мегаполисов¹⁴.

Более половины опрошенных считают, с одной стороны, что государство не должно вмешиваться в сферу развития семьи, вместе с тем, с другой стороны, треть не согласна с тем, что меры государственной поддержки должны распространяться только на семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении; около 40% делегируют государству право охраны и активного возрождения традиционных семейных ценностей.

Авторское исследование показало, что современная молодежь дает высокую оценку институту семьи, подчеркивая ее важные социальные функции по воспроизводству, воспитанию, социализации, поддержке и защите своих членов. Вместе с тем, молодые люди сами не стремятся в скором времени связать себя узами брака и родить детей, обосновывая это необходимостью «встать на ноги» и «пожить для себя», т.е. получить образование, начать работать, самореализоваться в профессии или сделать карьеру, повысить свой уровень благосостояния, накопить на собственное жилье (первоначальный ипотечный взнос), заняться саморазвитием, сделать вклад в свой человеческий капитал. В этой связи из результатов исследования становится очевидным, что молодежь не отрицает традиционных семейных ценностей, в большинстве своем она ориентируется на

¹² Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа (не более 3), что дает суммарное значение более 100%.

¹³ Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа (не более 3), что дает суммарное значение более 100%.

¹⁴ Многодетная семья: оценка и отношения. Официальный сайт. 25 апреля 2024 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie>.

полную семью с двумя детьми, созданную на основе зарегистрированного брака. Поэтому, на наш взгляд, именно высокая степень ответственности, прагматичный подход к обеспечению своего будущего и жизни своих детей в условиях сильной социальной дифференциации, неопределенности и риска в сфере образования, труда и занятости, заставляет молодых людей откладывать вступление в брак и рождение детей на более поздний возраст, для того чтобы повысить шансы на сохранение и упрочение привычного образа жизни, минимизируя риски нисходящей социальной мобильности [16; 17; 18].

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема повышения рождаемости и необходимость поиска эффективных механизмов ее стимулирования мотивирует исследователей на изучение данного феномена, чьи результаты отражают, с одной стороны, региональные особенности, а с другой – позволяют выявить общероссийские формирующиеся тренды. Изучая репродуктивные установки молодежи Пензенской области ($n=520$), Н. В. Розенберг и А. М. Иваннишко приходят к выводу о том, что молодежь в основном ориентируется на двухдетную модель семьи; варианты семьи с одним ребенком и бездетной семьи чаще упоминаются как ожидаемые, кроме того, наблюдается существенный разрыв между ожидаемым и желаемым числом детей. Авторы указывают на то, что степень выраженности потребности в детях можно измерить тремя показателями: идеального (критерии – нормы эталонной группы, ближайшего окружения, которые формируются в раннем детстве и в дальнейшем с трудом поддаются изменениям), желаемого (когнитивные установки, особенности эмоциональной сферы, меняющиеся при волевом усилии индивида) и ожидаемого числа детей (социально-экономические факторы, доход, жилье, стабильность, здоровье, которые не в полной мере зависят от усилий конкретного человека) [19]. Эти данные дают основание для размышлений по использованию педагогических, информационных, просветительских методов, которые могут быть использованы при формировании репродуктивных установок с учетом возрастных, гендерных, психофизиологических, когнитивных особенностей детей и молодежи.

Социологический опрос молодых людей 18–35 лет ($n=200$), проведенный в Ярославле и Ярославской области, подтверждает позитивное восприятие деторождения и ориентацию на двухдетную модель будущей семьи. Среди причин отложенного родительства респонденты отмечают трудности материального характера, трансформацию гендерных ролей, равенство прав, стремление повысить свой профессиональный статус с целью снижения рисков погружения семьи в

бедность при рождении ребенка. Для повышения эффективности мер демографической политики указываются среди прочих: повышение доступности ипотечных кредитов на приобретение жилья, в том числе на вторичном рынке, и снижение ставки до 2%; введение ежемесячного пособия по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет; внедрение механизма государственных аккредитованных нянь с возможностью оплаты в том числе и из средств материнского капитала; предоставление бесплатного детского питания; введение образовательных программ, формирующих позитивный имидж семей с детьми [20].

В исследовании С. Ю. Сивоплясовой акцент сделан на некоторую противоречивую, амбивалентную оценку многодетности молодыми людьми: несмотря на то, что треть опрошенных выражают готовность иметь троих детей, параллельно молодежь демонстрирует нарастание негативного отношения к многодетности окружающих. Причинами этого могут быть, с одной стороны, особая модель поведения многодетных родителей и детей в обществе из-за неприспособленности городской/сельской инфраструктуры к потребностям семей с несколькими детьми, что требует внесения изменений в архитектурные, строительные стандарты и регламенты для минимизации дискомфорта всех участников взаимодействия в публичном пространстве; с другой стороны – более активная государственная поддержка многодетных, по сравнению с однодетными и малодетными семьями [21].

Исследование саратовских коллег, проведенное по квотно-территориальной выборочной совокупности ($n=480$) подчеркивает наличие корреляции между численностью детей в родительской семье и числом желаемых или ожидаемых детей в будущих семьях респондентов, но не более 2–3, т.е. многодетность родителей не передается детям в том же объеме. Главным репродуктивным мотивом выступает совместное желание супругов/партнеров иметь детей (71,4%), по мнению 60,2% опрошенных, рождение ребенка требует длительной подготовки, что подтверждает воспроизводство модели ответственного родительства. Кроме того, большинство респондентов говорят о необходимости помощи со стороны старшего поколения в уходе за детьми [22]. Данный тезис подтверждается и другими исследователями, которые отмечают, что «в обществе воспроизводится паттерн, что рождение детей и забота о них должны в первую очередь ложиться на родителей и семьи. А вот формирование эффективных и доступных систем здравоохранения и образования – зона ответственности государства» [23, с. 26]. Представляется интересным снижение важности фактора «нормативности» деторождения у современных поколений молодежи, т.е. обязательного наличия ребенка в семье к определенному возрасту

женщины в угоду общественному мнению, как это было у предыдущих поколений (мамы, бабушки), молодые люди «в меньшей степени готовы родить просто потому, что так принято» [24].

Результаты мониторинга студенчества г. Екатеринбурга (n=2000) за период 1999–2020 гг. позволили авторам «развенчать» некоторые мифы, стереотипно приписываемые молодежи: доля аборт у замужних женщин старших возрастов значительно выше, чем у молодежи; численность молодых семей, распадающихся в первый год брака, не превышает 3,5 %. В иерархии жизненных приоритетов молодежи доминирует фактор здоровья, опережая значимость богатства и денег; наблюдается рост самореализации (5% – 1999 г., 2007–2020 гг. – 31%), однако ее не стоит противопоставлять семье, т.к. она может осуществляться в том числе в сфере материнства и воспитания детей. Безосновательны и огульные обвинения молодежи в гедонизме: «в сознании молодых людей родительство совсем не противоположно удовольствиям от жизни, а составляет их органичную часть» [25, с. 49].

Консолидация исследовательских результатов, полученных автором статьи, в сопоставлении их с данными других исследователей, позволили сделать следующий вывод: несмотря на социальные, экономические, культурные, политические трансформации, семья продолжает сохранять свое значение как ведущая ценность. Лидирующими функциями, по мнению молодежи, являются взаимная поддержка и совместное проведение досуга, наряду с репродуктивной и воспитательной. К наиболее значимым рискам, связанным с родительством, респонденты относят трудности самореализации и падение уровня жизни, неуверенность в завтрашнем дне и самом себе [26]. Вместе с тем, студенты демонстрируют положительное отношение к вопросам усыновления (удочерения), а также методам вспомогательных репродуктивных технологий [27]. Именно эти факторы должны быть учтены при планировании мер социально-экономической поддержки молодых семей.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снижение рождаемости фиксируется не только в России, странах Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Португалия), но и в регионах с традиционной многопоколенной многодетностью, характерной для стран Африки, Азии и Ближнего Востока, включая Иран, Катар, Бахрейн. Например, за последние 20 лет коэффициент рождаемости в Саудовской Аравии снизился с 3,971 в 2000 году до 2,275 в 2019 году из-за низкой потребности в детях [28]. В 2023 году коэффициент рождаемости в Южной Корее был самым низким в мире – 0,65, что побудило Президента страны объявить чрезвычайную

ситуацию национального масштаба из-за демографического кризиса. Другими словами, снижение потребности в детях и отложенное родительство – не российский, а глобальный тренд, имеющий потенциал компенсаторного повышения рождаемости в более позднем возрастном периоде.

Причинами низкой рождаемости в нашей стране признаются сокращение населения репродуктивного возраста из-за демографической ямы конца 1990-х годов; экономический кризис 2014–2016 гг.; непоследовательные меры демографической политики, в том числе затягивание вопроса о продлении программы материнского капитала (решение было принято лишь в декабре 2015 г.); перенос его основных выплат за рождение первого ребенка, что снижает мотивацию к появлению вторых и последующих детей; пандемия COVID-19; санкционное давление со стороны недружественных государств, общемировой финансовый кризис, социальная нестабильность и напряженность, рост цен на товары первой необходимости и услуги, падение доходов и уровня жизни россиян; специальная военная операция на Украине, влияние либеральных ценностей на молодых людей; ориентация на получение образования, карьеру, саморазвитие и самореализацию вне и помимо семьи и, как следствие, откладывание рождения первых детей на более поздний период взросления. Отечественные ученые Т. К. Ростовская и О. А. Золотарева указывают на демографическое старение, будущее сокращение контингента трудоспособного населения вследствие сужения воспроизводства, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное [29].

Существующие изменения в репродуктивном поведении современных поколений молодежи приводят к мысли о том, что демографические проблемы не поддаются решению командно-административными методами, для этого необходимо введение грамотных, взвешенных, научно обоснованных мер государственной демографической политики, создание комплексных условий для деторождения, которые включают не только социально-экономическую поддержку (хотя это архиважно), но и предусматривают дальнейшие меры помощи семье, по мере развития ее жизненного цикла, в том числе позволяющие «актуализировать репродуктивный потенциал студенческой молодежи» через создание условий для молодых студенческих семей [15, с. 171–172], включающий комплекс мер, направленных на поддержку образования, совмещения работы и деторождения, развитие гибких графиков работы, развитие удаленных форм занятости для молодых родителей. Кроме того, при принятии управленческих решений следует учитывать богатый опыт субъектов РФ, накопленный ими, в том числе в ходе реализации предыдущих

национальных проектов (например, опыт Республики Татарстан по созданию и реализации комплексной целевой программы «Семья Татарстана», плана мероприятий по реализации семейной и демографической политики Республики Татарстан на 2022–2025 годы) [30].

Изучение матримониальных и репродуктивных установок молодежи является перспективным направлением для дальнейших научных исследований в сфере социологии и демографии, важными из которых, на наш взгляд, могут стать влияние цифровой среды и социальных сетей на формирование взглядов молодежи на брак и деторождение; изучение взаимосвязей между

уровнем образования, экономическим положением и репродуктивными планами молодых людей; роль социокультурных факторов и региональной специфики на репродуктивные намерения (например, различия между городской и сельской молодежью); трансформация репродуктивных норм в условиях глобальных кризисов (пандемия, экономическая нестабильность, экологические риски и др.).

Ограничения исследования: исследование проведено на ограниченной выборке среди московского студенчества, что следует принимать во внимание при экстраполяции результатов исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Vollset, S. E. et al. (2020) Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *Lancet*, 396 (10258), pp. 1285–1306. DOI 10.1016/S0140-6736(20)30677-2. EDN IRWTEB.
- Юмагузин В. В., Винник М. В. Долгосрочный прогноз компенсаторной миграции в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 1 (58). С. 48–64. DOI 10.31737/22212264_2023_1_48. EDNYDJZMW.
- Nishikido, M., Cui, Q., Esteve, A. (2022) Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78 (1), p. 770. DOI 10.1186/s41118-022-00170-w. EDN NZDPZE.
- Lesthaeghe, R. (2014) The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111 (51), pp. 18112–18115. DOI 10.1073/pnas.1420441111.
- Zaidi, B., Morgan, S. P. (2017) The second demographic transition theory: A review and appraisal. *Annual Review of Sociology*, 43 (1), pp. 473–492. DOI 10.1146/annurev-soc-060116-053442.
- Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappégard, T. (2015) The gender revolution: A framework for understanding changing family and demographic behavior. *Population and Development Review*, 41 (2), pp. 207–239. DOI 10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x.
- Esping-Andersen, G., Billari, F. (2015) Re-theorizing family demographics. *Population and Development Review*, 41 (1), pp. 1–31. DOI 10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x.
- Becker, G. S., Tomes, N. (1994) Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*, 4 (3, Part 2), pp. 1–39. DOI 10.1086/298118.
- Easterlin, R. A. (1976) The conflict between aspirations and resources. *Population and Development Review*, 2 (3/4), pp. 417–425. DOI 10.2307/1971619.
- Oppenheimer, V. (1988) A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*, 94 (3), pp. 563–591. DOI 10.1086/229030.
- Bernardi, F., Grätz, M. (2015) Making up for an unlucky month of birth in school: Causal evidence on the compensatory advantage of family background in England. *Sociological Science*, 2, pp. 235–251. DOI 10.15195/v2.a12.
- Erola, J., Kilpi-Jakonen, E. (2017) Compensation and other forms of accumulation in intergenerational social inequality. In J. Erola & E. Kilpi-Jakonen (Eds.), *Social inequality across the generations*, pp. 3–24. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. DOI 10.4337/9781786432568.
- Teachman, J. (2003) Childhood and the formation living arrangements of coresidential unions. *Journal of Marriage and Family*, 65 (3), pp. 507–524. DOI 10.1111/j.1741-3737.2003.00507.x. EDN GXTNVR.
- McLanahan, S. (2004) Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), pp. 607–627. DOI 10.1353/dem.2004.0033.
- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета*. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 169–179. DOI 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179. EDN XVZFAX.
- Наберушкина Э.К., Бессчетнова О.В., Судоргин О.А. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // *Журнал исследований социальной политики*. 2024. Т. 22. № 4. С. 697–714. DOI 10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714. EDN ZIBQVB.
- Бессчетнова О.В., Наберушкина Э.К., Судоргин О.А. Аксиологическая оценка влияния социальных институтов на семейные attitudes городской и сельской молодежи // *Теория и практика общественного развития*. 2024. № 10.

- С. 17–25. DOI 10.24158/tipor.2024.10.1. EDN SDLVJI.
18. Егорова Н. Ю., Ситникова И. В. «Демографический» фактор рождаемости: оценка потенциала территории на примере Нижегородской области // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 4. С. 25–40. DOI 10.22394/2304-3369-2024-4-25-40. EDN QQVRFO.
 19. Розенберг Н. В., Иванишко А. М. Репродуктивные установки молодежи Пензенской области: разрыв между ожидаемым и желаемым // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 109–117. DOI 10.21685/2072-3016-2021-3-10. EDN SCOQMU.
 20. Овчинникова Н. В. Репродуктивные установки молодежи // Социальные и гуманитарные знания, 2024. Т. 10, № 2. С. 202–217. DOI 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217. EDN САНРДУ.
 21. Сивоплясова С. Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 223–242. DOI 10.15838/esc.2022.1.79.12. EDN MNVASW.
 22. Бегина И. А., Овчинникова Е. В. Социально-демографические факторы репродуктивных установок и практик молодежи в России и Саратовском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 4. С. 381–389. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389. EDN MPVOGX.
 23. Левашов В. К., Великая Н. М., Шушпанова И. С. Граждане о реализации национального проекта «демография» в России // Вопросы управления. 2022. Т. 3, № 76. С. 19–31. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-19-31. EDN NKAIQS.
 24. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3-4 (129). С. 69–89. EDN ZGQEF0.
 25. Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. DOI 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN BRHDYG.
 26. Гараева Э. И. Репродуктивные установки молодежи мегаполиса (на материалах г. Екатеринбурга) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 48–51. DOI 10.23672/m3782-8247-5456-c. EDN XPOBNU.
 27. Воронцова А. В., Коваль М. В., Росюк Е. А. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Общественное здоровье. 2024. Т. 4, № 4. С. 68–75. DOI 10.21045/2782-1676-2024-4-4-68-75. EDN OILKZA.
 28. Lotfi R., Rajabi Naeni M., Rezaei N., Farid M., Tizvir A. (2017). Desired numbers of children, fertility preferences and related factors among couples who referred to pre-marriage counseling in Alborz province, Iran. *International journal of Fertility & Sterility*, 11 (3), pp. 211–219. DOI 10.22074/ijfs.2017.5010.
 29. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. № 3 (76). С. 6–18. DOI 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18. EDN SWXZSE.
 30. Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Архангельский В. Н. Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 35–47. DOI 10.22394/2304-3369-2024-5-35-47. EDN JUQLJM.

REFERENCES

1. Vollset, S. E. et al. (2020) Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*, 396 (10258), pp. 1285–1306. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2). <https://elibrary.ru/irwteb>.
2. Yumaguzin, V. V., Vinnik, M. V. (2023). Long-term forecast of the replacement migration in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 1 (58), pp. 48–64. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_48. <https://elibrary.ru/ydjzmv>.
3. Nishikido, M., Cui, Q., Esteve, A. (2022) Partnership dynamics and the fertility gap between Sweden and Spain. *Genus*, 78 (1), p. 26. <https://doi.org/10.1186/s41118-022-00170-w>. <https://elibrary.ru/nzdpe>.
4. Lesthaeghe, R. (2014) The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 111 (51), pp. 18112–18115. <https://doi.org/10.1073/pnas.1420441111>.
5. Zaidi, B., Morgan, S. P. (2017) The second demographic transition theory: A review and appraisal. *Annual Review of Sociology*, 43 (1), pp. 473–492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>.
6. Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappegard, T. (2015) The gender revolution: A framework for understanding changing family and

- demographic behavior. *Population and Development Review*, 41 (2), pp. 207–239. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00045.x>.
7. Esping-Andersen, G., Billari, F. (2015) Re-theorizing family demographics. *Population and Development Review*, 41 (1), pp. 1–31. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2015.00024.x>.
 8. Becker, G. S., Tomes, N. (1994) Human capital and the rise and fall of families. *Journal of Labor Economics*, 4 (3, Part 2), pp. 1–39. <https://doi.org/10.1086/298118>.
 9. Easterlin, R. A. (1976) The conflict between aspirations and resources. *Population and Development Review*, 2 (3/4), pp. 417–425. <https://doi.org/10.2307/1971619>.
 10. Oppenheimer, V. (1988) A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*, 94 (3), pp. 563–591. <https://doi.org/10.1086/229030>.
 11. Bernardi, F., Gratz, M. (2015) Making up for an unlucky month of birth in school: Causal evidence on the compensatory advantage of family background in England. *Sociological Science*, 2, pp. 235–251. <https://doi.org/10.15195/v2.a12>.
 12. Erola, J., Kilpi-Jakonen, E. (2017) Compensation and other forms of accumulation in intergenerational social inequality. In: J. Erola & E. Kilpi-Jakonen (Eds.) *Social inequality across the generations*, pp. 3–24. Cheltenham, Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781786432568>.
 13. Teachman, Ja. (2003) Childhood and the formation living arrangements of coresidential unions. *Journal of Marriage and Family*, 65 (3), pp. 507–524. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00507.x>. <https://elibrary.ru/gxtnvr>.
 14. McLanahan, S. (2004) Diverging destinies: How children are faring under the second demographic transition. *Demography*, 41 (4), pp. 607–627. <https://doi.org/10.1353/dem.2004.0033>.
 15. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2022) Institutional foundations of the formation of the student family as a resource of demographic development in Russia. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, 15 (1), pp. 169–179. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-169-179>. <https://elibrary.ru/xvzfax>.
 16. Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., Sudorogin, O. A. (2024) Family and Family Values in the Perceptions of the Young Generation. *The Journal of Social Policy Studies*, 22 (4), pp. 697–714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714>. <https://elibrary.ru/zibqvb>.
 17. Besschetnova, O. V., Naberushkina, E. K., Sudorogin, O. A. (2024) Axiological Assessment of the Influence of Social Institutions on Family Attitudes of Urban and Rural Youth. *Theory and Practice of Social Development*, 10, pp. 17–25. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.10.1>. <https://elibrary.ru/sdlvji>.
 18. Egorova, N. Yu., Sitnikova, I. V. (2024) “Demographic” factor of fertility: assessing territorial potential on the example of the Nizhny Novgorod region. *Management Issues*, 18 (4), pp. 25–40. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-4-25-40>. <https://elibrary.ru/qqvrfo>.
 19. Rosenberg, N. V., Ivanishko, A. M. (2021) Reproductive attitudes of the youth in Penza region: the gap between the expected and the desired. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 3, pp. 109–117. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-3-10>.
 20. Ovchinnikova, N. V. (2024) Reproductive attitudes of youth. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, 10 (2), pp. 202–217. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217>. <https://elibrary.ru/cahpdu>.
 21. Sivoplyasova, S. Yu. (2022) Reproductive attitudes of modern youth towards multi-child parenting: Patterns and contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15 (1), pp. 223–242. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.12>. <https://elibrary.ru/mnvasw>.
 22. Beginina, I. A., Ovchinnikova, E. V. (2021) Social-determination factor and practice youth in Russia and Saratov region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 21 (4), pp. 381–389. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-381-389>. <https://elibrary.ru/mpvogx>.
 23. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. (2022) Citizens on the “demography” national project implementation in Russia. *Management Issues*, 3, pp. 19–31. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-19-31>. <https://elibrary.ru/nkaiqs>.
 24. Zakharov, S. V., Churilova, E. V. (2019) Russia’s populace’s notions on reproduction: is there basis for optimism? *The Russian public opinion herald*, 3-4, pp. 69–89. <https://elibrary.ru/zgqefo>.
 25. Vishnevskii, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyryanova, O. B. (2024) Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety. *Woman in Russian society*, 1, pp. 40–55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>. <https://elibrary.ru/brhdyg>.
 26. Garayeva, E. I. (2020) Reproductive attitudes of megapolis youth (based on the materials of Yekaterinburg). *Humanities, social-economic and social sciences*, 5, pp. 48–51. <https://doi.org/10.23672/m3782-8247-5456-c>. <https://elibrary.ru/xpobny>.
 27. Vorontsova, A. V., Koval, M. V., Rosyuk, E. A. (2024) Features of reproductive installations of modern youth. *Public health*, 4 (4), pp. 68–75. <https://doi.org/10.21045/2782-1676-2024-4-4-68-75>. <https://elibrary.ru/oilkza>.
 28. Lotfi, R., Rajabi Naeeni, M., Rezaei, N., Farid, M., Tizvir, A. (2017) Desired numbers of children, fertility preferences and related factors among

- couples who referred to pre-marriage counseling in Alborz province, Iran. *International Journal of Fertility & Sterility*, 11 (3), pp. 211–219. <https://doi.org/10.22074/ijfs.2017.5010>.
29. Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. (2022) Demographic stability as a priority of the RF demographic policy. *Management Issues*, 3, pp. 6–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-3-6-18>. <https://elibrary.ru/swxzse>.
30. Ildarkhanova, Ch. I., Ershova, G. N., Arkhangel'sky, V. N. (2024) Experience of the Family and Demography Center of Tatarstan Academy of Sciences in scientific and methodological support of the demographic policy of the Republic of Tatarstan. *Management Issues*, 18 (5), pp. 35–47. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-35-47>. <https://elibrary.ru/juqljm>.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ БУДУЩИХ СУПРУГОВ, ИЛИ «ДОГОВОРИМСЯ НА БЕРЕГУ»

А. Е. Звонарева^а, Н. С. Рычихина^а
^а Ивановский государственный университет
(Иваново, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Современный институт семьи претерпевает трансформационные изменения. Одним из направлений данных изменений является увеличение количества разводов. Современные исследователи выдвигают различные гипотезы, объясняющие данное явление. Изучение причин, по которым распадаются семьи, необходимо для разработки мер социальной и государственной политики, которая будет направлена на предупреждение разводов.

Материалы и методы. Для анализа уровня браков и разводов в Ивановской области были использованы статистические материалы по демографии.

Для исследования распределения семейных обязанностей поколения X и представлений о распределении семейных обязанностей поколения Z был применен метод формализованного интервью. Данный метод позволил в короткий срок опросить 200 человек. Также в результате применения метода формализованного интервью удалось обеспечить репрезентативность выборки с помощью математического аппарата.

Результаты. В статье представлены результаты вторичного анализа документов, содержащих статистические данные об уровнях брачности и разводимости в Ивановской области. Приведена статистика браков и разводов в России за последние годы. Представлены результаты социологического исследования распределения семейных обязанностей поколения X и представлений о распределении семейных обязанностей поколения Z. Важным итогом данного исследования стала разработка опросника для будущих супругов. Авторы рекомендуют предлагать заполнение данного опросника молодым парам перед вступлением в брак. Причем важен сам процесс заполнения опросника супругами, поскольку предоставляет возможность обсудить важные вопросы будущей совместной жизни. Текст опросника представлен в статье.

Обсуждение. Перспективы исследования – это проведение лонгитюдных социологических и психологических исследований, которые позволили бы оценить степень влияния предварительных договоренностей будущих супругов на стабильность и продолжительность брака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Демография, семья, разводимость, брачность, домашние обязанности, традиционные ценности, материальное обеспечение, лидерство в семье.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Звонарева А. Е., Рычихина Н. С. Распределение семейных обязанностей будущих супругов, или «Договоримся на берегу» // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 32–56. EDN YPKDNL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Звонарева Александра Евгеньевна – кандидат социологических наук; Ивановский государственный университет (153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5) – *доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом*; alexandra_zvonareva@mail.ru. SPIN 9516-9422, ORCID 0009-0008-0481-2758.

Рычихина Наталия Сергеевна – кандидат экономических наук; Ивановский государственный университет (153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5) – *доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом*; richihina@mail.ru. SPIN 1714-3140, ORCID 0000-0001-9872-424X, Scopus ID 57218823088.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© А. Е. Звонарева, Н. С. Рычихина, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Статья поступила: 12.03.2025; рецензия получена: 06.05.2025; принята к публикации: 03.06.2025.

RESEARCH ARTICLE

FUTURE SPOUSES FAMILY DISTRIBUTION RESPONSIBILITIES, OR «LET'S MAKE A DEAL ON THE SHORE» BEHAVIOUR PATTERN

A. E. Zvonareva ^a, N. S. Rychikhina ^a

^a Ivanovo State University
(Ivanovo, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The modern institution of the family is undergoing transformational changes. One of the directions of these changes is the increase in the number of divorces. Modern researchers put forward various hypotheses explaining this phenomenon. Studying the reasons why families break up is necessary to develop social and public policy measures that will be aimed at preventing divorce.

Materials and methods. Statistical materials on demography were used to analyze the level of marriages and divorces in the Ivanovo region. To study the distribution of family responsibilities of generation X and ideas about the distribution of family responsibilities of generation Z, the formalized interview method was used. This method allowed us to interview 200 people in a short time. Also, as a result of the application of the formalized interview method, it was possible to ensure the representativeness of the sample using a mathematical apparatus.

Results. The article presents the results of a secondary analysis of documents containing statistical data on the levels of marriage and divorce in the Ivanovo region. The statistics of marriages and divorces in Russia in recent years have been presented. The results of the sociological study of the distribution of family responsibilities of generation X and ideas about the distribution of family responsibilities of generation Z have also been provided. An important result of this study was the development of a questionnaire for future spouses. The authors recommend that young couples should be offered to fill out this questionnaire before getting married. Moreover, the process of filling out the questionnaire by the spouses is important, as it provides an opportunity to discuss important issues of future life together. The text of the questionnaire is presented in the article.

Discussion. The prospects of the study are to conduct longitudinal sociological and psychological studies that would allow us to assess the degree of influence of the preliminary agreements of future spouses on the stability and duration of marriage.

KEYWORDS

Demography, family, divorce, marriage, household duties, traditional values, financial support, leadership in the family.

FOR CITATION

Zvonareva, A. E., Rychikhina, N. S. (2025) Future spouses family distribution responsibilities, or «Let's make a deal on the shore» behaviour pattern. *Management Issues*, 19 (2), 32–56. <https://elibrary.ru/ypkdnl>.

AUTHORS INFORMATION

Alexandra E. Zvonareva – Candidate of Sociology sciences; Ivanovo State University (153025, Russia, Ivanovo, Timiryazeva St., 5) – *Sociology, Social Work and Personnel Management Department Associate Professor*; alexandra_zvonareva@mail.ru. SPIN 9516-9422, ORCID 0009-0008-0481-2758.

Nataliya S. Rychikhina – Candidate of Economics; Ivanovo State University (153025, Russia, Ivanovo, Timiryazeva д.5) – *Sociology, Social Work and Personnel Management Department Associate Professor*; richihina@mail.ru. SPIN 1714-3140, ORCID 0000-0001-9872-424X, Scopus ID 57218823088.

The authors declare about interest conflict lack.

The article was submitted: 12.03.2025; reviewed: 06.05.2025; accepted for publication: 03.06.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Важными факторами, влияющими на демографическое самочувствие страны, выступают устойчивость брачных союзов и рост рождаемости в семье. В 2024 году, признанном Годом семьи

в Российской Федерации, были приняты новые национальные проекты «Семья» и «Молодежь и дети», направленные на формирование и укрепление традиционных семейных ценностей, а также утверждена Стратегия действий по реализации

семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Демографический вызов, обусловленный снижением рождаемости, откладыванием молодым поколением рождения первого ребенка на более поздний период и переходом к малодетным семьям, активизировал ученых на поиск эффективных мер разрешения данной ситуации.

Состояние и тенденции семейного потенциала в России рассмотрены в исследованиях В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондаковой [1], В. В. Орлова, А. В. Тараканова, А. Л. Таточенко [2], А. Б. Синельникова [3], Ю. Д. Цыбенко, Э. И. Гараева¹, А. Л. Сеницы². Изменения в сфере брачного поведения молодого поколения находят объяснения в рамках концепции «второго демографического перехода» в работах зарубежных ученых Р. Лестэг и Д. Ван де Каа в 1986 г.³. Действенность мер реализуемой в настоящее время демографической политики описываются в работах Т. К. Ростовской [4; 5], Г. Г. Силласте [6], О. В. Кабайкиной [7], А. В. Короленко⁴, А. А. Шабуновой, С. В. Крошилиной, А. В. Ярашевой, Е. И. Медведевой [8], Е. А. Айдаровой, А. А. Рыбаковой⁵, Т. В. Соловьевой, Д. А. Бистяйкиной, Е. Г. Паньковой [9] и других ученых. Особый интерес представляют работы О. В. Гоковой, А. М. Киселевой [10], Л. А. Поповой [11], А. И. Мальшиной, М. А. Кулигиной, И. А. Пановой [12], В. В. Кривоускова, Н. А. Цветковой⁶, направленные на изучение формирования репродуктивных и семейных установок молодежи, а также работы ученых Чэн Сюминь, Тань Жоюй, О. Н. Калачиковой [13], занимающихся изучением брачного поведения супругов не только в России, но и в европейских странах, а также в Китае. Вопросы поддержки молодых семей и формирования репродуктивного поведения молодежи актуальны также в настоящее время для стран Центральной и Восточной Европы

и находит свое отражение в работах J. Ermisch [14], J. Bradshaw, N. Finch, S. Daphne⁷, O. Kravdal [15], P. McDonald⁸, M. Lacalle-Calderon, M. Perez-Trujillo, I. Neira [16], N. M. Hassan⁹ и других ученых.

Особенности реализации региональных мер семейной политики рассматриваются в работах А. Б. Берендеевой [17], Т. К. Ростовской, А. А. Шабуновой [18; 8], В. Н. Архангельского, Н. Г. Джанаевой [19], Е. Н. Тимушева, Ю. В. Дубровской, Е. В. Козоноговой [20], Е. М. Щербаковой [21], В. Г. Ушаковой [22].

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для анализа уровня браков и разводов в Ивановской области были использованы статистические материалы по демографии.

Для исследования распределения семейных обязанностей поколения X и представлений о распределении семейных обязанностей поколения Z был применен метод формализованного интервью. Данный метод позволил в короткий срок опросить 200 человек. Также в результате применения метода формализованного интервью удалось обеспечить репрезентативность выборки с помощью математического аппарата.

Статистика брачности и разводимости в России последние несколько лет неутешительна¹⁰. По данным ВЦИОМ, в первом полугодии 2024 года восемь из десяти браков распались. Это самые высокие показатели неустойчивости брачных союзов за последние несколько лет, что еще раз подтверждает актуальность темы исследования.

На примере Ивановской области рассмотрим показатели брачности и разводимости, выявим причины неустойчивости брачных союзов в разных возрастных поколениях X и Z и дадим превентивные рекомендации по укреплению брачных союзов.

¹ Цыбенко Ю. Д., Гараева Э. И. Реализация семейной политики как способ решения некоторых демографических проблем (на примере Свердловской области) // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. С. 330–338.

² Сеница А. Л. Демографическая и семейная политика в современной социальной политике: теоретические подходы, цели, механизмы реализации и оценка результативности (часть 1) // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–59.

³ Lesthaeghe, R. and Neels, K. (2002). From the first to the second demographic transition: An interpretation of the spatial continuity of demographic innovation in France, Belgium and Switzerland. *European Journal of Population* 18(4), pp. 325–360.

⁴ Короленко А. В. Современный демографический кризис в России и Вологодской области: сущность, причины и основные черты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 1. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/01/8758> (дата обращения: 16.01.2022).

⁵ Айдарова Е. А., Рыбакова А. А. Правовой аспект семейно-демографической политики Московской области. *Бизнес и общество*. 2023. № 2 (38). – URL: https://business-society.ru/2023/2-38/54_rybakova.pdf.

⁶ Кривоусков В. В., Цветкова Н. А. Проблемы гендерной социализации в российских семьях женщин и о глобальном недоверии между полами в условиях цифровой трансформации общества. *Цифровая социология*. 2025. Т. 8. № 1. С. 4–11.

⁷ Bradshaw J., Finch N., Daphne S. (2005). Can policy influence fertility? – URL: <https://www-users.york.ac.uk/~jrb1/documents/CP2082FISS11.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

⁸ McDonald P. (2000). The “Toolbox” of public policies to impact on fertility – a global view. In: *Low Fertility, Families and Public Policies*. Sevilla: European Observatory on Family Matters. – URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/abt2/infopool/Demographie/Toolbox_Public_Policies.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

⁹ Hassan N. M. (2016). Work-life balance: a concern on effectiveness of job role and employee's engagement towards organizational goal. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, vol. 6, no. 11, pp. 411–422.

¹⁰ Демографическое самочувствие регионов России. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Абдульязнов А. Р., Архангельский В. Н., Ахметова Г. Ф., Багирова А. П., Валиахметов Р. М., Васильева Е. Н., Гринвальд О. В., Егорова Н. Ю., Ершова Г. Н., Зимовина Е. П., Иванова А. Е., Ильдарханова Ч. И., Калачикова О. Н., Касьянова Е. В., Комлева Р. Н., Короленко А. В., Кучмаева О. В., Плеханова Л. В. и др. Национальный демографический доклад-2023. – Вологда, 2024.

В Ивановской области численность женщин в возрасте от 15 до 49 лет соответствует численности мужчин в фертильном возрасте. На 1 января 2024 года на 198963 женщин фертильного возраста приходится 198506 мужчин в возрасте от 15 до 49 лет. В 2023 году на 201637 женщин

фертильного возраста приходилось 201085 мужчин (таблица 1). То есть, на одну женщину данной возрастной категории приходится примерно один мужчина аналогичного возраста, что несомненно должно положительно влиять на число браков и рост рождаемости в регионе.

Таблица 1 – Численность мужчин в возрасте 15–49 лет, приходящихся на одну женщину фертильного возраста в Ивановской области
Table 1 – The number of men aged 15–49 per woman of childbearing age in the Ivanovo region

Показатель	2019	2022	2023	2024
Численность мужчин в возрасте 15–49 лет, приходящихся на одну женщину фертильного возраста	1,02	1,3	~ 1	~ 1

Однако в действительности в Ивановской области наблюдается высокий процент расторжения браков и устойчивая тенденция нестабильности процессов создания и распада брачных союзов. В Ивановской области за 2023 год было зарегистрировано 5313 браков. В 2023 году по сравнению с 2022 годом количество зарегистрированных браков снизилось на 1001 брак, или на 16%¹¹. В 2022

году на 1000 человек в регионе приходилось 6,9 зарегистрированных браков. Это было самое высокое значение данного показателя с 2018 года. В первом полугодии 2024 года в области зарегистрировано 1999 браков, что на 27 браков меньше, чем за аналогичный период 2023 года. Прослеживается динамика снижения числа заключаемых браков (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели брачности и разводимости по Ивановской области с 2019 по 2024 год
Table 2 – Marriage and divorce rates in Ivanovo region from 2019 to 2024

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	Январь–июнь 2024
Число браков	5695	4749	5351	6314	5313	1999
Число разводов	4101	3985	4342	4492	4135	1956
Коэффициент брачности ¹²	5,7	4,8	5,4	6,9	5,8	4,4
Коэффициент разводимости ¹³	4	4	4,4	4,9	4,5	4,4

Коэффициент брачности за 2023 год составлял 5,8%. В первом полугодии 2024 года коэффициент брачности составил 4,4%. В 2023 году в области снизилось не только количество зарегистрированных браков, но и количество разводов между супругами. За 2023 года в области зарегистрировано 4135 актов разводов. Коэффициент разводимости за 2023 год составил 4,5%. По отношению к 2022 году количество разводов в 2023 году снизилось на 357. Коэффициент разводимости в 2023 году по сравнению с 2022 годом снизился на 0,4%. Несмотря на снижение показателей разводимости в 2023 году по сравнению с 2022 годом, соотношение коэффициентов брачности и разводимости по Ивановской области имеет высокие параметры. Соотношение коэффициентов брачности и разводимости по Ивановской области показывает, что в 2023 году число разводов

составляло 78% от браков. В 2022 году число разводов составляло 71% от браков (рисунок 1).

В первом полугодии 2024 года тенденция высокой разводимости по отношению к числу заключаемых браков сохраняется. В первом полугодии 2024 года был зафиксирован 1956 развод, что на 55 разводов больше, чем за аналогичный период 2023 года (первое полугодие 2023 года). Анализ соотношения коэффициентов брачности и разводимости по Ивановской области в первом полугодии 2024 года показывает еще более высокое соотношение числа разводов к бракам, что связано со снижением числа заключаемых браков и ростом разводов. Нестабильность семейных отношений напрямую влияет на уровень рождаемости женщин. В области преобладают женщины, имеющие одного и двух детей. В среднем на 1 женщину фертильного возраста по Ивановской

¹¹ Демографическое самочувствие регионов России. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Абдульязнов А. Р., Архангельский В. Н., Ахметова Г. Ф., Багирова А. П., Валиахметов Р. М., Васильева Е. Н., Гринвальд О. В., Егорова Н. Ю., Ершова Г. Н., Зимовина Е. П., Иванова А. Е., Ильдарханова Ч. И., Калачикова О. Н., Касьянова Е. В., Комлева Р. Н., Короленко А. В., Кучмаева О. В., Плеханова Л. В. и др. Национальный демографический доклад-2023. – Вологда, 2024.

¹² Коэффициент брачности показывает, сколько браков приходится на 1000 населения за определенный период.

¹³ Коэффициент разводимости показывает, сколько разводов приходится на 1000 населения за определенный период.

области приходится 1,261 ребенка (суженное воспроизводство, простое – 2,1).

Сложившаяся демографическая ситуация, показывающая устойчивость тенденции количества разводов и роста числа одиноких матерей, требует глубокого изучения.

Основными причинами разводов являются разные жизненные ценности супругов, отсутствие эмоциональной связи, несовпадающие взгляды на распределение обязанностей в семье, на воспитание детей, которые приводят в итоге к конфликтности и разладу в семейных отношениях.

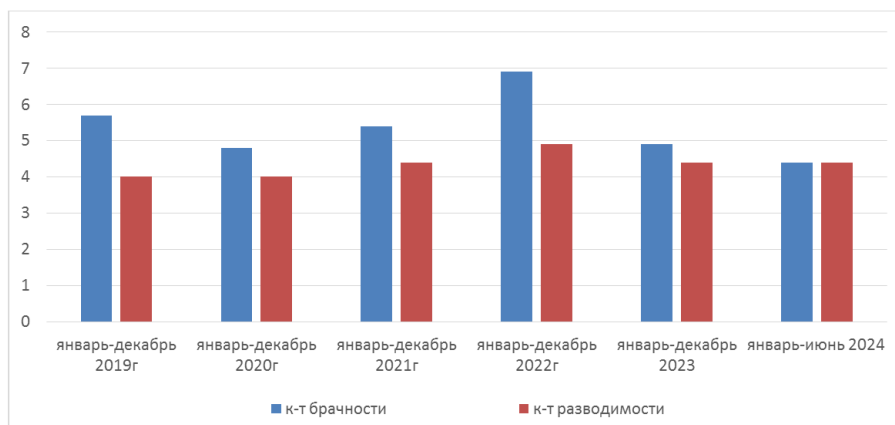

Рисунок 1 – Соотношение коэффициентов брачности и разводимости по Ивановской области с 2019 по 2023 год

Figure 1 – Ratio of marriage and divorce rates in the Ivanovo region from 2019 to 2023

■ АНАЛИЗ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

Исследование распределения семейных обязанностей было проведено в рамках исследовательского проекта, посвященного изучению факторов брачного выбора представителей поколений X и Z в г. Иваново, в мае 2024 года [23] при помощи метода формализованного и неформализованного интервью (неформализованное, глубинное интервью было использовано в качестве пилотажного метода исследования). Для исследования поколений X и Z города Иваново, с целью обеспечить равное представительство мужчин и женщин в каждой из групп, была выбрана квотная выборка. Объем выборочной совокупности составил 204 человека. Объектом исследования выступили жители г. Иваново поколений X (1965–1980 г.р.) и Z (1997–2007 г.р.).

■ ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Теория поколений, разработанная американскими социологами Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом в 1991 году, основывается на идее о сменяемости поколений каждые 20 лет и объединяющих критериях, таких как влияние общих исторических событий и социокультурных тенденций, общие убеждения и модель поведения, а также чувство принадлежности к своему поколению. В результате исследования было выделено несколько типов поколений: «строители» или «победители», «молчаливое поколение», «беби-бумеры», поколение X, поколение Y (или «миллениумы») и поколение Z.

Для настоящего исследования были выбраны два поколения – X и Z, это было обусловлено тем, что поколение Z (1997–2007 г.р.) находится в

настоящее время в периоде активного выбора партнеров для создания семьи. На основе их критериев отбора брачного партнера можно разработать государственную программу для решения демографической проблемы в стране. Кроме того, поколение X (1965–1980 г.р.) являются родителями поколения Z (1997–2007 г.р.), что подчеркивает глубокую связь и взаимодействие между представителями разных возрастных групп, а также влияние воспитания поколения X на брачный выбор поколения Z. Помимо этого изучение факторов брачного выбора важно для снижения уровня разводов. Несмотря на то, что многие пары, заключающие брак, считают, что он продлится всю жизнь, уровень разводов в настоящее время является довольно высоким: в 2024 году в России на 1000 браков приходится 1211 разводов.

Поколение X охватывает людей, родившихся примерно в период с середины 1960-х до начала 1980-х годов. В это время стали актуальными серьезные проблемы с наркотиками и СПИДом. Последствия военных действий в Афганистане также оказали серьезное воздействие на эмоциональное состояние общества. Родители поколения X либо принимали участие в Великой Отечественной войне, либо родились сразу после ее завершения. В большинстве случаев они были заняты своей работой и не могли много времени уделять воспитанию детей. Можно сказать, что большая часть поколения X выросла сама по себе, без постоянной заботы родителей. В тех редких случаях, когда родители все-таки занимались воспитанием детей, они пытались внушить им свои социалистические взгляды на жизнь.

Одной из особенностей поколения X является неординарное видение различных вопросов и особый подход к их решению. Эти люди всегда стремятся быть в курсе событий, происходящих в мире, и гибко реагировать на изменения. После перестройки данное поколение успешно приспособилось к экономическим и политическим реформам. Они выросли в период разногласий и перемен, поэтому больше других подвержены депрессии, психической неустойчивости и душевным переживаниям. Однако стойкость духа и умение выживать в трудных условиях являются одними из множества качеств, присущих поколению X¹⁴.

Как правило, представители поколения X активно продвигаются по карьерной лестнице. Они опасаются потери работы и не любят большое количество записей в трудовой книжке. Они мотивированы работать ради денег и продвижения по службе, но иногда этот критерий становится причиной внутреннего «выгорания». В отличие от предыдущего поколения, они начали трудиться во благо своего собственного будущего, а не ради общества. Однако им все же не безразлично, что о них думают другие люди. Обыденная жизненная структура для них: окончание школы, получение высшего образования, стажировка на работе, продвижение по карьерной лестнице, выход на пенсию. И если что-то идет не по плану, это может вызывать душевные переживания.

Поколение X очень осторожно относится к деньгам, как и предыдущее молчаливое поколение. Они всегда ставят перед собой цели, такие как покупка нового телевизора, машины или жилья, и постепенно достигают их, откладывая деньги с каждой зарплаты.

Также представители поколения X стремятся дать своим детям то, чего у них не было: родительское внимание и заботу, материальную поддержку, помощь в получении образования, трудоустройстве и покупке жилья. Однако они с трудом расстаются со своими накоплениями, особенно если тратят их на себя, а не на семью.

Образование, дальнейшее трудоустройство и семейное благополучие являются самыми важными аспектами для представителей поколения X. Обычно они уже вступают в брак и имеют детей до 25–30 лет. Они стремятся к самовыражению, независимости, уважению к разнообразию и балансу между работой и личной жизнью.

Поколение Z включает молодежь, родившуюся с конца 1990-х по начало 2010-х годов. Эта группа отличается цифровой грамотностью, предпринимательским духом, разнообразными взглядами и заинтересованностью в вопросах разнообразия и справедливости. Они выросли в быстро меняющемся информационном мире, где доступ к

информации стал проще и шире, чем у предыдущих поколений. Поколение Z растет в условиях постмодернизма и глобализации. В их воспитании принимают участие не только родители, но также блогеры из социальных сетей и другие персоны, связанные с современными технологиями.

С самого раннего возраста для Z-поколения важно, чтобы к ним прислушивались. Они любят получать новые знания и способны усваивать большие объемы информации. Основные сведения они черпают из интернета, но их знания могут быть слишком абстрактными. Они не видят ценности в учебе в школе или институте и часто пренебрегают основными знаниями и навыками.

Z-поколение также может проявлять капризы и быть эгоистичным. В случае отказа в выполнении их просьб они могут истерить и устраивать скандалы. Они стремятся к новым и необычным вещам и не нуждаются в стабильной работе или финансовых привилегиях. Им важно получить новые ощущения здесь и сейчас, не задумываясь о возможных последствиях.

Одно из главных требований для мотивации Z-поколения – это привлечение внимания окружающих. Они жаждут любых эмоций и реакции на свои действия. Задачи для них должны быть четко сформулированы и подробно разъяснены, а за каждое выполненное задание они должны быть награждены. Они не любят работать ради будущих результатов, им нужна мотивация на каждом шагу.

Если говорить о старшем поколении Z (18–20 лет), то они в большинстве случаев предпочитают удаленную работу или фриланс. Они не согласны работать в офисе с 10 до 7, так как не готовы к переработкам и тяжелому труду. Они отличаются от предыдущих поколений тем, что не задумываются слишком долго над своими решениями. Они не понимают, зачем взвешивать все «за и против», когда можно просто сделать.

Помимо этого, у них нет шаблонного мышления и определенных жизненных принципов. Они не могут считать какое-либо заключение истинным, но и отвергнуть его они тоже не могут – просто потому, что не хотят разбираться в деталях вопроса. Деньги для них не служат средством для покупки домов и машин, просто это не является их интересом. Деньги нужны им для мгновенного удовлетворения и эмоций, поэтому сохранение бюджета для них бессмысленно.

В исследованиях С. Ю. Моховой было обнаружено, что приоритетом для поколения Z является духовное удовлетворение в иерархии ценностей, тогда как у поколения Y в приоритете собственный престиж, а у поколения X – высокий материальный статус¹⁵. А. Б. Кулакова утверждает, что общение молодого поколения часто происходит в

¹⁴ Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94.

¹⁵ Мохова С. Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. С. 7.

сети, и его специфика заключается в отсутствии эмоционально близких связей в условиях постоянного виртуального контакта¹⁶. Однако в области межличностных отношений поколение Z готово сотрудничать, быть дружелюбным, помогать и способствовать развитию партнера. Исследователи отмечают, что у поколения Z развит эмоциональный интеллект и рефлексия в общении¹⁷.

Е. В. Григорьева и Н. Р. Хакимова пишут, что для молодежи семья является важной ценностью, а счастливая семейная жизнь входит в блок предпочитаемых ценностей [24].

Молодые люди с развитым эмоциональным интеллектом и эмпатией становятся толерантнее к тому, к чему предыдущие поколения относились с непониманием или негативным образом (например,

услуги психолога, забота о ментальном здоровье). Также отмечается снижение приверженности строгим моральным правилам, нормы меняются или становятся более гибкими, что проявляется как в межличностных отношениях, так и в области образования, политики, религии и других сферах.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из главных вопросов исследования был вопрос о жизненных ценностях представителей изучаемых поколений (рисунки 2, 3). Исходя из данных, можно сделать вывод, что для большинства девушек поколения Z очень важно, чтобы их жизненные ценности с партнером совпадали. Для женщин поколения X этот фактор был важен, но не принципиален.

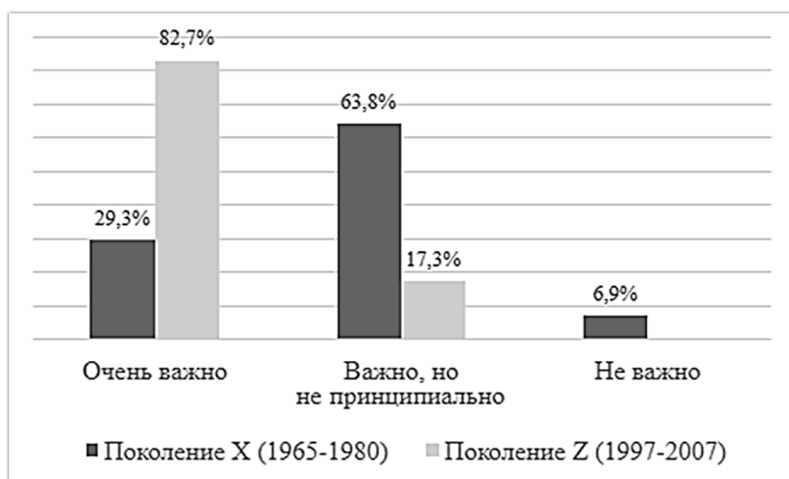

Рисунок 2 – Мнение женщин о важности совпадения жизненных ценностей партнеров в браке (n=110)
Figure 2 – Women’s opinion on the importance of the coincidence of life values of partners in marriage (n = 110)

Мужчины же обоих поколений считают/считали, что совпадение жизненных ценностей важно, но не принципиально при выборе супруги. Стоит отметить, что для 20,5% мужчин поколения

X и вовсе был не важен этот фактор, в то время как юноши-зуммеры не выбирали этот вариант ответа, что говорит нам о их желании всё-таки иметь общие жизненные ценности с партнершей.

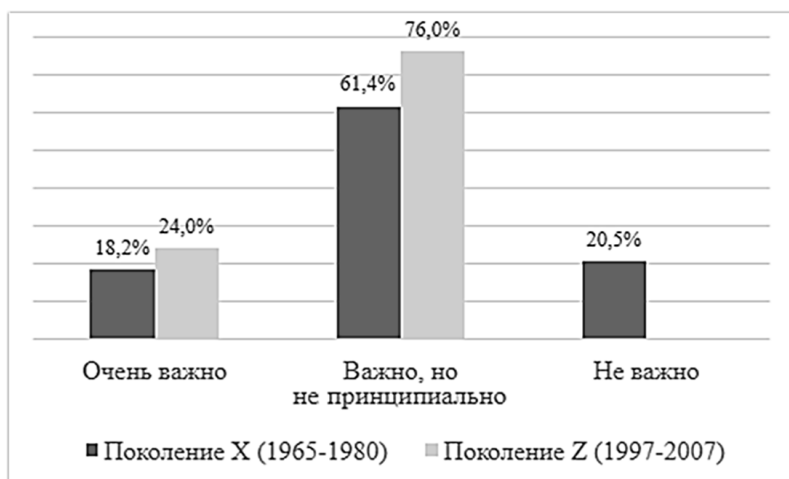

Рисунок 3 – Мнение мужчин о важности совпадения жизненных ценностей партнеров в браке (n=94)
Figure 3 – The opinion of men about the importance of coincidence of life values of partners in marriage (n=94)

¹⁶ Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2. С. 6

¹⁷ Теория поколений X, Y, Z, беби-бумеров, альфа в России – их ключевые особенности и различия. – URL: <https://prostudio.ru/journal/generation-x-y-z/> (дата обращения: 10.06.2024).

Эти результаты свидетельствуют о том, что для молодых людей поколения Z (зуммеров) важнее совпадение жизненных ценностей с партнером, возможно, из-за стремления к более глубокой эмоциональной связи в отношениях. В то же время для старшего поколения (X) этот фактор был менее значимым, что могло быть связано с изменением социальных норм и ценностей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодое поколение ценит совпадение жизненных ценностей со своим будущим брачным партнером и желает достижения их совпадения.

В анкете был задан вопрос о том, имеет ли значение для опрашиваемых, из какой семьи будет их будущий партнер (рисунки 4, 5). Мнение женского пола обоих поколений схоже: для большинства из них важно, из какой семьи будет их партнер. Скорее всего, для девушек это важно, так как большинство из них считает, что их будущие дети должны воспитываться в семье с определенным социальным статусом, уровнем образования и культурными ценностями. Они могут полагать, что это обеспечит детям лучшие условия для развития и роста, а также поможет им преуспеть в жизни.

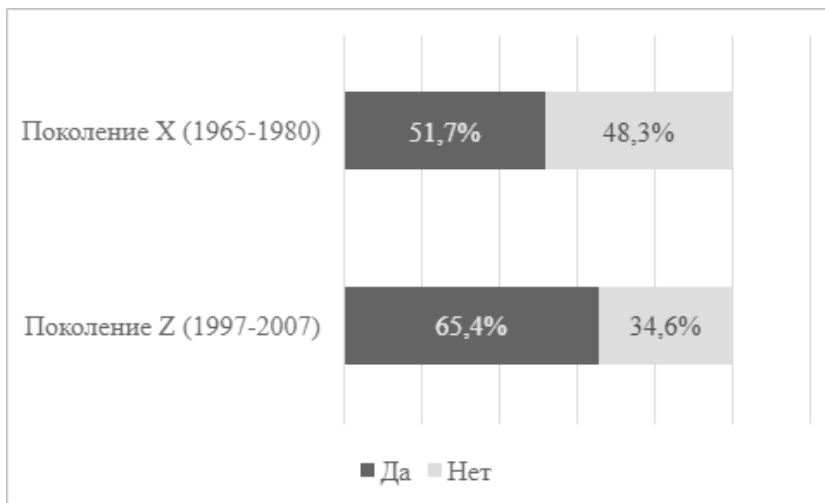

Рисунок 4 – Мнение женщин о важности того, из какой семьи предполагаемый партнер (n=110)
Figure 4 – Women’s opinion on the importance of which family the intended partner is from (n=110)

По результатам ответов мужчин поколения X можно увидеть, что для них всех не важно, из какой семьи будет их супруга. Большинство

юношей также разделяют эту точку зрения, однако для 22% всё-таки важен статус семьи предполагаемого партнера.

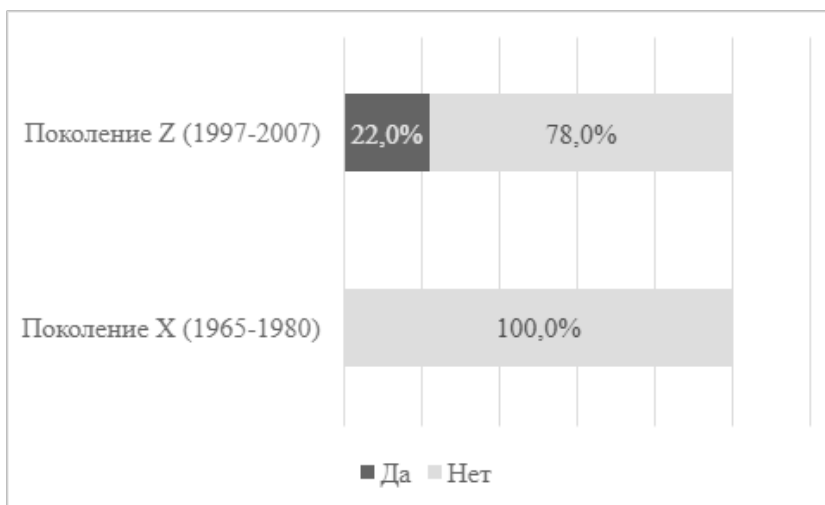

Рисунок 5 – Мнение мужчин о важности того, из какой семьи предполагаемый партнер (n=94)
Figure 5 – Men’s opinion on the importance of which family the intended partner is from (n=94)

Такие результаты могут указывать на изменение социальных норм и ценностей в отношении брака и семьи. Возможно, молодые люди становятся все более независимыми от своих семей и меньше обращают внимание на происхождение своего партнера.

Однако для женщин этот фактор остается важным. Для мужчин поколения X вовсе не важно, из какой семьи была их супруга. Причиной могла быть уверенность в себе и в своих возможностях, так как если мужчина уверен в своем финансовом положении и

социальном статусе, то для него становится менее значимым происхождение и семья потенциальной супруги. Также стоит помнить, что в СССР пропагандировалось равенство всех граждан и уважение к личности вне зависимости от социального положения, поэтому для мужчин поколения X важно не столько происхождение будущей невесты, сколько её личностные качества.

Также в анкете был задан вопрос о том, важна ли для них национальность будущего партнера (рисунки 6, 7). Таким образом, выяснилось, что для половины девушек-зуммеров не имеет значения национальная принадлежность партнера. Менее 40% женщин поколения X затруднились ответить на этот вопрос. Однако 30,8% девушек и 25,9% женщин отмечают, что партнер должен (был) быть их национальности.

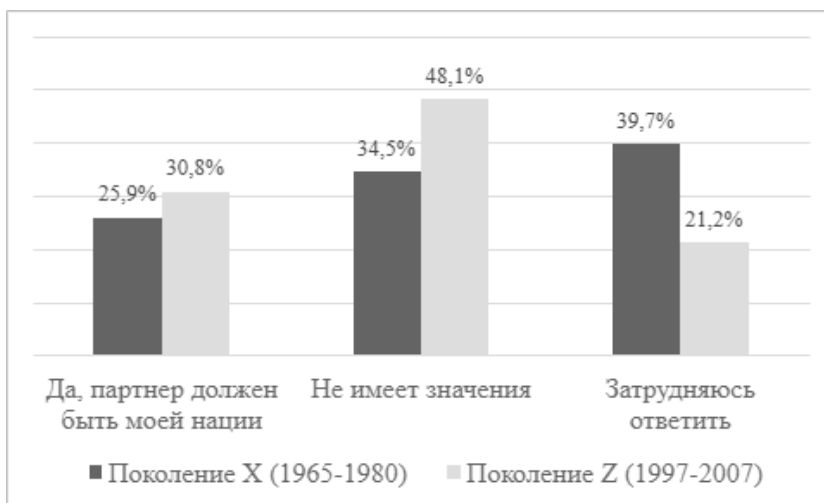

Рисунок 6 – Мнение женщин о том, важна ли для них национальность будущего партнера (n=110)
Figure 6 – Women’s opinion on whether the nationality of their future partner is important to them (n=110)

Почти похожую ситуацию можно увидеть в результатах ответов респондентов мужского пола обоих поколений. Для половины юношей также не имеет значения национальная принадлежность их партнерши, а 40,9% мужчин поколения X не смогли точно ответить на вопрос. Тогда как для

30% зуммеров и менее 40% мужчин важно (было важно), чтобы супруга была такой же национальности, что и они. Такой результат возможен из-за желания респондентов минимизировать количество конфликтов, которые могут возникать на почве культурных различий.

Рисунок 7 – Мнение мужчин о том, важна ли для них национальность будущего партнера (n=94)
Figure 7 – Men’s opinion on whether the nationality of their future partner is important to them (n=94)

Результаты опроса показывают, что национальность не является/являлась ключевым фактором при выборе партнера для многих респондентов. Возможно, это связано с тенденцией глобализации и увеличением межкультурного взаимодействия. А говоря о поколении X, можно предположить, что это

связано с ценностями СССР, которые учили с детства, что все народы равны. Однако для некоторых респондентов национальность остается/оставалась важным аспектом при выборе партнера, вероятно, из-за желания избежать конфликтов, связанных с различиями в обычаях и традициях разных народов.

Вопрос о религиозной принадлежности (рисунки 8, 9) позволил нам отметить, что для более 40% респондентов-женщин поколения X было не важно, какую религию исповедует их партнер, так как во времена советской власти религия была частным делом каждого человека, а не общественной нормой. Поэтому люди, выросшие в этой среде, могли не придавать большого значения религиозным убеждениям своего партнера. Половина девушек-зуммеров отмечают, что для них важно, чтобы у партнера было уважение к религиозным различиям. А для 34,6% девушек поколения Z и 20,7% женщин поколения X религия

является/являлась важным аспектом при выборе партнера, поэтому им важно (было важно), чтобы религиозные убеждения совпадали. Это можно объяснить возрождением религиозности в России, которое началось в конце XX века. Молодые люди, воспитанные уже в условиях религиозного разнообразия и свободы вероисповедания, могут придавать большее значение религиозным убеждениям своего потенциального партнера. То же самое относится и к части женщин поколения X, которые могли столкнуться с религиозным пробуждением в своей жизни и начать ценить этот аспект в отношениях.

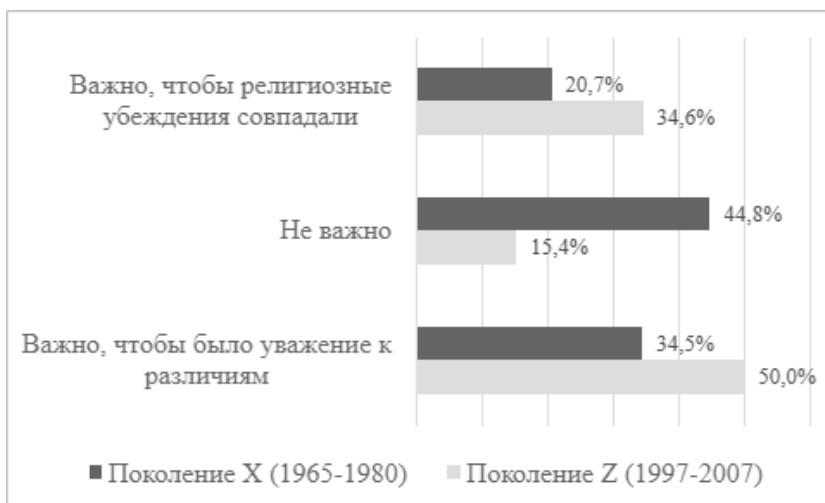

Рисунок 8 – Мнение женщин о том, важна ли для них религиозная принадлежность будущего партнера (n=110)

Figure 8 – Women’s opinion on whether their future partner’s religious affiliation is important to them (n=110)

Исходя из полученных данных, можно отметить, что для одинакового количества опрошенных респондентов мужской половины поколения Z либо не важно, какую религию исповедует партнер (42%), либо важно, чтобы было уважение к религиозным различиям (42%). Современное общество достаточно толерантно, поэтому религия не мешает строить отношения людям, принадлежащим к

различным религиозным конфессиям. Однако для 40,9% мужчин поколения X было важно, чтобы их религиозные убеждения с партнером совпадали. Это могло быть связано с их личными ценностями и убеждениями, которые они стремились разделить со своими близкими, либо с влиянием окружения и социальной среды, где религия играла важную роль и считалась важным аспектом при выборе партнера.

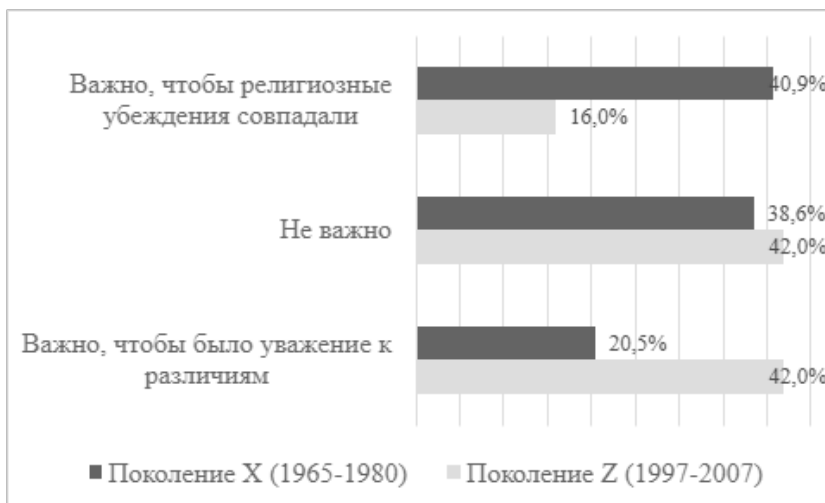

Рисунок 9 – Мнение мужчин о том, важна ли для них религиозная принадлежность будущего партнера (n=94)
Figure 9 – Men’s opinion on whether the religious affiliation of the future partner is important for them (n=94)

Такие данные могут указывать на то, что современное общество становится все более толерантным и открытым к различиям в религиозных убеждениях. Возможно, это связано с увеличением межкультурного взаимодействия и распространением идей терпимости и взаимопонимания. Однако для некоторых респондентов религия продолжает играть важную роль при выборе партнера, что может быть связано с личными убеждениями и ценностями.

Можно сделать вывод, что для мужской половины респондентов, в отличие от женской, не важно, из какой семьи будет (был) их брачный партнер. Также для большинства мужчин поколения X не имело значения, каков уровень образования партнерши, но

важно, чтобы религиозные убеждения совпадали. Однако для поколения Z важно, чтобы у партнера было уважение к религиозным различиям. Стоит также отметить, что для женской половины респондентов и для юношей-зуммеров не имеет/имела значения национальная принадлежность партнера.

Важным вопросом исследования был вопрос: «Кто должен обеспечивать семью?» (рисунки 10, 11). Исходя из данных диаграммы, видно, что ответы противоположны в обоих поколениях. Большинство женщин поколения X считали, что главным «добытчиком» в семье должен быть мужчина, а девушки поколения Z отмечают равное внесение финансов.

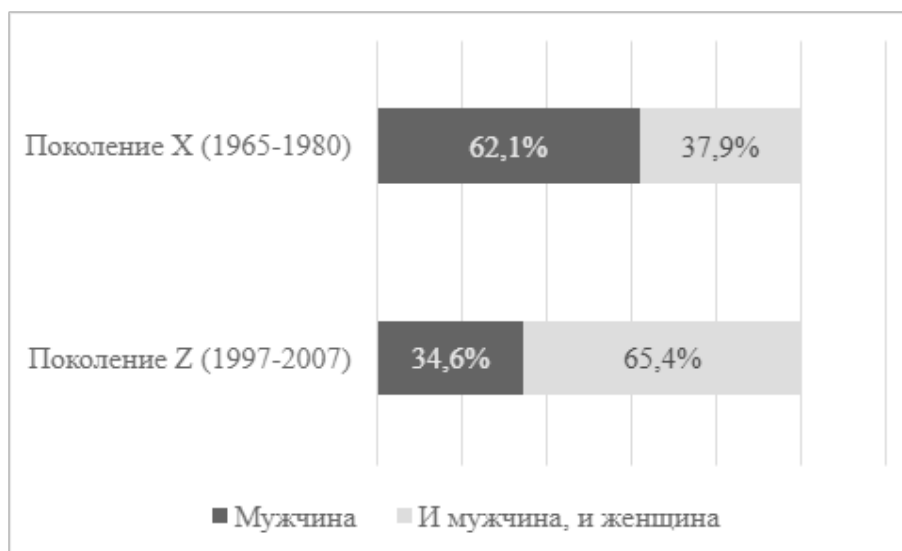

Рисунок 10 – Мнение женщин о том, кто должен обеспечивать семью (n=110)
Figure 10 – Women’s views on who should provide for the family (n=110)

Противоположное мнение имеет большинство мужчин поколения X. Они, как и юноши-зуммеры, считали/считают, что обеспечивать семью

могут и мужчина, и женщина. И только менее половины обоих поколений отмечают, что это должен (был) делать мужчина.

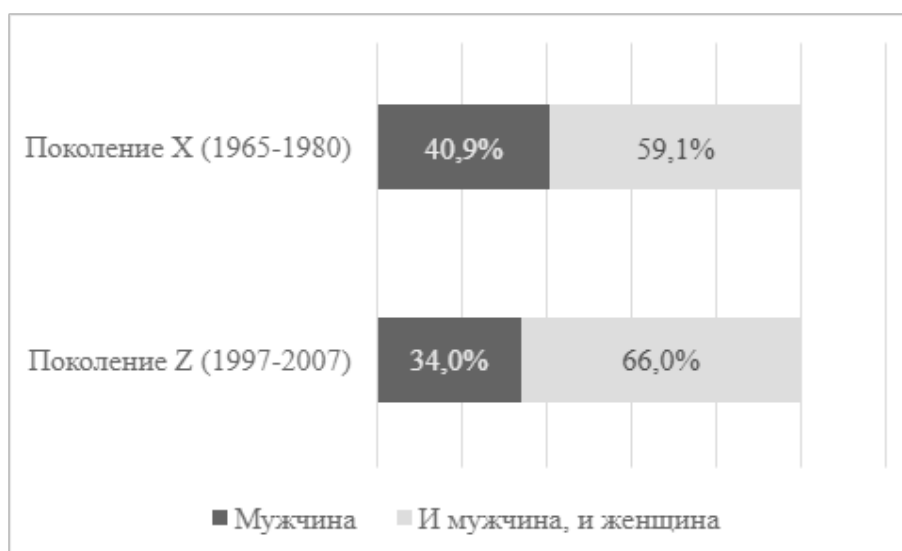

Рисунок 11 – Мнение мужчин о том, кто должен обеспечивать семью (n=94)
Figure 11 – Men’s opinion on who should provide for the family (n=94)

Полученные результаты могут указывать на изменение социальных норм и представлений о гендерных ролях в обществе. Возможно, современные молодые люди становятся все более открытыми к идее равноправия и совместного внесения финансов в семейный бюджет, в то время как старшее поколение сохраняло более традиционные взгляды на распределение ролей в семье.

Один из вопросов анкеты был поставлен с целью выявить желаемый доход будущего партнера (рисунки 12, 13). Большинство респондентов-женщин поколения X отметило, что партнер должен был жить в достатке. А девушки-зуммеры хотят, чтобы он жил в полном достатке. Такие результаты получились скорее всего из-за того, что большинство девушек хотят быть уверенными в финансовой состоятельности партнера.

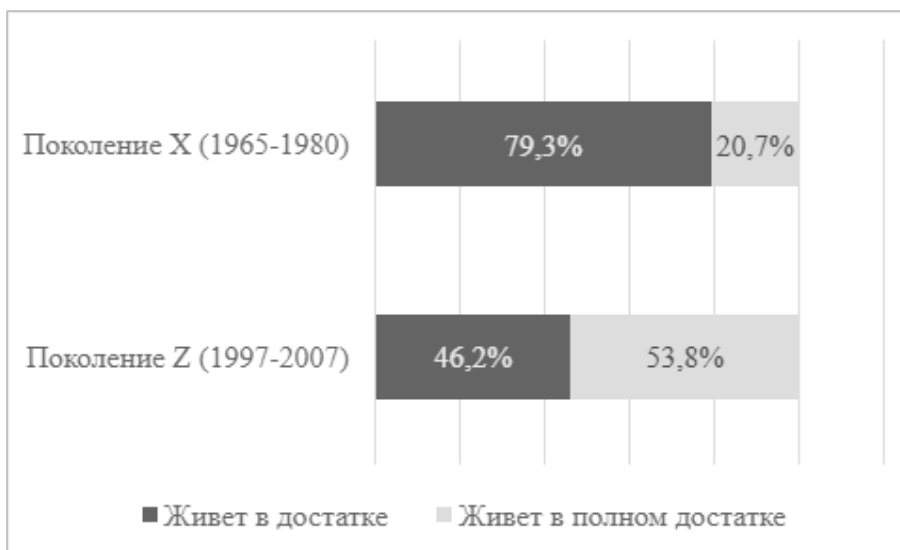

Рисунок 12 – Мнение женщин о желаемом доходе будущего партнера (n=110)
Figure 12 – Women’s opinion on the desired income of the future partner (n=110)

Схожее мнение видно в ответах мужчин обоих поколений. Большинство считает/считало, что их партнерша должна (была) жить в достатке. Можно предположить, что мужчины поколений X и Z

ценили/ценят финансовую независимость своих партнерш и считали/считают, что это важно для успешного брака.

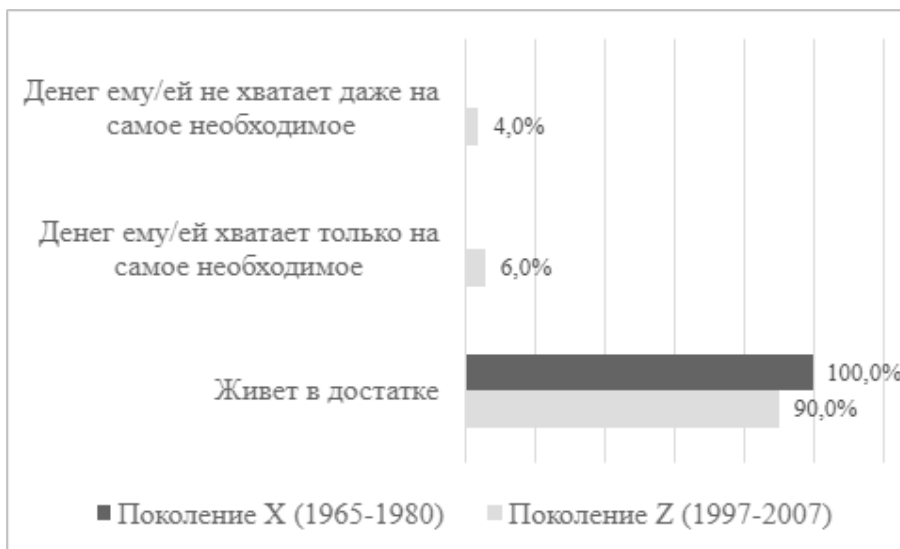

Рисунок 13 – Мнение мужчин о желаемом доходе будущего партнера (n=94)
Figure 13 – Men’s opinion about the desired income of the future partner (n=94)

Полученные результаты иллюстрируют, что финансовая стабильность и независимость являлись/являются важными факторами при выборе брачного партнера. Возможно, это связано с желанием обеспечить комфортные условия жизни

и снизить финансовые риски в будущем. Кроме того, это может отражать общественные ожидания и стандарты, связанные с успехом и благополучием в отношениях.

Вопрос анкеты, посвященный наличию недвижимости (рисунки 14, 15), позволил нам отметить, что 32,7% девушек-зуммеров хотят иметь партнера с машиной и квартирой/домом. 31% респондентов-женщин поколения X отметили

наличие квартиры или дома (из них 15,5% также отметили в дополнение машину). А для большинства женщин обоих поколений не важно наличие собственности.

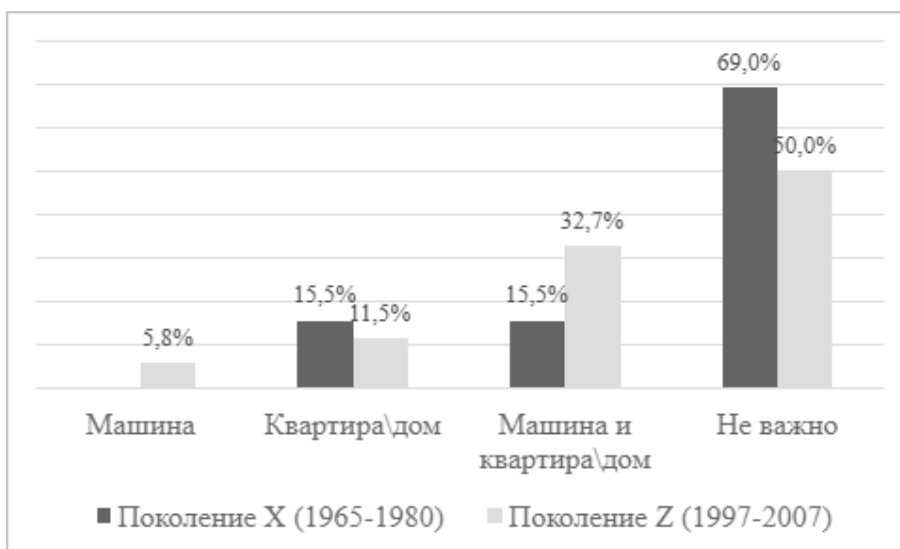

Рисунок 14 – Мнение женщин о важности наличия у партнера недвижимости (n=110)

Figure 14 – Women’s opinion on the importance of having a partner in real estate (n=110)

Интересно, что большинство мужчин обоих поколений не придает/придавало значения

наличию собственности у своего партнера до вступления в брак.

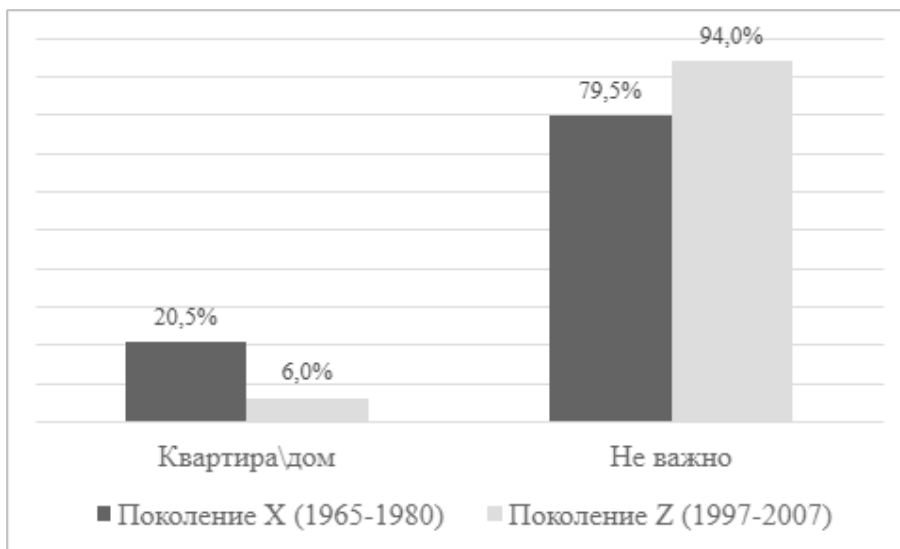

Рисунок 15 – Мнение мужчин о важности наличия у партнера недвижимости (n=94)

Figure 15 – Men’s opinion on the importance of having a real estate partner (n=94)

Эти результаты могут указывать на то, что женщины в целом более ориентированы на материальное благополучие и стабильность в отношениях, в то время как мужчины больше ценят личностные качества и эмоциональную связь. Однако стоит учесть, что данные выводы основаны на ответах конкретной выборки и могут не отражать общую картину.

В ходе исследования нами был поставлен вопрос о том, какой тип отношений предпочитают опрошиваемые (рисунки 16, 17). Большинство респондентов женского пола поколений X и Z отметило равноправие. Небольшой процент всё-таки предпочитают патриархат. Данные результаты были ожидаемы, так как в современном обществе развиваются отношения равноправия между мужчиной и женщиной.

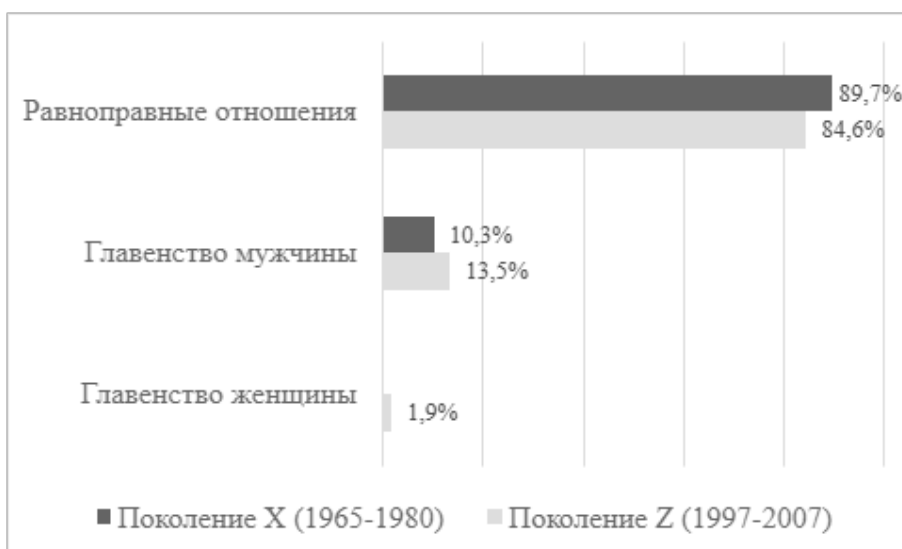

Рисунок 16 – Мнение женщин о предпочитаемом типе отношений с партнером (n=110)
Figure 16 – Women’s opinion on the preferred type of relationship with a partner (n=110)

Исходя из представленных данных в диаграмме, можно сделать вывод, что мужчины поколения X чаще придерживаются патриархальных взглядов на отношения, в то время как молодые

люди поколения Z больше склоняются к идеям равноправия. Однако стоит учесть, что это обобщение, и в каждом поколении есть представители с разными взглядами.

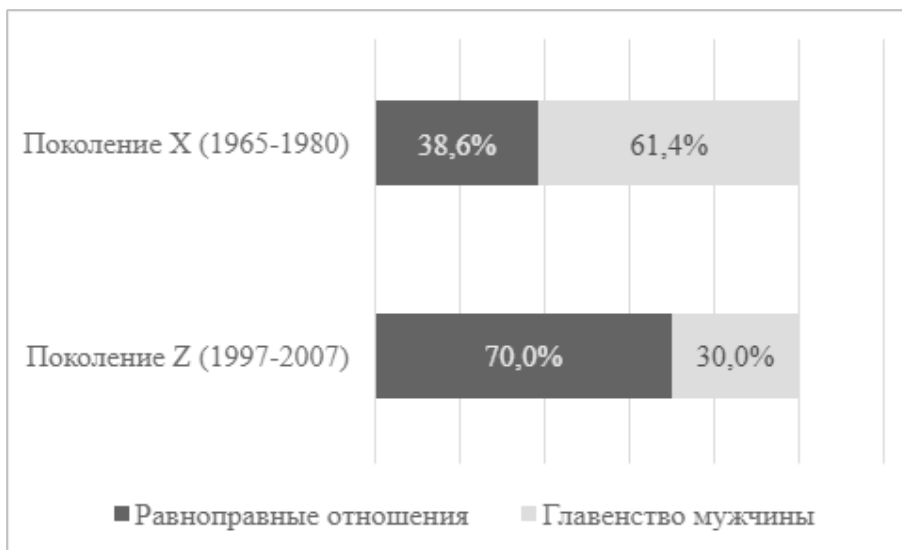

Рисунок 17 – Мнение мужчин о предпочитаемом типе отношений с партнером (n=94)
Figure 17 – Men’s opinion on the preferred type of relationship with a partner (n=94)

Результаты опроса демонстрируют постепенный сдвиг в сторону более эгалитарных представлений о партнерских отношениях, особенно среди молодежи. Скорее всего, это связано с изменением роли женщины в обществе и увеличением значимости равенства и справедливости в отношениях. Однако традиционные патриархальные воззрения все еще сохраняются в определенной степени.

Деликатную тему затронул следующий вопрос: «Какую роль играют/играли сексуальная

совместимость и интимные отношения в Вашем брачном выборе?» (рисунки 18, 19). Женщины поколения X и значительная часть девушек поколения Z придавали/придает важное значение интимным отношениям в браке. Однако интересно отметить, что почти четверть женщин поколения X не считала интимные отношения особенно важными при выборе партнера для брака. Это может говорить о различиях в ценностях и приоритетах между поколениями.

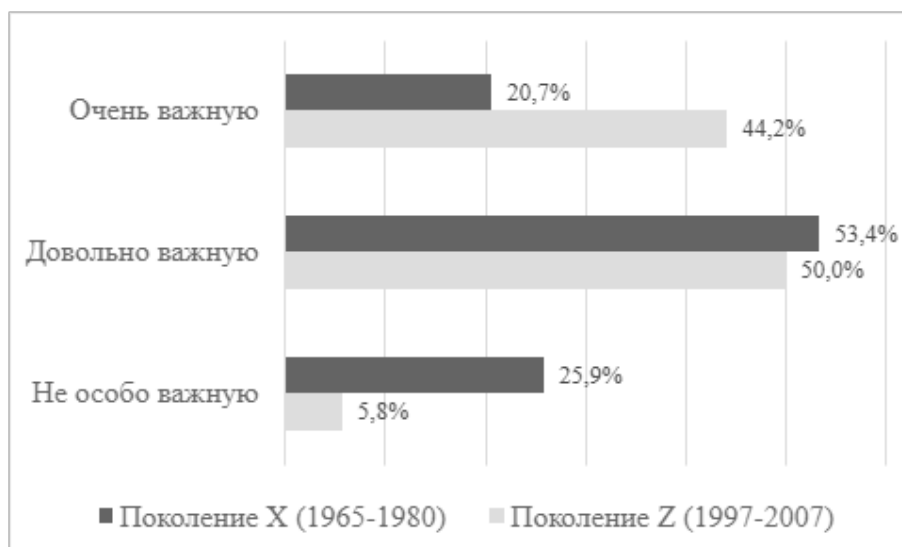

Рисунок 18 – Мнение женщин о важности сексуальной совместимости при выборе брачного партнера (n=110)

Figure 18 – Women’s opinion on the importance of sexual compatibility when choosing a marriage partner (n=110)

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что большинство мужчин поколений X и Z считало/считает интимные отношения важной составляющей брачного выбора. Однако стоит отметить, что около трети мужчин поколения

X не придавала им особого значения. В поколении Z также наблюдается различие во мнениях: хотя большинство считает интимные отношения важными, значительное число молодых людей (почти треть) придает им очень большое значение.

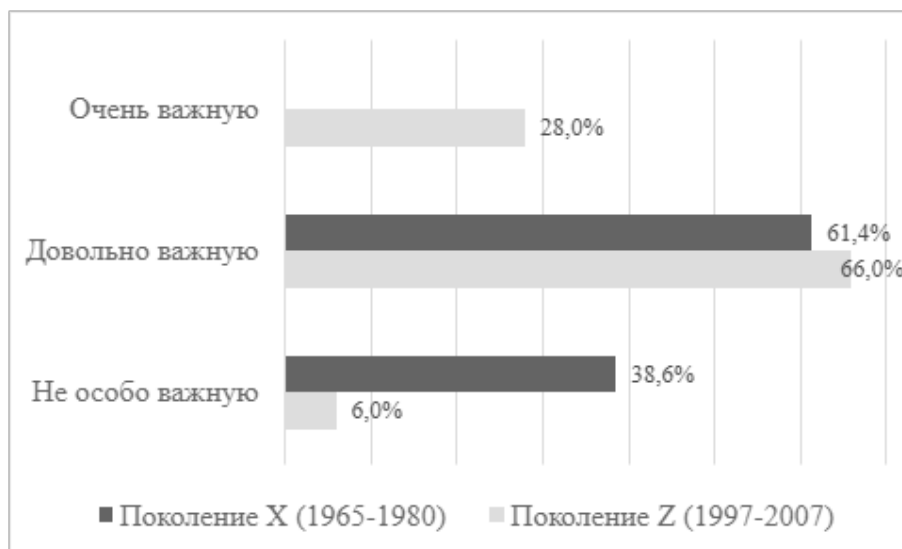

Рисунок 19 – Мнение мужчин о важности сексуальной совместимости при выборе брачного партнера (n=94)

Figure 19 – Men’s opinion on the importance of sexual compatibility when choosing a marriage partner (n=94)

Такие результаты указывают на то, что взгляды на роль интимных отношений могут различаться в зависимости от поколения и пола. Возможно, это связано с изменением социальных норм и ценностей, а также с увеличением открытости в обсуждении этой темы. Также стоит учесть, что эти различия могут быть обусловлены как личными установками, так и культурными, религиозными или иными факторами, влияющими на ценностные ориентации.

В анкете также был задан вопрос о том, важно (было важно) ли, чтобы партнер был готов к совместному родителству (рисунки 20, 21). Для большинства женщин обоих поколений очень важно, чтобы их партнер был к этому готов. Некоторые считают/считали готовность к совместному родителству важной, но не принципиальной. Стоит отметить, что 3,8% девушек-зуммеров не считает это важным.

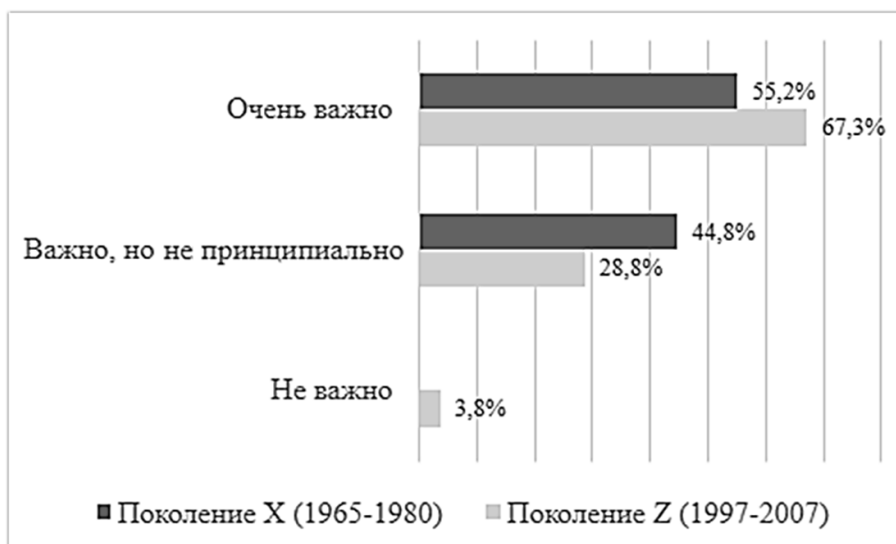

Рисунок 20 – Мнение женщин о важности готовности партнера к родительству (n=110)
Figure 20 – Women’s opinion on the importance of a partner’s readiness for parenthood (n=110)

Похожую ситуацию можно увидеть в результатах ответов мужчин поколений X и Z. Они также считали/считают готовность партнера к совместному родительству важным фактором при брачном выборе. А 12% юношей-зуммеров, как и

девушки, отмечают, что это не так важно. Такие результаты можно объяснить тем, что сейчас на первом месте у молодежи саморазвитие, а только потом рождение детей.

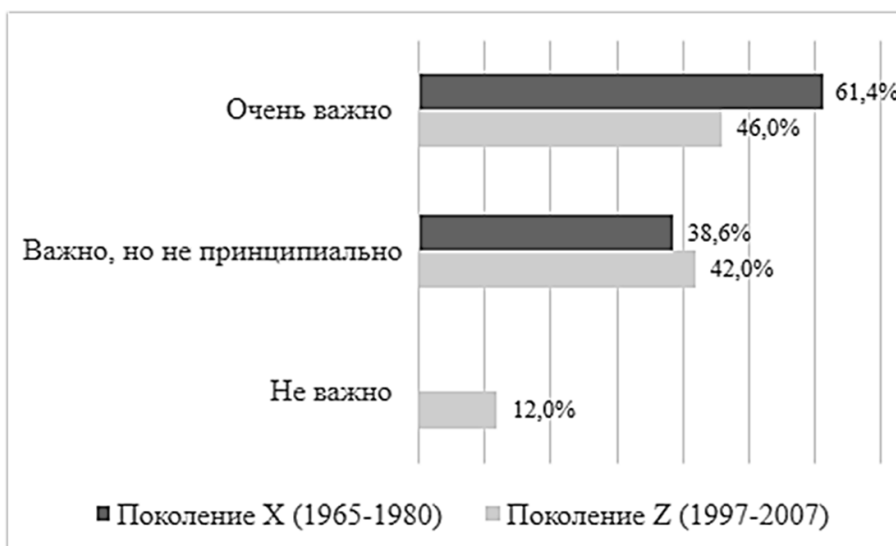

Рисунок 21 – Мнение женщин о важности готовности партнера к родительству (n=94)
Figure 21 – Women’s opinion on the importance of a partner’s readiness for parenthood (n=94)

Полученные данные показывают, что готовность к совместному родительству является/являлась важным фактором при выборе брачного партнера для большинства респондентов. Возможно, это связано с изменением социальных норм и ценностей, а также с увеличением значимости планирования семьи и ответственности за будущее поколение. Однако некоторые молодые люди могут отдавать приоритет саморазвитию и карьере, что влияет на их отношение к готовности к совместному родительству.

Обсуждая вопрос о совместном родительстве, мы спросили у респондентов, планируют ли они рождение детей, и какое количество планируют (рисунки 22, 23). Большинство женщин обоих поколений обладало желанием родить двоих детей. Каждая четвертая участница поколения Z планирует 1 ребенка. А у 11,5% девушек-зуммеров и вовсе нет желания иметь детей. Это довольно значительный процент, так как он указывает на то, что многие молодые люди осознанно выбирают жизнь без детей. Причины такого выбора могут быть разными: от отсутствия партнера до желания сосредоточиться на карьере и саморазвитии.

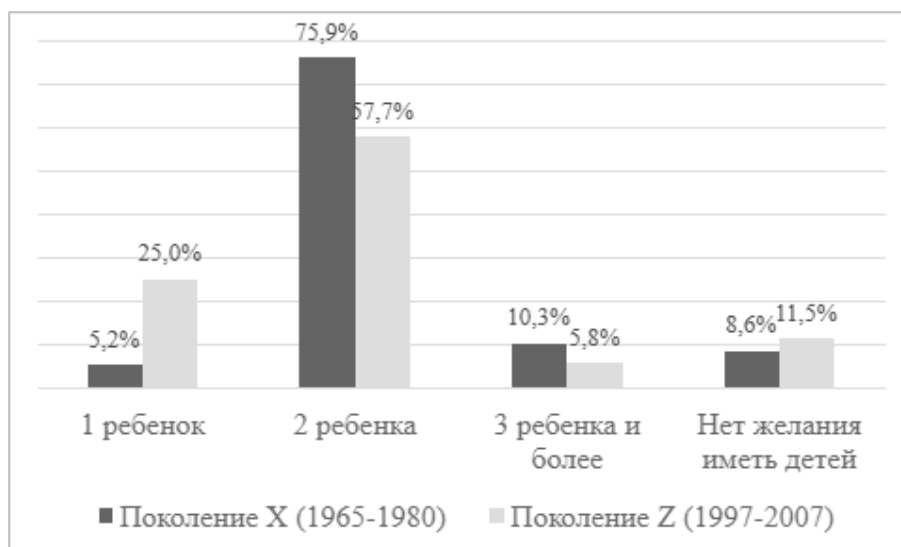

Рисунок 22 – Количество детей, планируемых женщинами (n=110)
Figure 22 – Number of children planned by women (n=110)

Большинство мужчин обоих поколений также планировало/планирует только двоих детей. Стоит также отметить, что для поколения X это уже реализованные установки, а для поколения Z только планируемые, поэтому 4% юношей-зуммеров

допускает рождение троих и более детей, а 18% не хотят иметь детей в будущем. Можно предположить, что многодетные семьи всё ещё не стоят в приоритете молодежи, большинство хотят только двоих детей.

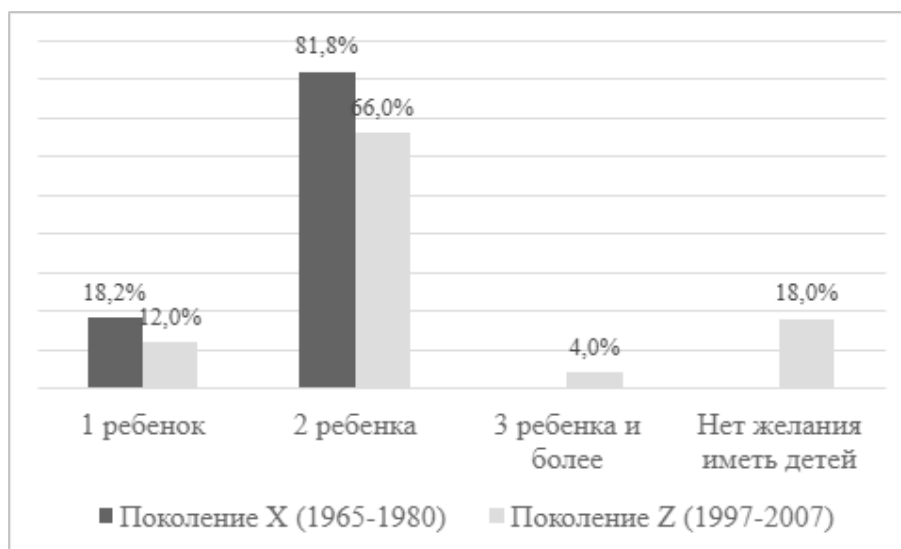

Рисунок 23 – Количество детей, планируемых мужчинами (n=94)
Figure 23 – Number of children planned by men (n=94)

Данные результаты могут отражать изменение репродуктивных установок у молодого поколения по сравнению со старшими возрастными группами. Современная молодежь, возможно, больше ориентирована на карьеру, образование и личную реализацию, что может снижать приоритет многодетности. Высокий процент молодых людей, не желающих иметь детей, может быть связан с социально-экономической неопределенностью, личными предпочтениями или другими факторами, влияющими на репродуктивные установки. В целом, выявленные тенденции могут отражать трансформацию семейных ценностей и моделей

репродуктивного поведения в современном обществе.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, каким образом в семье должны быть распределены обязанности. Важно отметить, что в ответах респондентов поколения X присутствует традиционное распределение домашних обязанностей. Следует учитывать, что данное поколение является родителями поколения Z, и именно оно формировало представления о распределении домашних обязанностей у молодежи. При анализе данных, представленных в таблицах, мы можем наблюдать

несоответствие представлений у мужчин и женщин о распределении домашних обязанностей. Так, глажение белья 52% мужчин поколения Z считают женской обязанностью, тогда как женщины лишь в 25% случаях предполагают, что эту работу должна выполнять исключительно женщина. Продолжая анализировать ответы, касающиеся этого вида деятельности, мы видим, что ответ «могут выполнять оба супруга» выбрали 48% мужчин поколения Z и 73% женщин этого же поколения. Если обратиться к вопросу о распределении обязанностей в вопросах воспитания детей, то тоже будет выявлено несоответствие во взглядах. 12% мужчин поколения Z полагают, что воспитанием детей должна заниматься женщина, тогда как женщины думают таким же образом только в 3,8% случаев. Контроль успеваемости детей в школе тоже является спорным вопросом. 24 % мужчин поколения

Z полагают, что контролировать детей-школьников должна женщина, в то время как так же считают 7,7 % женщин. Вариант «могут выполнять оба супруга» выбрали 60% мужчин и 86,5 % женщин. Такой вид деятельности, как мытье посуды, также вызывает разногласия в ответах. 34 % мужчин-зуммеров полагают, что это должна делать женщина, тогда как сами женщины выбирают данный ответ в 9,6 % случаев. В варианте «могут выполнять оба супруга» также видим различные точки зрения. Такой ответ выбирают 60% мужчин и 86,5% женщин. Аналогичную ситуацию можно увидеть при ответе на вопрос о приготовлении пищи. 82,7% женщин поколения Z выбирают данный ответ, в то время как мужчины выбирают его в 58,0% случаев. Данная тенденция повторяется и при анализе таких видов деятельности, как уборка жилья и уход за больными и престарелыми.

Таблица 3 – Мнение женщин о распределении домашних обязанностей, в% (n=110)¹⁸
Table 3 – Women 's views on the distribution of household responsibilities, in % (n=110)

	Должна выполнять женщина		Должен выполнять мужчина		Могут выполнять оба супруга		Затрудняюсь ответить	
	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)
Ремонт квартиры	0,0	0,0	67,2	40,4	32,8	59,6	0,0	0,0
Глажение белья	79,3	25,0	6,9	1,9	13,8	73,1	0,0	0,0
Починка домашней утвари	0,0	0,0	84,5	61,5	15,5	34,6	0,0	3,8
Воспитание детей	55,2	3,8	0,0	1,9	37,9	94,2	6,9	0,0
Контроль успеваемости детей в школе	55,2	7,7	0,0	1,9	37,9	86,5	6,9	3,8
Мытье посуды	62,1	9,6	10,3	3,8	22,4	86,5	5,2	0,0
Осуществление покупок	31,0	5,8	31,0	5,8	32,8	88,5	5,2	0,0
Приготовление пищи	67,2	17,3	10,3	0,0	22,4	82,7	0,0	0,0
Стирка	86,2	30,8	0,0	0,0	8,6	69,2	5,2	0,0
Уборка жилья	55,2	15,4	10,3	1,9	29,3	82,7	5,2	0,0
Уход за больными и престарелыми членами семьи	55,2	7,7	6,9	1,9	32,8	88,5	5,2	1,9

¹⁸ Вопрос множественный, итоговый процент выше 100%

Таблица 4 – Мнение мужчин о распределении домашних обязанностей, % (n=94)¹⁹**Table 4** – Men 's views on the distribution of household responsibilities, % (n=94)

	Должна выполнять женщина		Должен выполнять мужчина		Могут выполнять оба супруга		Затрудняюсь ответить	
	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)
Ремонт квартиры	0,0	0,0	61,4	66,0	38,6	34,0	0,0	0,0
Глажение белья	79,5	52,0	0,0	0,0	20,5	48,0	0,0	0,0
Починка домашней утвари	0,0	6,0	100	76,0	0,0	12,0	0,0	6,0
Воспитание детей	20,5	12,0	0,0	18,0	79,5	70,0	0,0	0,0
Контроль успеваемости детей в школе	79,5	24,0	0,0	12,0	0,0	60,0	20,5	4,0
Мытье посуды	59,1	34,0	0,0	6,0	40,9	60,0	0,0	0,0
Осуществление покупок	0,0	24,0	0,0	18,0	100	58,0	0,0	0,0
Приготовление пищи	38,6	24,0	0,0	18,0	61,4	58,0	0,0	0,0
Стирка	79,5	48,0	0,0	0,0	20,5	52,0	0,0	0,0
Уборка жилья	79,5	30,0	0,0	12,0	20,5	58,0	0,0	0,0
Уход за больными и престарелыми членами семьи	20,5	6,0	0,0	24,0	59,1	64,0	20,5	6,0

Таким образом, подвергая анализу таблицы 2 и 3, мы можем сделать вывод о несоответствии представлений мужчин и женщин поколения Z, которые находятся на этапе брачного выбора, о предпочитаемом распределении обязанностей в семье. Также следует учитывать, что представители поколения X во многом демонстрируют патриархальные взгляды на распределение обязанностей в семье, что также может влиять на предпочтения зуммеров. Представляется необходимым достижение предварительных договоренностей о распределении домашних обязанностей на этапе брачного выбора для снижения числа конфликтов между супругами, которые могут приводить к разводам.

Важно отметить, что на основе полученных ответов можно сделать вывод о том, что студенты придерживаются эгалитарного варианта распределения семейных обязанностей. Наши выводы могут быть подтверждены результатами социологического исследования «Представления

студентов о семье», проведенного в 2020 г. методом анкетного опроса студентов 1–6-х курсов общественных/гуманитарных и естественных/технических специальностей очной и заочной форм обучения ННГУ им. Н. И. Лобачевского (N=362, 70% девушек, 30% юношей, ≈5%). «Ответы студентов о должном распределении обязанностей в семье свидетельствуют о расположенности молодых людей к эгалитарной модели семьи. По мнению юношей и девушек, организация семейного досуга (84%), покупки (80%), уборка (73%), готовка (71%), решение финансовых вопросов, в том числе оплата коммунальных услуг (66%), присмотр и уход за детьми (61%), помощь в подготовке уроков и проверке домашнего задания (78%), организация совместного с ребенком досуга (89%) должны осуществляться совместными усилиями мужчины и женщины. При этом молодые люди выделяют семейные обязанности, являющиеся традиционно «мужскими» и «женскими»: ремонт (81%) и стирка (60%) соответственно»²⁰.

¹⁹ Вопрос множественный, итоговый процент выше 100%

²⁰ Рябинская Е. С. Семейные обязанности сквозь призму статусно-ролевого подхода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2021, № 2 (62), с. 133–139.

Изучив мнение респондентов о распределении домашних обязанностей внутри пары, мы заинтересовались, обсуждали ли они этот вопрос со своим партнером (рисунки 24, 25). Так выяснилось, что большинство женщин поколения X и более

40% девушек-зуммеров обсуждали распределение домашних обязанностей в паре и пришли к компромиссу. А 32,7% девушек поколения Z планируют в будущем обсудить это со своим партнером, чтобы избежать конфликтов в дальнейшем.

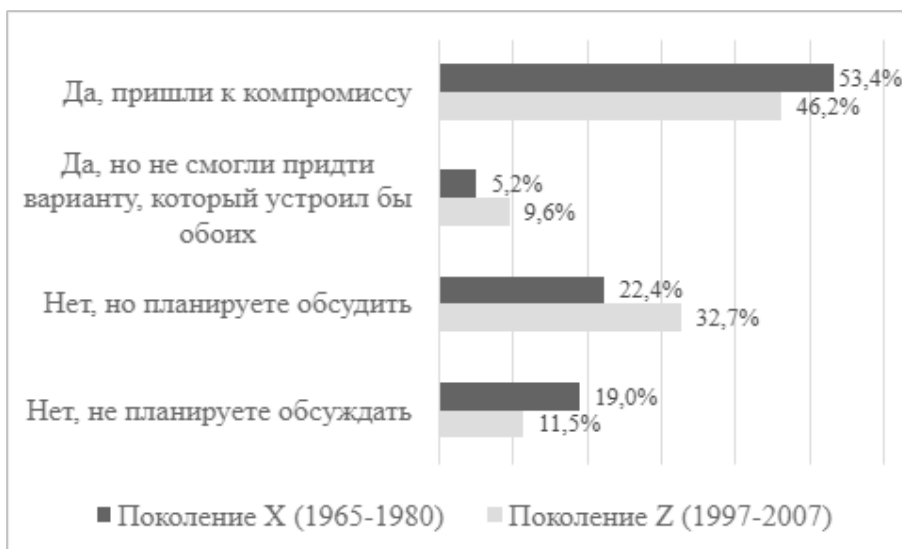

Рисунок 24 – Обсуждение женщинами распределения домашних обязанностей со своим партнером (n=110)

Figure 24 – Women discussing the distribution of household responsibilities with their partner (n=110)

Данные, представленные в диаграмме, показывают, что большинство мужчин поколения X никогда не обсуждало вопрос о распределении домашних обязанностей со своей партнершей и

не планирует это делать. Однако почти половина опрошенных юношей-зуммеров планирует в дальнейшем это обсудить, а 36% уже обсудили и пришли к компромиссу.

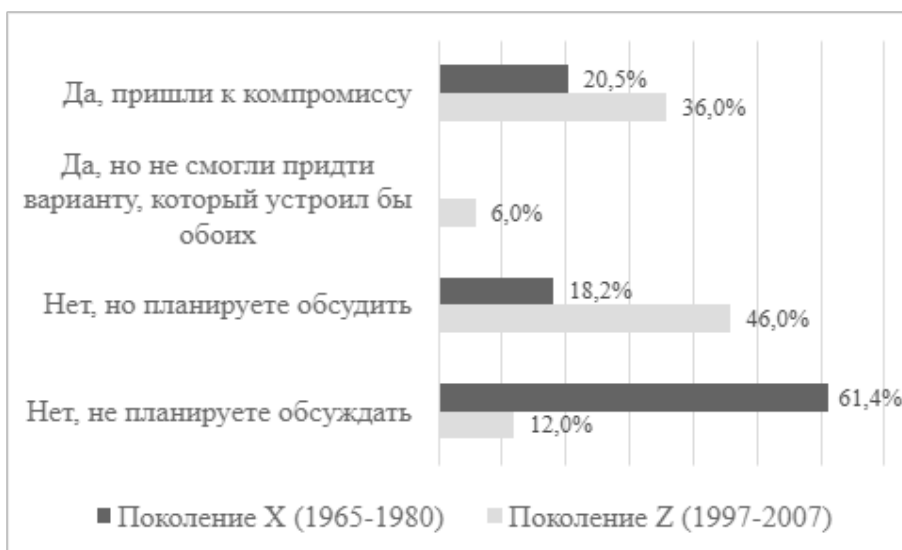

Рисунок 25 – Обсуждение мужчинами распределения домашних обязанностей со своим партнером (n=94)

Figure 25 – Men’s discussion of sharing household responsibilities with their partner (n=94)

Такие данные показывают, что женщины в целом более склонны обсуждать вопросы распределения домашних обязанностей, чтобы достичь согласия и избежать конфликтов. Мужчины, особенно старшего поколения, могут быть менее склонны к таким обсуждениям, возможно, из-за

традиционных представлений о гендерных ролях и распределении обязанностей в семье. Молодые люди, напротив, проявляют большую открытость к обсуждению этих вопросов и поиску компромиссов.

Один из вопросов исследования позволил выяснить мнение респондентов о важности обсуждения некоторых вопросов до брака (таблицы 5, 6). Большинство участниц опроса обоих поколений считает, что количество детей важно, но не принципиально обсудить до брака. Очень важными

вопросами, которые подлежат обсуждению, девушки поколения Z считают «Кто материально обеспечивает семью?» и «Распределение домашних обязанностей». Женщины поколения X считают это не принципиальным.

Таблица 5 – Мнение женщин о важности обсуждения с партнером до брака вопросов о количестве детей, материальном обеспечении семьи и распределении домашних обязанностей, % (n=110)²¹

Table 5 – Women 's views on the importance of discussing with a partner, before marriage, the number of children, the maintenance of the family and the distribution of household responsibilities, % (n=110)

	Очень важно		Важно, но не принципиально		Не важно	
	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)
Количество детей	22,4	42,3	58,6	50,0	19,0	7,7
Кто материально обеспечивает семью	31,0	63,5	55,2	34,6	13,8	1,9
Распределение домашних обязанностей	31,0	61,5	39,7	32,7	29,3	5,8

Таблица 6 – Мнение женщин о важности обсуждения с партнером до брака вопросов о количестве детей, материальном обеспечении семьи и распределении домашних обязанностей, % (n=94)²²

Table 6 – Women 's views on the importance of discussing with a partner, before marriage, the number of children, the maintenance of the family and the distribution of household responsibilities, % (n=94)

	Очень важно		Важно, но не принципиально		Не важно	
	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)	Поколение X (1965–1980)	Поколение Z (1997–2007)
Количество детей	0,0	46,0	59,1	42,0	40,9	12,0
Кто материально обеспечивает семью	38,6	36,0	40,9	46,0	20,5	18,0
Распределение домашних обязанностей	0,0	24,0	59,1	52,0	40,9	24,0

В то же время, юноши-зуммеры не смогли прийти к единому мнению по данному вопросу. Большинство из них отметило, что вопросы о материальном обеспечении семьи и распределении домашних обязанностей не являются особо важными для обсуждения до брака. Однако важным они считают обсуждение количества детей до вступления в брак.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные результаты демонстрируют, что женщины в целом более склонны к

обсуждению вопросов, связанных с будущей семейной жизнью, возможно, из-за их более активной роли в воспитании детей и управлении домашним хозяйством. Мужчины, особенно старшего поколения, могут быть менее склонны к таким обсуждениям, возможно, из-за традиционных представлений о гендерных ролях и распределении обязанностей в семье. Молодые люди, напротив, проявляют бóльшую открытость к обсуждению этих вопросов и поиску компромиссов.

²¹ Вопрос множественный, итоговый процент выше 100%

²² Вопрос множественный, итоговый процент выше 100%

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители поколения Z понимают важность обсуждения различных аспектов семейной жизни до вступления в брак. Важно отметить, что и мужчины, и женщины молодого поколения готовы обсуждать данные вопросы. Но необходимо учитывать факты несоответствия взглядов мужчин и женщин поколения Z на вопросы, связанные с распределением обязанностей в семье и важности их обсуждения до вступления в брак. В связи с этим мы пришли к выводу о необходимости рекомендовать органам ЗАГСа предлагать парам, которые пришли подавать заявление на регистрацию брака, список вопросов, которые стоит обсудить до вступления в брак. Открытое обсуждение этих вопросов поможет паре лучше понять друг друга и заложить основу для крепких и гармоничных отношений, что в дальнейшем сможет минимизировать риски развода.

В Указе Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» от 25.01.2023 № 35 отмечается, что семья является фундаментальным элементом общества и гарантией его стабильности. Одним из путей обретения стабильности социальным институтом семьи служит сокращение количества разводов. Важным этапом на пути к данной тенденции может стать обсуждение распределения семейных обязанностей и ролей до вступления в брак.

Представляем вашему вниманию следующий вариант опросника, который можно предлагать заполнить супругам при подаче заявления в ЗАГС.

«Договоримся на берегу»

1. С какой целью Вы создаете семью? Назовите 3 цели.
2. Чего Вы ожидаете от семейной жизни? Назовите 3 ожидания.
3. Кто будет отвечать за материальное обеспечение семьи?
4. Кто будет управлять семейным бюджетом?
5. Каким образом Вы будете принимать жизненно важные решения для семьи (в результате обсуждения с партнером, единолично, будучи советующим с родственниками, как получится и т. д.)?
6. Какие домашние обязанности и кто будет выполнять (готовить еду, мыть посуду, убираться дома, гладить белье и т. д.)?

7. Хотите ли Вы иметь детей? В каком возрасте Вы планируете рождение детей?

8. Сколько детей Вы планируете иметь?

9. Кто из супругов и в каком объеме будет осуществлять уход за детьми (кто будет ухаживать за маленькими детьми, кто будет сопровождать ребенка в сад и обратно, кто будет брать больничный по уходу за ребенком, кто будет контролировать успеваемость и т. д.)?

10. Каковы Ваши религиозные ценности?

11. Какие неприемлемые действия и слова есть для Вас в семейных отношениях? Озвучьте их, пожалуйста, партнеру как можно более подробно.

12. Назовите приемлемые для Вас способы разрешения семейных конфликтов.

13. Есть ли у Вас неразрешенные проблемы или обиды, которые могут повлиять на Ваш брак (обиды на своих родителей, претензии к своим родителям)? Каким образом планируется их преодоление?

14. Каков будет Ваш материальный вклад в создание и функционирование семьи? Назовите пять позиций.

15. Каков будет Ваш эмоциональный вклад в создание и функционирование семьи? Назовите пять позиций.

16. Какие качества Вашего партнера Вы цените больше всего? Назовите 5 качеств.

Следует уточнить, что форма ответов на вопросы может быть разной. Возможно устное обсуждение вопросов будущими супругами наедине друг с другом, возможно обсуждение в присутствии специалиста (психолога, социального работника, работника ЗАГСа). Возможен вариант письменного заполнения опросника, затем обмен ими и изучение ответов партнера с последующим обсуждением. Необходимо добавить, что данный опросник носит рекомендательный характер и может быть дополнен на основе проведения новых социологических исследований.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что данная тематика требует дальнейшего изучения. Необходимо проведение лонгитюдных социологических и психологических исследований, которые позволили бы оценить степень влияния предварительных договоренностей на стабильность и продолжительность брака.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А. Состояние и тенденции семейного потенциала современной России: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27. № 6. С. 178–190. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.11. EDN XPGGZW.
2. Орлов В. В., Тараканов А. В., Таточенко А. Л. Государственная семейная политика и направления преодоления демографического кризиса в Российской Федерации (2000–2021) // Современная научная мысль. 2023. № 4. С. 129–137.

- DOI 10.24412/2308-264X-2023-4-129-137. EDN TYWMUA.
3. Синельников А. Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 83–93. DOI 10.31857/S013216250017168-7. EDN AREWXI.
 4. Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 21–32. DOI 10.22394/2304-3369-2023-2-21-32. EDN YWPSJD.
 5. Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территорий. 2024. Т. 28, № 1. С. 98–114. DOI 10.15838/ptd.2024.1.129.7. EDN PBVQXT.
 6. Силласте Г. Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования порядка и страновой демографической среды // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 2. С. 4–12. DOI 10.26425/2658-347X-2024-7-2-4-12. EDN QEAXGT.
 7. Кабайкина О. В., Сущенко О.А. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе // Социология. 2016. № 4. С. 163–169. EDN YGFTOL.
 8. Шабунова А. А., Крошилин С. В., Ярашева А. В., Медведева Е. И. Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 5. С. 40–54. DOI 10.15838/esc.2024.5.95.2. EDN IGFYCO.
 9. Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А., Панькова Е. Г. Эффективность реализации программы семейного (материнского) капитала в демографической политике России (на примере Республики Мордовия) // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 4 (16). С. 147–153. DOI 10.24923/2305-8757.2023-16.20. EDN YXXKEW.
 10. Гокова О. В., Киселева А. М. Вопросы управления демографическим развитием в РФ, Франции и Германии: сравнительное исследование репродуктивных технологий и отношения молодежи к институту брака // Вопросы управления. 2016. № 2. С. 68–75. EDN WMKAPZ.
 11. Попова Л. А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 79–93. DOI 10.15838/esc.2016.2.44.5. EDN VXBHWF.
 12. Малышкина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ. Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113–122. DOI 10.21064/WinRS.2023.4.9. EDN VRHODG.
 13. Чэн Сюминь, Тань Жоюй, Калачикова О. Н. Социокультурные детерминанты брачного и репродуктивного поведения населения в контексте вызовов демографического развития (опыт китайско-российских исследований) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 4. С. 212–230. DOI 10.15838/esc.2024.4.94.12. EDN KOBPBO.
 14. Ermisch J. (1998). The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain. *The Journal of Human Resources*, № 23 (4), pp. 563–576. EDN HITACN.
 15. Kravdal O. (1996). How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: a parity-specific approach. *Population research and policy review*, № 15 (3), pp. 201–218. DOI 10.1007/bf00127049. EDN SDZQCV.
 16. Lacalle-Calderon M., Perez-Trujillo M., Neira I. (2017). Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse j-shaped pattern. *European Journal of Population*, vol. 33. № 1, pp. 1–31. DOI 10.1007/s10680-016-9382-4. EDN ZHWVGG.
 17. Рычихина Н. С., Берендеева А. Б. Экономические и институциональные меры поддержки семей в регионе (на примере Ивановской области) // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. Сер. Экономические науки. 2023. № 3 (75). С. 34–47. DOI 10.6060/snt.20237503.0005. EDN AWPLUK.
 18. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия: монография / Т. К. Ростовская и др.; отв. ред. Т. К. Ростовская; ИДИ ФНИСЦ РАН. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2024. 472 с. ISBN 978-5-7807-1456-9. EDN NIKQQJ.
 19. Архангельский В. Н., Джанаева Н. Г. Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 73–82. EDN SBLGZN.
 20. Тимушев Е. Н., Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В. Моделирование демографической ситуации в регионах на основе агентного подхода // Вопросы экономики. 2024. Т. 18, № 4. С. 127–147. DOI 10.32609/0042-8736-2024-4-127-147. EDN BOAIOP.
 21. Щербакова Е. М. Динамика населения России в контексте мировых тенденций // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 78–97. DOI 10.47711/0868-6351-193-78-97. EDN FRSMFJ.
 22. Ушакова В. Г. Брачный выбор в современном российском обществе: гендерный аспект (на примере жителей Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2011. № 1. С. 182–183. EDN NSAIMX.

23. Звонарева А. Е. Факторы брачного выбора жителей г. Иваново: поколенческий аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 5 (92). С. 139–146. DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.009. EDN DSOAKR.

24. Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 984. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-991. EDN KIHXLX.

REFERENCES

- Dobrokhleb, V. G., Kondakova, N. A. (2023). State and trends of family potential in contemporary Russia: *Regional aspect. Problems of Territory's Development*, 27 (6), pp. 178–190. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.11>. <https://elibrary.ru/xpggzw>.
- Orlov, V. V., Tarakanov, A. V., Tatochenko, A. L. (2023) State family policy and directions for overcoming the demographic crisis in the Russian Federation (2000–2021). *Modern scientific thought*, no. 4n pp. 129–137. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-4-129-137>. <https://elibrary.ru/tywmua>.
- Sinelnikov, A. B. (2021) Demographic transition and family demographic policy. *Sociologiceskie issledovania*, no. 10, pp. 83–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250017168-7>. <https://elibrary.ru/arewxi>.
- Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. (2023) Developing a system for training demographers for comprehensive solution of demographic problems. *Management Issues*, 17 (2), pp. 21–32. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-21-32>. <https://elibrary.ru/ywpsjd>.
- Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. (2024) Reproductive attitudes of the Russian students: *Regional aspect. Problems of Territory's Development*, 28 (1), pp. 98–114. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.1.129.7>. <https://elibrary.ru/pbvqxt>.
- Sillaste, G. G. (2024) Family institution and change of reproductive behaviour patterns of Russians in the formation of a new socio-gender order and country demographic environment. *Digital sociology*, Vol. 7, no 2, pp. 4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-2-4-12>. <https://elibrary.ru/qaexgt>.
- Kabaikina, O. V., Sushchenko, O. A. (2016) Transformation of the role of women in modern society: in the family and at work. *Sociologia*, no. 4, pp. 163–169. <https://elibrary.ru/igftol>.
- Shabunova, A. A., Kroshilin, S. V., Yarasheva, A. V., Medvedeva, E.I. (2024). Socio-economic indicators of Russia's national development goals: Trends and forecast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (5), pp. 40–54. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.2>. <https://elibrary.ru/igfyco>.
- Solovyova, T. V., Bistyakina, D. A., Pankova, E. G. (2023) The effectiveness of the implementation of the family (maternal) capital program in the demographic policy of Russia (on the example of the republic of Mordovia). *KANT: Social Sciences & Humanities*, no. 4 (16), pp. 147–153. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-16.20>. <https://elibrary.ru/yxxkew>.
- Gokova, O. V., Kiseleva, A. M. (2016) Demographic development management in Russia, France and Germany: a comparative study of reproductive attitudes and attitudes toward the institution of marriage. *Management Issues*, no. 2, pp. 68–75. <https://elibrary.ru/wmkapz>.
- Popova, L. A. (2016) Modern Russian demographic policy in the field of fertility: results and areas for improvement. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, no. 2 (44), pp. 79–93. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.5>. <https://elibrary.ru/vxbhwf>.
- Malyshkina, A. I., Kuligina, M. V., Panova, I. A., Rychikhina, N. S. (2023) Self-preservation and reproductive strategies of modern students: a medical and sociological analysis, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 113–122. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>. <https://elibrary.ru/vrhodg>.
- Cheng Xiumin, Tan Ruoyu, Kalachikova, O. N. (2024). Socio-cultural determinants of marital and reproductive behavior of the population in the context of demographic development challenges (experience of Chinese-Russian studies). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (4), pp. 212–230. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.12>. <https://elibrary.ru/kobpbo>.
- Ermish, J. (1998). The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain. *The Journal of Human Resources*, 23 (4), pp. 563–576. <https://elibrary.ru/hitacn>.
- Kraval, O. (1996). How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: a parity-specific approach. *Population research and policy review*, no. 15 (3), pp. 201–218. <https://elibrary.ru/sdzqcv>.
- Lacalle-Calderon, M., Perez-Trujillo, M., Neira, I. (2017). Fertility and economic development: quantile regression data using the inverse j-shaped scheme. *European Journal of Population*, 33 (1), pp. 1–31. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9382-4>. <https://elibrary.ru/zhwvvg>.
- Rychikhina, N. S., Berendeeva, A. B. (2023) Economic and institutional measures to support families in the region (on the example of the Ivanovo region). *Modern high technologies. Regional application*, no. 3 (75), pp. 34–47. <https://doi.org/10.24923/2305-8757.2023-75.3.34-47>.

- org/10.6060/snt.20237503.0005. <https://elibrary.ru/awpluk>.
18. Rostovskaya, T. K. et al. (2024) Student family in Russia: barriers and opportunities for well-being. Ivanovo, Publ. Ivan State University, 472 p. <https://elibrary.ru/nikqqj>.
 19. Arkhangelsky, V. N., Dzhanaeva, N. G. (2014) Regional Characteristics of Fertility Dynamics and Demographic Policy. *Living standards of the population in the regions of Russia*, no. 1 (191), pp. 73–82. <https://doi.org/10.12737/3486>. <https://elibrary.ru/sblgzn>.
 20. Timushev, E. N., Dubrovskaya, Yu. V., Kozonogova, E. V. (2024) Modeling the demographic situation in the regions by agent-based approach. *Economic issues*, no. 4, pp. 127–147. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-4-127-147>. <https://elibrary.ru/boaiop>.
 21. Shcherbakova, E. M. (2022) Population Dynamics in Russia in the Context of Global Trends. *Problemy prognozirovania*, no. 4 (193), pp. 78–97. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-193-78-97>. <https://elibrary.ru/frsmfj>.
 22. Ushakova, V. G. (2011) Marriage choice in modern Russian society: gender aspect (on materials of St. Petersburg). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociology*, no. 1, pp. 182–183. <https://elibrary.ru/nsaimx>.
 23. Zvonareva, A. E. (2024) Factors of marriage choice of residents of Ivanovo: generational aspect. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, no. 5 (92), pp. 139–146. <https://doi.org/10.69571/SSPU.2024.92.5.009>. <https://elibrary.ru/dsoakr>.
 24. Grigoryeva, E. V., Khakimova, N. R. (2020) Specific Features of the Generation Z Family Values System. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22 (4), pp. 982–991. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-991>. <https://elibrary.ru/kihxlcl>.

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER and PUBLIC ADMINISTRATION

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

М. М. Назаров ^а

^а Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в здравоохранение относится к приоритетным стратегическим направлениям развития отрасли. Актуальными являются задачи понимания социальных следствий технологических инноваций. В работе представлен анализ эмпирических данных об ожиданиях российского населения в связи с перспективами широкого использования технологий ИИ в здравоохранении.

Материалы и методы. Информационной базой работы являются данные репрезентативного исследования населения Москвы и Московской области в возрасте от 18 лет и старше, проведенного в 2024 г. Использовалась система показателей и эмпирических индикаторов, позволяющая охарактеризовать различные стороны отношения к использованию ИИ в здравоохранении в контексте социальных оценок и поведенческих ориентаций респондентов. Анализ данных проводился с использованием методов дискриптивной статистики и модели логистической регрессии.

Результаты. Выявлено, что положительные ожидания от использования ИИ в здравоохранении оказываются статистически более выраженными по сравнению с негативными ожиданиями, отражающими возможные риски использования ИИ. Среди положительных ожиданий чаще других респонденты отмечали повышение результативности лечения (61%); несколько в меньшей степени – снижение затрат на лечение, расширение возможностей лечения для пациентов, эффективное использование ресурсов медицинских учреждений (56–49%). Негативные оценки, отражающие риски, с которыми может быть сопряжено внедрение ИИ в здравоохранение, – снижение квалификации врачей за счет излишней опоры в работе на технологии; вопросы конфиденциальности; манипуляции данными и предвзятость рекомендаций; отсутствие понимания того, как технологии ИИ формируют рекомендации – получили 51–44% упоминаний. Различия в оценочной направленности ожиданий значимо связаны с возрастом и образованием, а также уровнем удовлетворенности медицинским обслуживанием. На основе использования логистической регрессии были определены переменные, влияющие на доверие медицинскому обслуживанию с широким использованием технологий ИИ.

Обсуждение. В массовом сознании существуют разнонаправленные ожидания в связи с внедрением ИИ в здравоохранение. Для успешной адаптации к инновациям целесообразно учитывать проблемные стороны ожиданий, выявленные в ходе исследования. Немаловажным является обеспечение человеческого измерения технологических и организационно-управленческих решений в сфере медицинского обслуживания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация здравоохранения, социология медицины, принятие инноваций, доверие искусственному интеллекту, социальные ожидания.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Назаров М.М. Использование технологий искусственного интеллекта в здравоохранении: ожидания населения // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 58–71. EDN WTNRHA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаров Михаил Михайлович – доктор политических наук; Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии

© М. М. Назаров, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

наук (119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1) – главный научный сотрудник Института социально-политических исследований; vy175867@yandex.ru. SPIN 2262-8074, ORCID 0000-0002-9099-981X, Scopus ID 7005571997, Researcher ID L-7449-2015.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 13.01.2025; рецензия получена: 10.03.2025; принята к публикации: 31.03.2025.

RESEARCH ARTICLE

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE: PUBLIC EXPECTATIONS

М. М. Назаров^a

^a Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The introduction of artificial intelligence (AI) technologies in healthcare is one of the priority strategic areas of the industry's development. The tasks of understanding the social consequences of technological innovations are relevant. The paper presents an analysis of empirical data on the expectations of the Russian population in connection with the prospects for the widespread use of AI technologies in healthcare.

Materials and methods. Data come from a representative sample of the population aged 18 and older conducted in Moscow and the Moscow region in 2024. The research used system of empirical indicators to characterize various aspects of attitudes toward the use of AI in healthcare in the context of social assessments and behavioral orientations of respondents. Descriptive statistics methods and a logistic regression model applied in a course of data analysis.

Results. It was found that positive expectations from the use of AI in healthcare are statistically more pronounced compared to negative expectations reflecting the possible risks of using AI. Among the positive expectations, respondents most often noted an increase in treatment effectiveness (61%); to a lesser extent – a decrease in treatment costs, an expansion of treatment options for patients, and an efficient use of medical institution resources (56–49%). Negative assessments reflecting the risks that may be associated with the introduction of AI in healthcare – a decrease in the qualifications of doctors due to excessive reliance on technology in their work; privacy issues; data manipulation and bias in recommendations; lack of understanding of how AI technologies form recommendations – received 51–44%. Differences in the evaluative focus of expectations are significantly associated with age and education, as well as the level of satisfaction with medical care. Binary logistic regression model help to identify variables influencing trust in healthcare with extensive use of AI technologies.

Discussion. The research identified mass consciousness mixed expectations regarding the introduction of AI technologies in healthcare. For successful adaptation to innovation, it is advisable to take into account the problematic aspects of expectations the study considered. It is important to ensure the human dimension of technological and organizational-managerial decisions in the field of medical care.

KEYWORDS

Digitalization of healthcare, artificial intelligence, AI, sociology of medicine, adoption of innovations, trust in AI, social expectations.

FOR CITATION

Nazarov, M. M. (2025) The use of artificial intelligence technologies in healthcare: public expectations. *Management Issues*, 19 (2), 58–71. <https://elibrary.ru/wtnrha>.

AUTHOR INFORMATION

Mikhail M. Nazarov – Doctor of Political Sciences; Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (119333, Moscow, ul. Fotieva, house 6, building 1) – *Chief researcher Institute of social and political studies*; vy175867@yandex.ru. SPIN 2262-8074, ORCID 0000-0002-9099-981X, Scopus ID 7005571997, Researcher ID L-7449-2015.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 13.01.2025; reviewed 10.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Важной предпосылкой демографического развития нашей страны является здоровье населения. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» имеет целостный характер и включает комплекс мер, предполагающих популяризацию здорового образа жизни, диспансеризацию, профилактику, позволяющих обнаружить заболевания и приступить к их лечению на ранних стадиях. К стратегическим направлениям развития отрасли относят цифровизацию здравоохранения, включая использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). Использование ИИ в здравоохранении является мировым трендом и имеет потенциал для решения широкого круга задач, включая использование предиктивной аналитики для оценки персональных рисков пациентов и профилактики заболеваний, совершенствования рутинной деятельности медицинских организаций и др. областей. Актуальным является анализ социальных следствий внедрения технологических инноваций, общественных ожиданий и оценок, возникающих в этой связи.

В статье приводятся результаты исследования, в фокусе которого находились следующие исследовательские вопросы: «Какими среди населения являются ожидания относительно возможностей и рисков внедрения технологий ИИ в здравоохранении?», «Какие переменные могут влиять на доверие людей медицинскому обслуживанию с использованием технологий ИИ?».

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предмет исследования – отношение населения к перспективам использования технологий ИИ в здравоохранении¹. Эмпирическим объектом являлось население Москвы и Московской области в возрасте 18 лет и старше. Выборочная совокупность репрезентирует население по полу и возрасту. Общее число опрошенных – 893 респондента². Метод сбора первичных данных – онлайн-опрос. Полевой этап проводился в апреле – июле 2024 г.

В фокусе исследования находились вопросы, существенная часть которых имела прогностический характер. Изучение представлений индивидов о тех или иных сторонах их будущей жизнедеятельности имеет особенности, обусловленные спецификой исследуемой проблемы, параметрами социальной среды. В этой связи разработка инструментария количественного исследования предварялась проведением качественных процедур (интервью), уточняющих особенности интерпретации в целевой аудитории понятия ИИ. На этой основе была разработана прамбула опросника, предшествующая содержательным вопросам, которая служила задаче обеспечения единой

системы соотнесения понятия ИИ всеми участниками количественного исследования.

Методика сбора данных была построена на основе нескольких групп показателей и эмпирических индикаторов, позволяющих получить ответы на поставленные в работе исследовательские вопросы. При разработке системы показателей учитывались концептуальные представления, приведенные в теоретическом обзоре работы.

Первая группа показателей охватывала предметное поле общего отношения респондентов к новым технологиям, включая технологии ИИ. Эмпирически фиксировались: информированность респондентов об ИИ; представления об общей направленности влияния ИИ на жизнь людей в ближайшие 10–20 лет; самооценка отношения к новым технологиям в связи с индикаторами знания, понимания, действия; использование бытовых устройств с элементами ИИ (голосовые помощники, системы для умного дома, ChatGPT и др.); уровень компьютерной грамотности респондентов.

Вторую группу составили показатели, характеризующие представления о различных сторонах внедрения ИИ в здравоохранение. Для фиксации положительных ожиданий от внедрения ИИ использовались следующие индикаторы: повышение результативности лечения, снижение затрат на лечение, рост эффективности здравоохранения в целом; расширение возможностей для лечения пациентов; повышение качества персонального обслуживания. Ожидания, сопряженные с рисками или негативными ожиданиями использования ИИ, отражали индикаторы: возможной предвзятости рекомендаций; манипулирования данными ИИ; понижения квалификации врачей; потери конфиденциальности персональных данных пациентов.

Третья группа показателей отражала ключевые характеристики отношения к внедрению ИИ в здравоохранение: доверие респондентов к медицинскому обслуживанию, в которых широко используются технологии ИИ для улучшения диагностики и определения наилучших вариантов лечения; готовность респондентов делиться своими персональными данными с системами ИИ в здравоохранении. Также использовался индикатор общей удовлетворенности медицинским обслуживанием в регионе проживания респондента.

Четвертую группу образуют показатели коммуникативного поведения респондентов. Здесь использовались индикаторы частоты и длительности использования телевидения, платформ онлайн-видео, социальных сетей.

К пятой группе отнесены социально-демографические показатели: пол, возраст, образование, сфера занятости, уровень дохода респондентов.

¹ Исследование проводилось Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН совместно с Российским государственным социальным университетом.

² Предельно допустимая ошибка выборки составляет 3,3%.

Для получения ответов на поставленные исследовательские вопросы использовались различные методы. При формировании переменных интегральной оценки положительных и негативных ожиданий от использования ИИ в здравоохранении применялся индексный метод. Для проверки правомерности объединения исходных признаков (индикаторов) в индекс использовалась статистика надежности Альфа Кронбаха, а также процедура факторного анализа. В рамках статистического анализа данных использовались: процедуры анализа одномерных и двумерных распределений; процедура бинарной логистической регрессии, предполагающая определение независимых переменных, оказывающих значимое в статистическом смысле влияние на зависимую переменную (доверие к использованию ИИ в здравоохранении), имеющую дихотомическую шкалу измерения.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В литературе существуют различные определения такого сложного феномена, каким является искусственный интеллект. К атрибутирующим признакам ИИ обычно относят: некоторый искусственно созданный объект; заданный человеком набор целей и задач; уровень сложности задач, изначально требующих приложения интеллекта человеческого уровня; наличие автономной компьютерной системы; подготовленные системой алгоритмические решения как ответ на целевые задачи. Согласно российским нормативным документам, понятие ИИ охватывает комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека³. Применительно к области здравоохранения мы будем исходить из того, что ИИ представляет собой компьютерный процесс, который алгоритмически принимает оптимальные решения на основе нескольких критериев с использованием одной или нескольких моделей машинного обучения [1]. Данное определение является основанием для методических решений, которые были реализованы в эмпирической части исследования.

Рассмотрим ряд концептуальных посылок, составляющих теоретическую основу исследования. Одной из наиболее известных концепций, связанных с задачами осмысления информационно-коммуникативных инноваций является т.н. модель принятия технологий (Technology Acceptance Model – TAM) [2]. Согласно модели, детерминирующую роль в принятии технологии имели временные воспринимаемой полезности и воспринимаемой простоты использования технологии.

Впоследствии анализ факторов принятия технологий был расширен за счет учета роли субъективных норм; переменных, отражающих актуальность технологии для пользователей, качество и наглядность их применения, социально-демографических признаков [3]. В модель также были интегрированы показатели технологической готовности к инновациям [4].

Существенную роль в связи с изучением распространения новых технологий, включая ИИ, имеет фактор доверия пользователей. Доверие здесь трактуется как ожидание действия технологической системы в интересах пользователя без надзора и контроля. Считается, что доверие интегрирует характеристики намерения и фактического поведения. В ряде исследований было подтверждено наличие связей между доверием и ключевыми составляющими принятия новых технологий [5; 6].

В современных обществах здоровье является фундаментальной ценностью, что объективно соотносится с вопросом распространения технологий. Вероятность принятия индивидом новых технологий в секторе здравоохранения увеличивается в зависимости от того, насколько человек считает свое здоровье подверженным риску [7]. Анализ принятия технологий ИИ в области медицинских услуг показал, что положительные ожидания в части улучшения здоровья имеют наибольшее в статистическом плане влияние на представления о функциональности технологии [8]. Считается, что для здравоохранения актуальным является интеграция интуитивного и аналитического мышления медицинских экспертов и развитых вычислительных мощностей ИИ. Это тем более так, поскольку пациенты не обладают экспертным знанием в области медицины и во многом зависят от рекомендаций, которые формируются при участии ИИ [1].

Для понимания особенностей использования сложных технологических систем, включая ИИ в медицине, предложена идея делегирования задач [9]. Делегирование характерно для сферы оказания медицинских услуг, когда индивиды затронуты системой ИИ через других субъектов. Поэтому необходимым является анализ таких характеристик делегирования, как доверие агенту; восприятие прозрачности, объяснимости, контроля как составляющих подотчетности технологической системы [10].

Актуальными для нашей работы являются выводы исследователей о том, что технологии ИИ (в том числе в области здравоохранения) являются социально-техническим феноменом. Алгоритмические решения, лежащие в основе технологий, функционируют не сами по себе, а оказываются встроенными в социальный и институциональный контекст [11]. При этом технологии ИИ могут быть как средством решения актуальных

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=1> (дата обращения: 18.11.2024).

проблем, так и источником риска. Поэтому в литературе предлагается еще один ракурс оценки – общественное принятие и социальные следствия внедрения технологий ИИ [12].

В последние годы внимание отечественных ученых и специалистов к проблематике ИИ в здравоохранении было достаточно активным. Не в последнюю очередь это определяется тем, что цифровизация здравоохранения, включая использование ИИ для анализа персональных рисков пациентов и развития персонализированной профилактики заболеваний, рассматриваются в качестве приоритетных стратегических направлений отрасли [13, с. 42]. В этой связи отдельное исследовательское направление связано с оценкой, разработкой и внедрением технологий ИИ для решения прикладных задач медицинской профилактики и лечения [14; 15; 16].

Применительно к социально-гуманитарному корпусу знаний обратим внимание на следующие направления. Авторы рассматривали изучаемые социологией перспективы цифрового здравоохранения, отражающиеся в преобразовании структуры рынка труда медицинских работников. Отмечалось, что социальные перспективы цифровизации должны учитывать необходимость укрепления общегражданских прав, реализуемых при получении медицинской помощи [17]. Обсуждались этические проблемы в процессе совместного принятия решений, возникающие в связи с активным привлечением систем ИИ в медицинскую практику [18]. Сделан вывод об актуальности разработки этико-правового и социального мониторинга рутинного применения систем ИИ для оценки отдаленных последствий ее внедрения с учетом отраслевой специфики медицины [19].

Российские эмпирические исследования о социальных ожиданиях, связанных с перспективами внедрения ИИ в здравоохранение, являются немногочисленными. Результаты исследования населения говорят о том, что россияне готовы доверить ИИ задачи медицины, но с осторожностью: пока каждый второй чувствовал бы себя некомфортно, положись их врач на ИИ при диагностике и лечении⁴. Исследование среди врачей показало их положительное отношение к использованию технологий ИИ в здравоохранении. Вместе с тем, для этой группы характерен низкий уровень профессиональных знаний о возможностях ИИ.

Зафиксированы проблемные области, снижающие доверие врачей к ИИ [20].

При разработке программы исследования также были приняты во внимание зарубежные данные об ожиданиях и представлениях в предметной области. Общая информированность об ИИ в различных странах находится на достаточно высоком уровне. Порядка 75–80% респондентов отметили, что им известно (в той или иной мере) об этом явлении. Об этом в частности свидетельствуют исследования в Великобритании⁵, Германии [21], Японии [22]. Вместе с тем, доля тех, кто знает об ИИ достаточно много, является существенно меньшей (10–15%).

В ряде проектов был изучен вопрос о представлениях респондентов о возможном влиянии ИИ на различные сферы жизнедеятельности людей. Так, в рамках международного проекта, проведенного компанией IPSOS в 31 стране в 2023 году (репрезентативная выборка в каждой из стран) респондентам было предложено оценить, как повлияет на изменения в их жизни рост использования ИИ в ближайшие 3–5 лет? Показательно, что сфера здоровья оказалась в первой тройке наиболее упоминаемых областей, в которых использование ИИ, согласно массовым ожиданиям, будут способствовать изменениям к лучшему⁶. О сходном тренде свидетельствуют и другие исследования⁷ [23].

В фокусе внимания исследований находился вопрос о доверии к применению ИИ в здравоохранении. Обратимся к данным сравнительного исследования в 17 странах, представляющим все регионы мира, проведенного в 2022 году компанией KPMG. Здесь было зафиксировано, что доля «доверяющих» ИИ в здравоохранении оказалась больше доли «не доверяющих» в 1,75 раза. Распределение ответов на вопрос о готовности делиться персональными данными с системами ИИ в здравоохранении было следующим: 50% были готовы делиться персональной информацией; 26% – не готовы; 24% – не выразили мнения по этому вопросу. В целом уровень доверия к ИИ оказывается выше в странах с развивающимися экономиками (Бразилия, Индия, Китай и др.) по сравнению со странами Западной Европы, США, Японии [24]. Принятие практик использования ИИ в большей степени присуще мужчинам, чем женщинам; молодежи; лицам с более высоким образованием и доходом⁸ [22].

⁴ Нейросеть в белом халате, или Новая эра медицины? Исследование ВЦИОМ. 19 ноября 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroset-v-belom-khalate-ili-novaja-ehra-mediciny> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵ YouGov / Control AI Results 18th – 19th October 2023. – URL: [https://yougov.co.uk/\(popup:search/Control%20AI%20Survey%20Results\)](https://yougov.co.uk/(popup:search/Control%20AI%20Survey%20Results)) (дата обращения: 23.11.2024).

⁶ Global Views on A.I. 2023. How people across the world feel about artificial intelligence and expect it will impact their life. July 2023. – URL: [https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-07/Ipsos Global AI 2023 Report-WEB.pdf](https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-07/Ipsos%20Global%20AI%202023%20Report-WEB.pdf) (дата обращения: 11.12.2024).

⁷ International survey of public opinion on AI safety. A new survey of public opinion in nine countries shows widespread support for AI safety testing. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/international-survey-of-public-opinion-on-ai-safety> (дата обращения: 18.12.2024).

⁸ Americans' Opinions on Artificial Intelligence. March 2025. – URL: https://today.yougov.com/topics/technology/explore/topic/Artificial_Intelligence (дата обращения: 29.11.2024).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Представления населения о положительных следствиях и рисках внедрения технологий ИИ в здравоохранение

Изложение результатов начнем с краткой характеристики общего контекста исследования – уровня информированности о технологиях ИИ. Согласно результатам, более 80% опрошенных были в той или иной степени знакомы с этим явлением. Причем степень информированность об ИИ среди респондентов была различной: «знали о технологиях ИИ достаточно много» – 15%; «знали, но немного» – 48%; «слышали только это название» – 19%; «ничего не знали об этом» – 13%; «затруднились ответить» – 5%. Технологии ИИ являются относительно новым

и сложным явлением. Вместе с тем нельзя не учитывать достаточно высокий уровень медийного внимания, которое в последние годы уделяется этой теме в информационном пространстве. Кроме того, все большее число людей сталкивается с распространением бытовых устройств с элементами ИИ в своей повседневной практике. Это, по всей видимости, может находить свое выражение в широкой известности, но вместе с тем относительно неглубоком знании о технологиях ИИ, характеризующем сегодня массовое сознание.

Какими являются представления населения о положительных и проблемных следствиях внедрения технологий ИИ в области здравоохранения? Данные об этом приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Представления о положительных сторонах внедрения технологий ИИ в здравоохранение, % от числа опрошенных

Table 1 – Perceptions of the positive aspects of introducing AI technologies into healthcare, % of respondents

	Согласен	Не согласен	Затруднились ответить	Всего
Повышение результативности лечения	61,4	23,3	15,4	100,0
Снижение затрат на лечение	55,8	28,8	15,4	100,0
Повышение эффективности здравоохранения в целом	49,2	32,7	18,1	100,0
Расширение возможностей лечения для пациентов	54,1	27,8	18,1	100,0
Более эффективное использование ресурсов медицинских учреждений	52,5	28,4	19,1	100,0
Повышение качества персонального обслуживания пациентов	52,3	29,4	18,3	100,0

Таблица 2 – Представления о рисках, связанных с внедрением технологий ИИ в здравоохранение, % от числа опрошенных

Table 2 – Perceptions of risks associated with the introduction of AI technologies in healthcare, % of respondents

	Согласен	Не согласен	Затруднились ответить	Всего
Понижение квалификации врачей, которые будут больше полагаться на технологии, а не на свои знания и опыт	51,2	37,0	11,8	100,0
Возможная предвзятость рекомендаций	46,0	37,5	16,6	100,0
Манипулирование данными искусственного интеллекта	44,8	38,9	16,3	100,0
Отсутствие понимание того, как системы искусственного интеллекта производят свои рекомендации	46,2	33,6	20,2	100,0
Потеря конфиденциальности персональных данных пациентов	43,7	37,8	18,5	100,0

В контексте преимуществ использования технологий ИИ в здравоохранении выделим ряд моментов. Наибольшая доля респондентов (61%) ожидает в этой связи повышения результативности лечения. Причем уровень несогласия с этой оценкой оказался среди респондентов наименьшим (23%) по сравнению с несогласием с другими оценочными суждениями. Прочие положительные ожидания от использования технологий ИИ в здравоохранении (снижение затрат на лечение; повышение эффективности здравоохранения в целом; расширение возможностей лечения для пациентов; более эффективное использование ресурсов медицинских учреждений; повышение качества персонального обслуживания пациентов) разделяли 49–56% опрошенных.

Среди оценок, отражающих негативные ожидания в связи с внедрением технологий ИИ в здравоохранение, наибольший уровень поддержки получило суждение о возможном понижении квалификации врачей, которые будут больше полагаться на технологии, а не на свои знания и опыт (51%)⁹. Вместе с тем на другие предполагаемые негативные или рискованные следствия (возможную предвзятость рекомендаций; манипулирование данными искусственного интеллекта; отсутствие понимания того, как системы искусственного интеллекта производят свои рекомендации; потерю конфиденциальности персональных данных пациентов) также указало значимое число опрошенных – в пределах 44–46%.

Заметим также, что соотношение долей респондентов, согласных и не согласных с положительными и рискованными следствиями внедрения технологий ИИ в здравоохранение, являются различными. Так, в связи с оценками положительных следствий соотношение долей согласных и не согласных составило в среднем 1,9. По отношению к рискованным следствиям внедрения технологий ИИ в здравоохранение соотношение долей согласных и не согласных оказалось в среднем существенно меньше – 1,3. Другими словами, поляризация оценок в численном плане оказывается более ярко выраженной в отношении проблемных следствий внедрения ИИ.

Приведенные перечни оценок положительных и рискованных следствий характеризуют различные стороны некоторого совокупного отношения к внедрению технологий ИИ в здравоохранение.

Для фиксации этого были построены соответствующие индексы. Индексы рассчитывались как средние значения оценок возможностей и оценок рисков, связанных с внедрением ИИ¹⁰. Применялись процедуры оценки надежности, согласно которым имеющиеся переменные правомерно использовать для построения индексов¹¹. Сравнение средних значений индексов показало, что совокупные положительные ожидания от использования ИИ в здравоохранении оказываются статистически более выраженными по сравнению с совокупными негативными ожиданиями, отражающими возможные риски использования ИИ.

По данным исследования, существует невысокая, но статистически значимая связь между индексами возможностей и рисков и социально-демографическими характеристиками опрошенных. Данные об этом приведены в таблице 3. Величина Индекса возможностей отрицательно связана с возрастом респондентов (т.е. общее положительное отношение к использованию ИИ в здравоохранении присуще более молодым индивидам). Индекс возможностей характеризуется положительной связью с наличием высшего образования, а также с уровнем доходов респондентов. Для Индекса рисков характерны обратные зависимости: более высокие оценки риска использования ИИ в здравоохранении сопряжены с ростом возраста респондентов; характерны для лиц с меньшими доходами и уровнем образования – ниже высшего.

В рамках исследования был рассмотрен вопрос об удовлетворенности респондентов уровнем медицинского обслуживания в регионе их проживания. Распределение ответов было следующим: 63% были удовлетворены или скорее удовлетворены; 31% – не удовлетворены или скорее не удовлетворены; 6% – затруднились ответить. Анализ показал, что существует значимая связь между индексами возможностей и рисков использования ИИ в здравоохранении и удовлетворенностью уровнем медицинского обслуживания в регионе проживания респондента. Те, кто позитивно настроен в отношении качества медицинского обслуживания в своем регионе, дает более высокие оценки возможностям использования ИИ в здравоохранении. Обратная тенденция свойственна тем, кто негативно настроен в отношении качества медицинского обслуживания.

⁹ В фокусе анализа находились как положительные, так и негативные ожидания населения от внедрения ИИ в здравоохранение. Далее по тексту негативные ожидания также определяются как ожидания, связанные с рисками дисфункционального характера, которые могут возникать при внедрении технологических инноваций. Здесь мы опираемся на общее понимание риска как ситуативной характеристики деятельности, состоящей в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха [25, с. 305].

¹⁰ При формировании индексов исходные шкальные признаки оценочных суждений были перекодированы: «-1» – не согласен; «0» – затрудняюсь ответить; «+1» – согласен.

¹¹ Для оценки того, насколько хорошо согласованы между собой шкалы, закладываемые в индексы, были рассчитаны статистики надежности Альфа Кронбаха. Для Индекса оценки возможностей внедрения ИИ этот показатель составил 0,752; для Индекса оценки рисков, сопряженных с внедрением ИИ, этот показатель составил 0,806. Таким образом, значения Альфа Кронбаха говорят о достаточной надежности используемых далее индексов. Для проверки надежности индексов также использовалась процедура факторного анализа. Использовался метод главных компонент. Все шаги процедуры применялись отдельно к двум группам переменных – суждений, характеризующих возможности и риски внедрения ИИ. В результате после вращения каждая из групп переменных определялась в единый фактор. Это является подтверждением правомерности создания индексов из этих переменных.

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции индексов возможностей и рисков, связанных с ожиданиями от внедрения технологий ИИ в здравоохранение, с социально-демографическими признаками
Table 3 – Correlation coefficients of the Indices of opportunities and risks related to expectations from the introduction of AI technologies in healthcare with socio-demographic characteristics

Социально-демографические признаки	Индекс возможностей, связанных с положительными ожиданиями от внедрения технологий ИИ в здравоохранение	Индекс рисков, связанных с негативными ожиданиями от внедрения технологий ИИ в здравоохранение
Пол	–0,003	–0,062
Возраст (полных лет)	–,136**	,163**
Наличие высшего образования	,227**	–,147**
Доход	,233**	–,088*

Приводятся коэффициенты корреляции Спирмена.
 **Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя);
 *Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Переменные, влияющие на доверие к использованию технологий ИИ в здравоохранении

В рамках исследования был изучен вопрос о доверии респондентов медицинскому обслуживанию с широким использованием технологий ИИ. Представления респондентов по этому вопросу были распределены следующим образом: 55% были настроены доверять; 34% – не доверять; 11% – затруднились ответить. Логистическая регрессия позволила определить вклад независимых переменных (предикторов) в повышение

вероятности того, что респондент будет доверять медицинскому обслуживанию с широким использованием технологий ИИ. В качестве независимых переменных использовались индикаторы трех групп переменных: отношение к различным сторонам внедрения ИИ в здравоохранение; отношение респондентов к новым технологиям в целом, включая технологии ИИ; социально-демографические характеристики.

Результаты логистической регрессии приведены в таблице 4¹².

Таблица 4 – Предикторы доверия технологиям ИИ в здравоохранении
Table 4 – Predictors of Trust in AI Technologies in Healthcare

	B	Знач.	Exp(B)
<i>Отношение к возможностям и рискам использования ИИ в здравоохранении</i>			
Индекс оценок возможностей, связанных с использованием технологий ИИ в здравоохранении	1,706	<,001	5,508
Индекс оценок рисков, связанных с внедрением технологий ИИ в здравоохранении	–0,943	<,001	0,389
<i>Согласие делиться персональными данными с ИИ в здравоохранении (по сравнению с не согласными)</i>			
Согласные	1,597	<,001	4,938
Затруднились ответить	0,702	0,244	2,018
<i>Важность понимания, как работают новые технологии (база сравнения – те, для кого понимание этого не важно)</i>			
«Для меня важно понимать, как работают новые технологии»	0,764	0,001	2,148
Затруднились ответить	–0,35	0,512	0,704

¹² Модель логистической регрессии является статистически значимой. Показатели правильности предсказания модели фиксируют ее удовлетворительное качество. Общая правильность предсказания – 82,4%. При этом модель правильно предсказывает факт доверия рекомендациям ИИ в здравоохранении в 87% случаев; факт недоверия рекомендациям ИИ – в 74,9% случаев. Показатель псевдо- R-квадрат Нагелькерка равен 0,577.

<i>Использование в повседневной жизни ChatGPT – чат-бота с ИИ, которому можно задавать вопросы и получать ответы в текстовом виде</i>			
Пользовались (по сравнению с не пользовавшимися)	-0,789	0,002	0,454
<i>Уровень самооценки компьютерной грамотности (база сравнения: компьютером не пользуются или пользуются редко, знают мало об этой области)</i>			
Регулярное обращение к компьютеру, пользователь стандартных приложений	0,845	0,001	2,327
Пользователь специализированных приложений, но не специалист в сфере информационных технологий	1,239	<,001	3,453
Профессиональный компьютерщик или специалист в области информационных технологий	0,91	0,014	2,484
<i>Пол (база сравнения – женщины)</i>			
Мужчины	0,835	<,001	2,305
Константа	-1,714	<,001	0,18

Применялся пошаговый метод анализа влияния независимых переменных на зависимую переменную. В таблице приводятся только те предикторы, которые оказываются статистически значимыми. Для каждого предиктора в таблице приведены коэффициенты В и Exp(В). Чем большим является значение В, тем больше вероятность влияния предиктора на зависимую переменную. При интерпретации мы будем обращаться к столбцу Exp(В). Этот показатель фиксирует отношение шансов наступления или не наступления изучаемого события (в данном случае – доверия или недоверия к рекомендациям ИИ).

Согласно полученным результатам, существует несколько предикторов, повышающих вероятность доверия к результатам использования ИИ в здравоохранении. Во-первых, это Индекс возможностей использования ИИ – показатель, выражающий среднее значение оценок в отношении различных положительных сторон, сопряженных с использованием ИИ в медицине. Значение Exp(В) = 5,508 говорит о том, что увеличение Индекса возможностей на 1 балл приводит к увеличению шансов доверия к результатам ИИ в 5,508 раз. Заметим, что Индекс возможностей оказывает максимальное среди прочих предикторов влияние на повышение вероятности доверия к ИИ в здравоохранении.

Также существует другой предиктор среди относящихся к практикам применения ИИ в здравоохранении, имеющий сопоставимый уровень влияния на доверие к ИИ, – отношение к конфиденциальности данных. Логистическая модель отражает тот факт, что принадлежность к группе тех, кто согласен делиться своими персональными данными, повышает шансы доверия результатам ИИ в медицине в 4,938 раза.

Несколько меньшим уровнем предсказательной силы в плане доверия к ИИ обладали переменные, характеризующие отношение к новым

технологиям в целом, а также компьютерную грамотность респондентов. Показательно, что среди представлений респондентов об их позиционировании по отношению к новым технологиям в координатах «информированность», «понимание», «поведение» статистически значимым оказался фактор понимания. Т.е. шансы доверия рекомендациям ИИ в медицине повышаются среди тех, кому важно понимать, как работают новые технологии, – в 2,148 раза. Также повышает вероятность доверия к ИИ в здравоохранении характер самооценок компьютерной грамотности индивидов. Шансы доверия к ИИ повышаются в группах: регулярных пользователей компьютеров и стандартных приложений (2,327), пользователей специализированных программ (3,453). Несколько меньшую статистическую значимость в связи с доверием имела переменная принадлежности к группе специалистов в области компьютеров и информационных технологий. Среди социально-демографических показателей статистически значимым предиктором является признак пола. При этом факт принадлежности к мужчинам повышает вероятность проявления доверия к использованию ИИ в здравоохранении в 2,305 раза.

Регрессионная модель содержит несколько предикторов, влияние которых связано с повышением недоверия результатам ИИ. Во-первых, это относится к Индексу рисков использования ИИ в здравоохранении. Этот показатель в обобщенном виде отражает обеспокоенность респондентов тем, что применение ИИ в этой области может приводить к негативным следствиям. Согласно модели, повышение Индекса рисков на 1 балл приводит к увеличению шансов не доверять рекомендациям ИИ в 0,389. Во-вторых, повышение недоверия к ИИ связано с фактом того, что респондент в повседневной жизни пользовался чат-ботом с ИИ ChatGPT. Так, в группе пользователей этим технологическим устройством вероятность недоверия

рекомендациям ИИ в здравоохранении возрастает в 0,454 раза¹³.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования позволяют охарактеризовать общий информационный контекст – знание респондентов о феномене ИИ. Около 4/5 участников исследования заявили, что знакомы с этим понятием (с той или иной степенью детализации). Вместе с тем, существенно меньшая часть опрошенных (не более пятой части респондентов) указали на свое достаточно глубокое знание об этом явлении. В плане количественных оценок информированности об ИИ российская ситуация имеет сходные черты с ситуацией в других странах [21; 22]. Среди обстоятельств, способствующих этому, обратим внимание на следующие моменты: тема ИИ является в последние годы одной из актуальных в глобальной повестке и в массовой культуре в целом; разнообразные устройства с применением технологий ИИ все активнее используются в самых разных областях современного общества, становясь составляющими повседневной жизни людей.

Перспективы широкого использования ИИ в здравоохранении получили разнонаправленные оценки населения. Причем величина средних оценок положительных ожиданий от внедрения этой технологии (Индекс возможностей) оказывается несколько выше величины средних оценок отрицательных ожиданий (Индекса рисков), связанных с использованием технологии ИИ в этой области. Новые возможности, которые опрошенные связывают с использованием ИИ, соотносятся с качеством персонального обслуживания и результативностью лечения; снижением затрат на лечение; эффективностью здравоохранения в целом. Риски внедрения ИИ рассматривались в связи с возможным понижением квалификации врачей; сложностью понимания, как системы ИИ формируют рекомендации; проблемой конфиденциальности данных пациентов.

Величина Индекса возможностей ИИ в здравоохранении значимо коррелирует с более молодым возрастом, наличием у респондентов высшего образования и более высокого дохода. Ориентируясь на опубликованные ранее результаты, правомерно утверждать, что устойчивыми атрибутами принятия технологий ИИ, в том числе в сфере здравоохранения являются относительно

молодой возраст и наличие более высокого уровня образования [21].

Среди российского населения преобладают настроения доверия медицинскому обслуживанию, в котором будут использоваться технологии ИИ для улучшения диагностики и определения наилучших результатов лечения. Заметим, что существенное преобладание доверия технологиям ИИ в здравоохранении не является свойственным только для нашей страны. Информация, полученная в рамках проведенного нами исследования о величине доверия, оказалась сопоставимой с данными репрезентативных зарубежных проектов, в которых рассматривался вопрос доверия ИИ в здравоохранении [24].

Результаты логистической регрессии позволили определить независимые переменные, повышающие вероятность доверия медицинскому обслуживанию с широким использованием технологий ИИ. Максимально увеличивают шансы проявления доверия две переменные: Индекс возможностей использования ИИ в здравоохранении и согласие респондентов делиться своими персональными данными с технологиями ИИ. Напомним, что Индекс возможностей ИИ в обобщенном виде отражает ожидания респондентов от технологий в плане лечения и обеспечения медицинских услуг. Т.е. зафиксированная зависимость говорит о том, что большие надежды на технологии, способные, по мнению людей, сделать их жизнь более здоровой, оказываются сопряженными с ростом доверия к этим технологиям. Сходная закономерность в части медицинских технологий с ИИ была зафиксирована и в зарубежных исследованиях [8].

Регрессионная модель включает также переменные, касающиеся технологической ориентированности участников исследования, которые также повышают (хотя и не столь сильно) шансы увеличения доверия к рекомендациям ИИ в здравоохранении. Это касается важности понимания для респондентов, как работают новые технологии; общей компьютерной грамотности опрошенных. В социально-демографическом плане вероятность проявления доверия оказывается присущей мужчинам по сравнению с женщинами.

Уменьшение вероятности доверия связано с ростом величины Индекса рисков ИИ в здравоохранении, характеризующего обеспокоенность респондентов возможной потерей квалификации врачей, проблемами с персональными данными, сложностью понимания работы новых

¹³ Используемые для анализа предикторы были исследованы на коллинеарность, т.е. на возможное взаимодействие между независимыми переменными. Выше отмечалось, что индексы возможностей и рисков использования ИИ в здравоохранении статистически значимо коррелируют с удовлетворенностью медицинским обслуживанием; социально-демографическими переменными – возрастом, наличием высшего образования, уровнем дохода. Отдельные расчеты показали также наличие связи индексов с фактом использования в повседневной жизни бытовых технических устройств с ИИ (устройства для умного дома, голосовые помощники и др.). В ходе логистического анализа было установлено, что каждая из этих переменных в отдельности повышает вероятность доверия к ИИ в здравоохранении. Вместе с тем, при последовательном добавлении предикторов в модель становится очевидным, что наличие таких мощных переменных влияния, как индексы возможностей и рисков, сводит на нет влияние перечисленных выше переменных. В этой связи было принято решение об исключении их из процедуры логистического анализа.

технологий. Отрицательно связанным с доверием ИИ в здравоохранении также оказался факт использования чат-бота с ИИ ChatGPT. Эта технология является на сегодня одной из наиболее продвинутых из доступных в повседневной жизни устройств с ИИ. Можно предположить, что в данном случае практики использования оказались неоднозначными и не всегда способствовали росту доверия результатам возможного использования ИИ в здравоохранении¹⁴. Кроме того, это обстоятельство подтверждает тот факт, что высокая включенность людей в новые технологии, высокий уровень образования в этой области не всегда положительно связан с однозначным принятием технологий ИИ [26].

Согласно исследованию, ожидания в связи с перспективами внедрения ИИ в здравоохранение соотносятся с удовлетворенностью людей медицинским обслуживанием в регионе их проживания. Данные показывают, что существует статистически значимая положительная связь между Индексом ожиданий от широкого использования ИИ и уровнем удовлетворенности медицинским обслуживанием. Так, технологические инновации оказываются увязанными с текущим социальным контекстом, поскольку тема медицинского обслуживания находится в ряду 5–7 наиболее актуальных проблем, беспокоящих россиян [27].

Выше отмечалось, что перспективы использования ИИ в здравоохранении сопряжены не только с возможностями, но и с рисками. Согласно результатам, озабоченность респондентов вызывают вопросы конфиденциальности, возможные

злоупотребления данными. Полученные результаты соотносятся с мировым трендом – в ряде исследований отмечается потребность пользователей в обеспечении безопасности персональных данных при внедрении технологий ИИ, в том числе в сфере медицины [21; 23]. Наряду с этим стоит учитывать, что в нашей стране в последние годы наблюдается рост противоправных действий с персональными данными в цифровой среде¹⁵. Запрос на обеспечение безопасности данных в такой чувствительной сфере, как здоровье людей, требует особого внимания. Одним из ключевых при этом является вопрос о том, как и кем собираются, хранятся и используются данные, в какой мере использование данных соотносится с соблюдением прав граждан.

Обратим также внимание, что среди негативных ожиданий внедрения ИИ в здравоохранение чаще всего респонденты отмечали возможное понижение квалификации врачей, которые будут больше полагаться на технологии, а не на свои знания и опыт. По всей видимости, подобные ожидания соотносятся, среди прочего, с представлениями людей о том, что инновационные возможности технологий ИИ должны быть эффективным дополнением опыта и профессионализма врачей как фундаментального фактора медицинского обслуживания. В этой связи справедливой, на наш взгляд, является точка зрения о том, что при внедрении технологий ИИ в здравоохранение никуда не уйти от того, что только врач «обладает клиническим чутьем, смелостью, способностью пойти нестандартным путем, когда этого требует ситуация»¹⁶.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Asan, O., Bayrak, F.M., Choudhury, A. (2020). Artificial Intelligence and Human Trust in Healthcare: Focus on Clinicians. *Journal of Medical Internet Research*, 22 (6), p. e15154. DOI 10.2196/15154. EDN KVOSDV.
2. Davis, F.D. (1989). Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 13 (3), p. 319–340. DOI 10.2307/249008.
3. Venkatesh, V., Davis, F. D. (2000). A theoretical extension of the Technology Acceptance Model: Four longitudinal field studies. *Management Science*, 46 (2), pp. 186–204. DOI 10.1287/mnsc.46.2.186.11926. EDN FNVBVN.
4. Damerji, H., Salimi, D. (2021). Mediating effect of use perceptions on technology readiness and adoption of artificial intelligence in accounting. *Accounting Education*, 30 (2), pp. 107–130. DOI 10.1080/09639284.2021.1872035. EDN DWM-KUI.
5. Miltgen, L., Popovic, C., Oliveira, T. (2013). Determinants of end-user acceptance of biometrics: Integrating the «Big 3» of technology acceptance with privacy context. *Decision Support Systems*, 56, pp. 103–114. DOI 10.1016/j.dss.2013.05.010.
6. Choung, H., David, P., Ross, A. (2022). Trust in AI and its role in the acceptance of AI technologies. *International Journal of Human-Computer Interaction*, 39 (9), pp. 1727–1739. DOI 10.1080/10447318.2022.2050543. EDN CUNYAG.
7. Zhang, M., Luo, M., Nie, R., Zhang, Y. (2017). Technical attributes, health attribute, consumer attributes and their roles in adoption intention of healthcare wearable technology. *International Journal of Medical Informatics*, 108, pp. 97–109. DOI 10.1016/j.ijmedinf.2017.09.016.

¹⁴ Здесь надо принять во внимание, что использование респондентами других устройств (например, голосовых помощников, устройств для умного дома) оказывается положительно связанным с доверием ИИ.

¹⁵ Аналитики оценили рост утечек персональных данных в России. 11 марта 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2024/65ec41e89a7947dc41bd43f9> (дата обращения: 18.11.2024).

¹⁶ Как нас будут лечить через 20 лет? Интервью руководителя Экспертного совета ЭИСИ Глеба Кузнецова. 29 ноября 2024 г. – URL: <https://wciom.ru/expertise/kak-nas-budut-lechit-cherez-20-let> (дата обращения: 24.12.2024).

8. Gansser, O. A. Reich, C. S. (2021). A new acceptance model for artificial intelligence with extensions to UTAUT2: An empirical study in three segments of application. *Technology in Society*, 65, 101535. DOI 10.1016/j.techsoc.2021.101535. EDN PDWHAO.
9. Ghazizadeh, M., Lee, J. D., Boyle, L. N. (2012). Extending the technology acceptance model to assess automation. *Cognition, Technology & Work*, 14 (1), pp. 39–49. DOI 10.1007/s10111-011-0194-3. EDN RSYPNQ.
10. Koenig, P. D. (2024) Attitudes toward artificial intelligence: combining three theoretical perspectives on technology acceptance. *AI & Society. Journal of Knowledge, Culture and Communication*, Published 08 June. DOI 10.1007/s00146-024-01987-z. EDN HSNOAJ.
11. Kitchin, R. (2017) Thinking critically about and researching algorithms. *Information, Communication & Society*, 20 (1), pp. 14–29. DOI 10.1080/1369118X.2016.1154087.
12. Araujo, T., Helberger, N., Kruijckemeier, S., de Vreese, C. H. (2020). In AI we trust? Perceptions about automated decision-making by artificial intelligence. *AI & Society*, 35 (3), pp. 611–623. DOI 10.1007/s00146-019-00931-w. EDN EEIWSR.
13. Алмазов А. А., Бирюкова А. И., Власов В. В., Потапчик Е. Г., Сажина С. В., Шейман И. М., Шишкин С. В. Российское здравоохранение: перспективы развития: Доклад НИУ ВШЭ. Москва: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2024. 60 с. ISBN 978-5-7598-2986-7. EDN WBQENW.
14. Васильев Ю. А., Тыров И. А., Владимирский А. В., Арзамасов К. М., Пестренин Л. Д., Шулькин И. М. Новая модель организации массовых профилактических исследований, основанная на автономном искусственном интеллекте для сортировки результатов флюорографии // *Здоровье населения и среда обитания*. 2023. Т. 31. № 11. С. 23–32. DOI 10.35627/2219-5238/2023-31-11-23-32. EDN SYIQBX.
15. Купатенко Я.Г., Мирук А.К., Ломоносова А.В., Козлова А.А. Искусственный интеллект в медицине: обзор текущей ситуации и тенденции // *Cifra. Медико-биологические науки*. 2024. № 2 (2). С. 1–13. DOI 10.60797/VMED.2024.2.4. EDN KICZWM.
16. Крылов А. П. Использование искусственного интеллекта для анализа биомаркеров: новые горизонты персонализированной медицины // *Терапевт*. 2024. № 7. С. 18–24. DOI 10.33920/MED-12-2407-02. EDN EAHNTV.
17. Шамшуринов В. И., Шамшурина Н. Г. Социология врачебной помощи в цифровую эпоху // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020. № 53. С. 178–187. X/53/19. DOI 10.17223/1998863. EDN ITHRNM.
18. Кочетова Ю. Ю. Этические риски искусственного интеллекта и перспективы совместного принятия решений в медицине // *Человек*. 2024. Т. 35. № 3. С. 96–106. DOI 10.31857/S0236200724030065. EDN HIBCRF.
19. Углева А. В., Шилова В. А., Карпова Е. А. Индекс «этичности» систем искусственного интеллекта в медицине: от теории к практике // *Этическая мысль*. 2024. Т. 24. № 1. С. 144–159. DOI 10.21146/2074-4870-2024-24-1-144-159. EDN DUYXGQ.
20. Orlova et al. (2023) Opinion research among Russian Physicians on the application of technologies using artificial intelligence in the field of medicine and health care. *BMC Health Services Research*, 23, p. 749. DOI 10.1186/s12913-023-09493-6. EDN FKXJAM.
21. Wittal, C., Hammer, D., Klein, F., Rittchen, J. (2023). Perception and Knowledge of Artificial Intelligence in Healthcare, Therapy and Diagnostics: A Population-Representative Survey. *Journal of Biotechnology and Biomedicine*, 6, pp. 129–139. DOI 10.26502/jbb.2642-91280077. EDN NKGCCP.
22. Mantello, P. A., Ghotbi, N., Ho, M. T., et al. (2024) Gauging public opinion of AI and emotionalized AI in healthcare: findings from a nationwide survey in Japan. *AI & Soc*. DOI 10.1007/s00146-024-02126-4. EDN UJQTZG.
23. Liehner, G. L., Biermann, H., Hick, A., Brauner, Ph., Ziefle, M. (2023). Perceptions, Attitudes and Trust Towards Artificial Intelligence – An Assessment of the Public Opinion. *Artificial Intelligence and Social Computing*, 72, pp. 32–41. DOI 10.54941/ahfe1003271.
24. Gillespie, N., Lockey, S., Curtis, C., Pool, J., & Akbari, A. (2023). Trust in Artificial Intelligence: A Global Study. *The University of Queensland and KPMG Australia*, 82 p. DOI 10.14264/00d3c94.
25. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М–НОРМА, 1998. 488 с. ISBN 5-89123-162-X. EDN TRWDJG.
26. Назаров М. М. Искусственный интеллект и алгоритмические решения в социальной сфере: представления молодежи // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11. № 3. С. 141–158. DOI 10.19181/snsp.2023.11.3.7. EDN PSIJNC.
27. Иванов В. Н., Насридинов Т. Г., Мчедлова Е. М., Харченко В. С., Назаров М. М. Россияне о перспективах / Россия: центр и регионы. Сборник научных статей. 2023. Выпуск 29. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. С. 4–117. ISBN 978-5-261-01661-8. EDN UXXLSP.

REFERENCES

1. Asan, O., Bayrak, F. M., Choudhury, A. (2020). Artificial Intelligence and Human Trust in Healthcare: Focus on Clinicians. *Journal of Medical Internet Research*, 22 (6), p. e15154. <https://doi.org/10.2196/15154>. <https://elibrary.ru/kvosdv>.
2. Davis, F. D. (1989). Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology. *MIS Quarterly*, 13 (3), pp. 319–340. <https://doi.org/10.2307/249008>.
3. Venkatesh, V., Davis, F. D. (2000). A theoretical extension of the Technology Acceptance Model: Four longitudinal field studies. *Management Science*, 46 (2), p. 186. <https://doi.org/10.1287/mnsc.46.2.186.11926>. <https://elibrary.ru/fnvbjn>.
4. Damerji, H., Salimi, D. (2021). Mediating effect of use perceptions on technology readiness and adoption of artificial intelligence in accounting. *Accounting Education*, 30 (2), pp. 107–130. <https://doi.org/10.1080/09639284.2021.1872035>. <https://elibrary.ru/dwmkui>.
5. Miltgen, L., Popovic, C., Oliveira, T. (2013). Determinants of end-user acceptance of biometrics: Integrating the “Big 3” of technology acceptance with privacy context. *Decision Support Systems*, 56, pp. 103–114. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2013.05.010>.
7. Choung, H., David, P., Ross, A. (2022). Trust in AI and its role in the acceptance of AI technologies. *International Journal of Human–Computer Interaction*, 39 (9), pp. 1727–1739. <https://doi.org/10.1080/10447318.2022.2050543>. <https://elibrary.ru/cunyag>.
8. Zhang, M., Luo, M., Nie, R., Zhang, Y. (2017). Technical attributes, health attribute, consumer attributes and their roles in adoption intention of healthcare wearable technology. *International Journal of Medical Informatics*, 108, pp. 97–109. <https://doi.org/10.1016/j.ijmedinf.2017.09.016>.
9. Gansser, O. A. Reich, C. S. (2021). A new acceptance model for artificial intelligence with extensions to UTAUT2: An empirical study in three segments of application. *Technology in Society*, 65, p. 101535. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101535>. <https://elibrary.ru/pdwhao>.
11. Ghazizadeh, M., Lee, J. D., Boyle, L. N. (2012). Extending the technology acceptance model to assess automation. *Cognition, Technology & Work*, 14 (1), pp. 39–49. <https://doi.org/10.1007/s10111-011-0194-3>. <https://elibrary.ru/rsypnq>.
12. Koenig, P. D. (2024) Attitudes toward artificial intelligence: combining three theoretical perspectives on technology acceptance. *AI & Society*. <https://doi.org/10.1007/s00146-024-01987-z>. <https://elibrary.ru/hsnoaj>.
13. Kitchin, R. (2017) Thinking critically about and researching algorithms. *Information, Communication & Society*, 20 (1), pp. 14–29. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154087>.
14. Araujo, T., Helberger, N., Kruikemeier, S., & de Vreese, C. H. (2020). In AI we trust? Perceptions about automated decision-making by artificial intelligence. *AI & Society*, 35 (3), pp. 611–623. <https://doi.org/10.1007/s00146-019-00931-w>. <https://elibrary.ru/eeiwsr>.
15. Almazov, A. A., Biryukova, A. I., Vlasov, V. V., Potapchik, E. G., Sazhina, S. V., Sheiman, I. M., Shishkin, S. V. (2024) Russian healthcare: Development Prospects: Report of the Higher School of Economics. Moscow, National Research University of Higher School of Economic. 60 p. ISBN 978-5-7598-2986-7. <https://elibrary.ru/wbqehw>.
16. Vasilev, Yu. A., Tyrov, I. A., Vladzimirskyy, A. V., Arzamasov, K. M., Pestrenin, L. D., Shulkin, I. M. (2023) A new model of organizing mass screening based on stand-alone artificial intelligence used for fluorography image triage. *Public Health and Life Environment – PH&LE*, 31 (11), pp. 23–32. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2023-31-11-23-32>. <https://elibrary.ru/syiqbx>.
17. Kupatenko, Y. G., Miruk, A. K., Lomonosova, A. V., Kozlova, A. A. (2024) Artificial intelligence in medicine: an overview of the current situation and tendencies. *Cifra. Biomedical sciences*, 2 (2), p. 4. <https://doi.org/10.60797/BMED.2024.2.4>. <https://elibrary.ru/kiczwm>.
18. Krylov, A. P. (2024) AI in biomarkers analysis: new horizons for personalized medicine. *Terapevt*, 7, pp. 18–24. <https://doi.org/10.33920/MED-12-2407-02>. <https://elibrary.ru/eahhtv>.
19. Shamshurin, V. I., Shamshurina, N. G. (2020). The sociology of medical care in the digital age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 53, pp. 178–187. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/19>. <https://elibrary.ru/ithrnm>.
20. Kochetova, Yu. Y. (2024). Ethical risks of artificial intelligence and prospects for joint decision-making in medicine. *The human being*, 35 (3), pp. 96–106. <https://doi.org/10.31857/S0236200724030065>. <https://elibrary.ru/hibcrf>.
21. Ugleva, A. V., Shilova, V. A., Karpova, E. A. (2024). The index of «ethics» of artificial intelligence systems in medicine: from theory to practice. *Ethical Thought*, 24 (1), pp. 144–159. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-1-144-159>. <https://elibrary.ru/duyxdg>.
22. Orlova et al. (2023) Opinion research among Russian Physicians on the application of technologies using artificial intelligence in the field of medicine and health care. *BMC Health Services Research*,

- 23, p. 749. <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09493-6>. <https://elibrary.ru/fkxjam>.
23. Wittal, C., Hammer, D., Klein, F., Rittchen, J. (2023). Perception and Knowledge of Artificial Intelligence in Healthcare, Therapy and Diagnostics: A Population-Representative Survey. *Journal of Biotechnology and Biomedicine*, 6, pp. 129–139. <https://doi.org/10.26502/jbb.2642-91280077>. <https://elibrary.ru/nkgccp>.
24. Mantello, P. A., Ghotbi, N., Ho, M. T., et al. (2024) Gauging public opinion of AI and emotionalized AI in healthcare: findings from a nationwide survey in Japan. *AI & Society*. <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02126-4>. <https://elibrary.ru/ujqtzg>.
25. Liehner, G. L., Biermann, H., Hick, A., Brauner, Ph., Ziefle, M. (2023). Perceptions, Attitudes and Trust Towards Artificial Intelligence – An Assessment of the Public Opinion. *Artificial Intelligence and Social Computing*, 72, pp. 32–41. <https://doi.org/10.54941/ahfe1003271>.
26. Gillespie, N., Lockey, S., Curtis, C., Pool, J., Akbari, A. (2023). Trust in Artificial Intelligence: A Global Study. The University of Queensland and KPMG Australia, 82 p. <https://doi.org/10.14264/00d3c94>.
27. The Sociological Encyclopedic Dictionary (1998). Available in Russian, English, German, French and Czech. The coordinating editor is Academician of the Russian Academy of Sciences G. V. Osipov. Moscow, INFRA M–NORMA Publishing Group, 488 p. ISBN 5-89123-162-X. <https://elibrary.ru/trwdjg>.
28. Nazarov, M. M. (2023) Artificial Intelligence and algorithmic solutions in the social sphere: youth attitudes. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 11 (3), pp. 141–158. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.7>. <https://elibrary.ru/psijnc>.
29. Ivanov, V. N., Nasriddinov, T. G., Mchedlova, E. M., Kharchenko, V. S., Nazarov, M. M. (2023) Russians about prospects. *Russia: Center and Regions. Collection of scientific articles*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 29, pp. 4–117. ISBN 978-5-261-01661-8. <https://elibrary.ru/uxxlsp>.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА

Я. А. Ардельянова^а

^а Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются современные подходы к пониманию неформального социального контроля девиантного поведения. Целью статьи является разработка концептуальной схемы неформального социального контроля девиантного поведения молодежи, объединяющей теоретические подходы и эмпирические данные. В частности, анализируются основные уровни и механизмы, агенты, факторы и риски эффективности неформального социального контроля девиантного поведения. Особое внимание уделяется роли семьи, сверстников, образовательных институтов и цифровых сообществ в регулировании девиантных проявлений.

Материалы и методы. В статье используются общенаучные методы исследования, такие как анализ документов, синтез, метод логической индукции и другие. Информационную базу статьи составили научно-исследовательские работы и эмпирические исследования. В процессе создания концептуальной схемы использовался гипотетико-дедуктивный метод.

Результаты. Проведенный теоретический анализ позволил выделить следующие базовые социологические подходы к пониманию неформального социального контроля: интеракционистский подход (теория навешивания ярлыков), теория социальных связей, теория социальных сетей. Особое внимание уделяется возрастной теории неформального социального контроля. Также была разработана концептуальная схема неформального социального контроля девиантного поведения молодежи, интегрирующая микро-, мезо- и макросоциальные уровни воздействия. Элементами концептуальной схемы являются агенты социального контроля, уровни социального контроля, механизмы и факторы социального контроля.

Обсуждение. Неформальный социальный контроль девиантного поведения молодежи в современном мире является ключевым механизмом в условиях ослабления влияния формальных институтов. В этой связи фокус внимания должен быть направлен не только на неформальные негативные санкции, но и разработку систем позитивных поощрений. Исследования показывают эффективность применения данных мер в контроле молодежных девиаций. Выявленные в результате исследования уровни и соответствующие им агенты и механизмы неформального социального контроля девиантного поведения молодежи являются ключевыми для разработки системы мер по профилактике и предотвращению нежелательного поведения молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Неформальный социальный контроль, девиантное поведение, молодежь, социализация, социальные нормы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ардельянова Я.А. Неформальный социальный контроль девиантного поведения молодежи: подходы и концептуальная схема // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 72–85. EDN MSQETI.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ардельянова Яна Андреевна – кандидат социологических наук; Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5) – *старший научный сотрудник Института социологии*; ardyana@yandex.ru. SPIN 1776-1120, ORCID ID 0000-0002-8881-6121, Researcher ID JMR-0739-2023.

© Я. А. Ардельянова, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 23.02.2025; рецензия получена: 29.04.2025; принята к публикации: 15.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

YOUTH DEVIANT BEHAVIOR INFORMAL SOCIAL CONTROL: APPROACHES AND CONCEPTUAL SCHEME

Ya. A. Ardelianova^a

^a Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The article discusses modern approaches to understanding informal social control of deviant behavior. The purpose of the article is to develop a conceptual scheme of informal social control of deviant behavior of young people, combining theoretical approaches and empirical data. In particular, the main levels and mechanisms, agents, factors and risks of the effectiveness of informal social control of deviant behavior are analyzed. Special attention is paid to the role of the family, peers, educational institutions and digital communities in regulating deviant manifestations.

Materials and methods. The article uses general scientific research methods such as document analysis, synthesis, logical induction method and others. The information base of the article consists of scientific research and empirical research. In the process of creating the conceptual scheme, the hypothetical-deductive method was used.

Results. The theoretical analysis made it possible to identify the following basic sociological approaches to understanding informal social control: the interactionist approach (the theory of labeling), the theory of social connections, and the theory of social networks. Special attention is paid to the age theory of informal social control. A conceptual scheme of informal social control of deviant behavior of young people has also been developed, integrating micro-, meso- and macrosocial levels of influence. The elements of the conceptual scheme are agents of social control, levels of social control, mechanisms and factors of social control.

Discussion. Informal social control of deviant behavior of young people in the modern world is a key mechanism in conditions of weakening the influence of formal institutions. In this regard, the focus should be not only on informal negative sanctions, but also on the development of positive reward systems. Research shows the effectiveness of these measures in controlling youth deviations. The levels identified as a result of the study and their corresponding agents and mechanisms of informal social control of deviant behavior of young people are key to developing a system of measures to prevent and prevent undesirable behavior of young people.

KEYWORDS

Informal social control, deviant behavior, youth, socialization, social norms.

FOR CITATION

Ardelianova, Ya. A. (2025) Informal social control of deviant behavior of youth: approaches and conceptual scheme. *Management Issues*, 19 (2), 72–85. <https://elibrary.ru/msqeti>.

AUTHORS INFORMATION

Yana A. Ardelianova – Candidate of Sociological Science; Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (24/35 Krzhizhanovskogo str., room 5, Moscow, 117218, Russia) – *Sociology Institute Senior Researcher*, ardyana@yandex.ru. SPIN 1776-1120, ORCID 0000-0002-8881-6121, Researcher ID JMR-0739-2023.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 23.02.2025; reviewed 29.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

В условиях трансформации современного общества и ослабления традиционных институтов социализации особую актуальность приобретает проблема регулирования девиантного поведения молодежи. Формальные механизмы

социального контроля, основанные на правовых нормах и административных санкциях, зачастую оказываются недостаточно эффективными в профилактике молодежной девиантности. В этой связи возрастает значение неформального социального контроля – совокупности спонтанных,

неинституционализированных практик, осуществляемых семьей, ближайшим окружением, образовательными учреждениями и цифровыми сообществами.

Контекст проблемы определяется противоречием между потребностью в новых эффективных подходах к профилактике девиантности и дефицитом системных исследований неформального контроля как альтернативы репрессивным мерам.

Молодежь является социально-демографической группой, которая постоянно находится в условиях риска и подвержена разным угрозам. В то же время успешная, реализующая себя, занимающая активную гражданскую позицию и транслирующая поведение, соответствующее социальным нормам, молодежь является гарантом стабильно развивающегося общества.

Одним из самых распространенных рисков в силу социально-психологической незрелости молодежи является риск вовлечения в девиантное поведение. Исследователи в области социологии девиантного поведения отмечают, что рассмотренная статистика за несколько десятков лет по основным видам деструктивного поведения позволяет сделать вывод, что на фоне резких изменений социальной ситуации (социально-экономического положения, стиля и качества жизни) частота проявлений девиаций и деструкций в обществе заметно увеличивается [1].

Современное общество сталкивается с нарастающими вызовами в сфере регуляции девиантного поведения молодежи, что актуализирует необходимость переосмысления механизмов социального контроля [2].

Также стоит отметить процесс трансформации существующих девиаций с учетом роста цифровизации и виртуализации современной жизни [3]. Молодежь является активными пользователями современных технологий, и виртуальное пространство становится неотъемлемой частью их жизни, которая также способствует вовлечению в разные виды девиантного поведения, а также их распространению. Кибербуллинг, интернет-травля, группы смерти, вэбкам являются новыми формами молодежных девиаций.

По мере трансформации основных видов девиаций также отмечается кризис институциональных форм контроля. Под ними подразумеваются формальные институты социального контроля, которые показывают свою несостоятельность в виду того, что социальные связи, которые молодежь в них осуществляет, имеют очень слабую силу. Таким образом, неформальные механизмы социального контроля часто являются важным сдерживающим фактором, который уменьшает или сдерживает участие в девиантном поведении среди серьезных и постоянных правонарушителей [4]. А также наблюдается кризис традиционных агентов

социализации (например, ослабление воспитательной функции семьи и школы) [5, с. 120].

Также исследователи отмечают, что если формальные социальные институты не выполняют эффективно общественные функции по выработке непротиворечивых, однозначно трактуемых социальных норм, по контролю за выполнением социальных норм, то данные функции начинают выполнять неформальные социальные институты (стихийные механизмы социализации) [6, с. 433].

В условиях трансформации традиционных институтов социализации и стремительной цифровизации социальных взаимодействий особое значение приобретает цифровая социализация молодежи, а также неформальные практики контроля, осуществляемые на уровне микросоциальных групп и сетевых сообществ [7].

В этой связи стоит отметить, что социальный контроль должен рассматриваться, во-первых, не только как внешние меры и механизмы (в первую очередь правовые) по поддержанию и сохранению нормального состояния общества, но и как внутренняя система саморегуляции через распространение нормативных образцов поведения. В данном случае мы будем рассматривать неформальный, внутренний, неинституциональный социальный контроль девиантного поведения молодежи, как средство для успешной социализации.

Следует отметить, что зарубежные исследователи определяют неформальный социальный контроль девиантного поведения молодежи как вмешательство жителей в дела молодежи/детей с целью снижения уровня преступности [8].

Согласно данному подходу, «социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и соответствующие им нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения» [9, с. 44]. Данное определение лежит в основе концептуальной схемы неформального социального контроля девиантного поведения молодежи, предложенной в статье.

Также в данной работе мы будем опираться на следующие определения базовых понятий. Девиантное поведение молодежи – поведение, нарушающее институционализированные ожидания в рамках молодежной социальной подсистемы [10, с. 215]. Концептуальная схема – структура взаимосвязанных понятий и отношений между ними, необходимая и достаточная для описания тех свойств объекта, знание которых требуется для решения практически значимой задачи [11].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления

профилактических стратегий неформального социального контроля в условиях, когда традиционные институты контроля демонстрируют сниженную эффективность, а новые цифровые формы социализации создают как риски, так и новые возможности для регуляции поведения. А также имеет место недостаточная изученность неформальных механизмов регуляции поведения в условиях сетевого общества.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования был проанализирован массив российских и зарубежных теоретических научных статей и эмпирических исследований по теме неформального социального контроля девиантного поведения. Анализ, обобщение и систематизация существующих подходов к понятию и процессу неформального социального контроля девиантного поведения позволил выявить общие тенденции и направления. В процессе создания концептуальной схемы использовался гипотетико-дедуктивный метод, включавший концептуализацию (уточнение категориального аппарата и выделение базовых конструктов), аксиоматизацию (формулировка теоретических допущений и построение системы взаимосвязанных положений) и формализацию (создание концептуальной модели и разработка схемы взаимосвязей элементов).

В качестве предмета концептуального анализа выступил неформальный социальный контроль. Процедура концептуального анализа включала последовательные операции. Во-первых, абстрагирование (выделение сущностных характеристик), конкретизация (наполнение теоретических конструктов эмпирическим содержанием), интерпретация (смысловая интеграция элементов).

В частности, на основе анализа научно-исследовательских работ, имеющих теоретических положений было произведено структурирование объекта, выявлены элементы изучаемой предметной области, которые в дальнейшем были сопоставлены и связаны в логическую схему: агенты контроля (семья, сверстники, цифровые сообщества), уровни контроля (микро-, мезо-, макро-), механизмы контроля (санкции, нормативное давление), факторы эффективности. На следующем этапе были установлены взаимосвязи, в частности построена матрица корреспонденций и визуализация схемы.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ основных теорий и подходов к изучению неформального социального контроля дал определенные результаты. В качестве перспективных базовых социологических подходов можно отметить следующие.

Во-первых, это интеракционистский подход и, в частности, теория «навешивания ярлыков»,

который представлен в работах Г. Беккера и И. Гофмана. Главной идеей данной теории является тезис о том, что девиация является результатом социального конструирования через навешивание ярлыков (*labeling theory*) [12, с. 202]. В данном случае неформальный социальный контроль проявляется в том, что социальные группы формируют границы нормы через осуждение, исключение или стигматизацию (например, кибербуллинг как форма неформального контроля в цифровой среде).

Также отдельно стоит сказать про теорию социальных связей Т. Хирши [13]. Центральной идеей данной теории является влияние связей индивида на риск девиации: чем сильнее связи индивида с обществом, тем ниже риск девиации. Неформальный социальный контроль играет ключевую роль в предотвращении девиантного поведения. Т. Хирши утверждает, что люди склонны соблюдать нормы не из-за страха перед законом, а благодаря прочным социальным связям, которые удерживают их от нарушений. В рамках концепции выделяется четыре элемента социальных связей: привязанность (чем сильнее привязанность, тем выше страх разочаровать близких, соответственно менее вероятно девиантное поведение); обязательство (чем больше человек теряет при нарушении норм, тем меньше он рискует); вовлеченность (чем больше времени человек тратит на «правильные» дела, тем меньше у него возможностей для девиантного поведения); убеждения (если человек искренне считает правила справедливыми, он менее склонен их нарушать).

Данный подход можно проиллюстрировать исследованием Р. Путнама, в котором было доказано, что ослабление семейных и школьных связей в цифровую эпоху снижает эффективность контроля [14]. Также в данной связи стоит сказать про альтернативные формы контроля в онлайн-сообществах (например, модерация в соцсетях). Что является потенциально эффективной мерой неформального социального контроля.

Отдельное место среди подходов к неформальному социальному контролю занимает теория социальных сетей Дж. Коулмана [15] и Н. Лин [16]. В теории социальных сетей Дж. Коулмана неформальный социальный контроль рассматривается как результат структуры социальных связей и их способности регулировать поведение индивидов через механизмы доверия, взаимных обязательств и санкций. В качестве механизмов неформального социального контроля выделяются закрытые сети как инструмент контроля (утверждается, что в тесных, взаимосвязанных сообществах (семья, религиозные группы, малые города) неформальный контроль работает эффективнее), следующим механизмом является социальный капитал (как ресурс, возникающий благодаря устойчивым социальным связям и оказывающий воздействие

на выбор или не выбор девиантного поведения). Ключевая идея данной теории заключается в том, что эффективность контроля зависит от плотности и структуры социальных сетей. Соответственно, можно заключить, что в закрытых сообществах неформальный контроль будет сильнее, а в анонимных урбанизированных обществах – слабее. По Дж. Коулману, неформальный социальный контроль слабеет, когда социальные сети разрушаются, появляются анонимные среды, девиантные субкультуры формируют анонимные сети. В данной теории неформальный социальный контроль – это продукт сетевой структуры общества, а не только личных связей (как у Т. Хирши). Чем плотнее и взаимосвязаннее сеть, тем эффективнее она регулирует поведение через доверие, репутацию и коллективные санкции. Однако в современных условиях, где доминирует принцип анонимности и слабые связи, этот механизм требует адаптации. А также представляется актуальным анализ цифровых сетей как новой формы социальных связей.

Н. Лин предложил теорию социальных ресурсов как развитие концепции социального капитала. Выделяются три уровня ресурсов: индивидуальные, социальные, общественные. Позиционируется, что социальные ресурсы, доступные через сети, важнее личных качеств для достижения успеха. Также в рамках теории делается акцент на мобилизационном аспекте социальных сетей. Неформальный социальный контроль осуществляется через слабые связи и институциональные якоря (формальные структуры, усиливающие неформальный контроль). Таким образом, девиации можно корректировать через расширение сетей, слабые связи могут быть эффективнее сильных, формальные институты должны работать с неформальными связями. Этот подход особенно актуален в цифровую эпоху, когда социальные сети стали главным ресурсом социализации.

Также стоит выделить культурологический подход, представленный работами П. Бурдьё, где раскрываются механизмы символического господства и воспроизводства социальных структур, что по сути является формой контроля [17; 18]. П. Бурдьё рассматривает неформальный социальный контроль через призму символического насилия и воспроизводства социальных структур. В отличие от концепций Дж. Коулмана и Н. Лин, акцент делается не на функциональности сетей, а на скрытых механизмах поддержания власти и неравенства. Центральным понятием является габитус, что представляет собой систему устойчивых диспозиций, формирующую восприятие допустимого/недопустимого, спонтанные реакции на нормы, самодисциплину без явного принуждения.

Отдельно стоит сказать про «культуру отмены» (*cancel culture*) как современную форму

неформальных санкций в цифровом мире. «Культура отмены» представляет собой коллективную практику символического исключения индивидов или групп из социального, профессионального или цифрового пространства за нарушение принятых норм. Культура отмены действует через цифровые ритуалы наказания, например, публичное разоблачение, коллективное осуждение, институциональное исключение.

Одним из фундаментальных подходов к рассмотрению неформального контроля стала «Возрастная теория неформального социального контроля» Р. Сэмсона и Дж. Лауба [19]. Она объясняет, как социальные связи и неформальный социальный контроль могут меняться со временем и влиять на преступное поведение. Ученые разработали теорию неформального социального контроля с разбивкой по возрасту в попытке объяснить антиобщественное поведение детей, подростковую преступность и преступления взрослых. Ключевым компонентом этой теории является то, что делинквентность и преступность имеют обратную зависимость от связи индивида с обществом. Теория построена вокруг трех основных тем. Во-первых, неформальный социальный контроль в семье и школе представлен фундаментальными социальными структурами, которые влияют на поведение и объясняют делинквентность в детском и подростковом возрасте. Во-вторых, антиобщественное поведение в детстве с высокой вероятностью продолжится во взрослой жизни в различных сферах жизни. Наконец, неформальный социальный контроль во взрослой жизни объясняет изменения в преступном поведении на протяжении всей жизни, независимо от предшествующих индивидуальных различий в склонностях к преступлениям. В теории подчёркивается важность социальных связей, таких как семья, школа и работа, в формировании индивидуального поведения. Предполагается, что сила этих связей может меняться на протяжении жизни человека, и эти изменения могут приводить к изменениям в преступном поведении.

Можно сказать, что возрастная теория неформального социального контроля представляет комплексную основу для понимания того, как социальные связи и неформальный социальный контроль могут влиять на преступное поведение на протяжении жизни человека. Она подчёркивает важность учёта динамической природы этих факторов и возможности позитивных изменений через важные события в жизни и укрепление социальных связей.

Также концепция «разбитых окон» находит значимое применение в анализе неформального социального контроля девиантного поведения молодежи, предлагая принципиально важные механизмы понимания и регулирования девиантности [20]. Концепция демонстрирует высокую

эвристическую ценность для понимания неформального контроля благодаря кумулятивному эффекту, при котором незначительные нарушения (граффити, мелкие правонарушения), оставленные без реакции, провоцируют эскалацию серьезных девиаций. Также важна визуальная сигнализация, при которой физическая среда выступает маркером эффективности/неэффективности контроля. И базовым является понятие социальной перmissивности, что означает процесс снижения порога приемлемости девиантного поведения из-за терпимости к мелким нарушениям. Если адаптировать данную концепцию к современной реальности, то стоит сказать в первую очередь про цифровую адаптацию. В качестве примера можно привести техники мгновенной модерации токсичных комментариев, разработку алгоритмов выявления «цифрового вандализма» и системы репутации пользователей. Данные меры могут выступить актуальными механизмами неформального социального контроля в сети.

Анализ эмпирических исследований по данной проблеме показал, что ряд факторов и агентов неформального контроля являются важными и определяющими в эффективных моделях контроля за девиантным поведением молодежи. Например, особую роль играет влияние семейных факторов на поведение подростков. Исследования показывают, что поддерживающая семейная среда, где родители активно вовлечены в жизнь детей, способствует снижению уровня девиантного поведения, а также в семьях с высоким уровнем конфликта и низкой поддержкой дети имеют повышенные шансы на вовлечение в девиацию [21].

Следующим важным агентом, чье влияние отмечено как определяющее, являются сверстники. Исследования подчеркивают, что один из ключевых путей к девиантному поведению проходит через давление со стороны сверстников, особенно в условиях группы, которая одобряет антисоциальное поведение. При этом отмечается, что наличие положительных сверстников может действовать как защита от девиации.

Также в качестве важного фактора в контроле девиантного поведения молодежи была отмечена организация в школах программ по социальному и эмоциональному обучению в школах. Авторы утверждают, что такие программы значимо снижают уровень девиантного поведения среди учащихся, одновременно повышая их социальные навыки и уровень эмоциональной компетентности.

В ряде исследований была установлена связь между неформальным социальным контролем и девиантным поведением в разных культурных контекстах. Отмечается, что в обществах с сильными традициями и активными общественными сетями уровень девиантного поведения среди молодежи значительно ниже по сравнению с обществами, где такой связи нет.

Данные исследования подчеркивают важность неформального социального контроля в формировании поведения молодежи и демонстрируют, как различные аспекты социального окружения могут взаимодействовать, влияя на эту динамику. В целом, осознание этих факторов может помочь в разработке более эффективных социальных программ и стратегий вмешательства для предотвращения девиантного поведения среди молодежи.

Кроме того, множество исследований подчеркивают роль общественных норм и культурных факторов в формировании поведения молодежи. В частности, изучается, как культурные различия влияют на восприятие девиации среди молодежи. Исследование показывает, что в культурах, где сильна традиция коллективизма, девиантное поведение воспринимается как более неприемлемое, по сравнению с индивидуалистическими культурами, где акцент на личной свободе может способствовать более высокой толерантности к различным формам поведения.

Важно также отметить, что современные технологии и социальные сети играют все более значимую роль в неформальном социальном контроле. Ряд исследований фокусируется на том, как использование социальных медиа влияет на молодежное поведение, выявляя, что платформы могут выступать как инструменты контроля, но в то же время предоставляют возможности для девиантного поведения в виртуальной среде. Подчеркивается, что молодежь часто получает социальное подтверждение своего поведения через лайки и комментарии, что может как усиливать негативные, так и способствовать позитивным формам поведения [22]. Современные технологии и социальные сети радикально трансформируют механизмы неформального социального контроля, усиливая его масштабы, скорость и радикальность. Если раньше контроль осуществлялся в рамках локальных сообществ (семьи, школы, соседства), то сегодня цифровые платформы превратились в глобальные арены морального регулирования, где каждый пользователь может стать и объектом, и агентом контроля.

Теоретический анализ с опорой на эмпирические исследования позволяет выделить следующие три уровня и соответствующие им агенты контроля в концептуальной схеме неформального социального контроля девиантного поведения молодежи.

1. Микросоциальный уровень (первичные группы), который включает в себя семью как главного агента социализации, формирующего базовые социальные нормы, а также сверстников как референтную группу, задающую модели поведения через механизмы группового давления. Кроме того, данный уровень включает образовательные институты, которые представлены учителями и одноклассниками как источниками позитивных/негативных санкций.

2. *Мезосоциальный уровень* (локальные сообщества), который включает соседские сети, осуществляющие контроль через общественное мнение и традиции, а также религиозные и культурные объединения, осуществляющие моральное регулирование.

3. *Макросоциальный уровень* (цифровая среда, массмедиа) представлен социальными сетями, которые формируют новые нормы и механизмы киберсоциализации, а также медиаконтентом, который способствует пропаганде/демонизации определенных моделей поведения.

Важно отметить, что система неформального контроля представляет собой сеть взаимодействий [23]. Таким образом, элементами структуры неформального социального контроля являются агенты и механизмы их влияния на субъектов контроля, их связывает сеть взаимодействий, через которую молодежь формирует свои ценности и стандарты поведения. Данные взаимодействия осуществляются благодаря влиянию определенных убеждений, норм, стандартов поведения, ожиданий.

Отдельно стоит остановиться на вопросе формирования данных ценностей и стандартов поведения. На наш взгляд, определяющим в данном процессе является формирование смыслов. Под формированием смыслов понимается процесс интерпретации и конструирования значений, которые индивиды или группы извлекают из информации, социальных норм, культурных кодов и коммуникативных практик. Смыслы не возникают спонтанно, а формируются под влиянием конкретных агентов, которые могут продвигать определенные ценности, установки или модели поведения (например, осуждая или оправдывая девиации). Особую роль играют агенты неформального социального контроля, которые используют инструменты убеждения, внушения или социального одобрения/осуждения, чтобы закрепить нужные смыслы. Девиантное поведение молодежи воспроизводится или блокируется в зависимости от доминирующих в среде смыслов. Если в окружении доминирует нарратив «бунт – это нормально», то и действия молодежи будут соответствующими. И наоборот, в среде, где ценятся конформность и традиции, девиации чаще осуждаются. Но стоит отметить, что молодежь не пассивно воспринимает смыслы, а перерабатывает их через призму личного опыта, что может приводить к сопротивлению или трансформации предлагаемых норм.

Таким образом, агенты неформального социального контроля могут выступать в активной роли тех, кто эти смыслы формирует. Также важно понимать смысловой контекст социокультурной среды, в которой молодежь воспроизводит или нет девиантное поведение.

Агенты неформального социального контроля (семья, сверстники, соседи, учителя, религиозные общины, коллеги и т. д.) формируют систему значений и нормативных границ, которые либо предотвращают, либо провоцируют девиантное поведение. Их влияние реализуется через механизмы социализации, стигматизации и групповой динамики. Агенты неформального контроля не просто запрещают или разрешают – они конструируют саму реальность, в которой девиации становятся осмысленными или бессмысленными. Их влияние может быть как профилактическим, так и разрушительным – в зависимости от транслируемых норм и способов взаимодействия.

Главная особенность смыслов социокультурной среды кроется в их двойной природе: с одной стороны – коммуникационной, поскольку процессы общения и восприятие происходят посредством коммуникационных средств (знаков и их сочетаний), с другой стороны – виртуальной, «проявляющейся» в сознании воспринимающей личности [24, с. 18].

Смыслы социокультурной среды формируются под влиянием ценностей, норм, символов, дискурсов и практик, которые доминируют в конкретном обществе или субкультуре. Они определяют, какие модели поведения считаются допустимыми, а какие – девиантными. Среди элементов наполнения смыслов социокультурной среды можно выделить ценности и нормы, в частности базовые установки (например, индивидуализм/коллективизм), социальные табу и одобряемые модели поведения. Также символы и культурные коды (язык, сленг, мемы и др.), ритуалы и традиции. Кроме того, публичные нарративы и медийные и политические дискурсы.

Смыслы социокультурной среды влияют на молодежь через процессы идентификации и принадлежности. Например, молодежь усваивает смыслы, которые помогают ей вписаться в референтную группу. Также легитимация и стигматизация поведения влияет на поведение молодежи. Если среда оправдывает девиации, они будут воспроизводиться чаще. Еще одним механизмом является эмоциональное заражение, когда определенные мемы, высказывания лидеров мнений меняют поведенческие паттерны. Таким образом, смыслы социокультурной среды должны быть наполнены содержательными, эмоционально заряженными и практически значимыми элементами, которые формируют мировоззрение, ценностные ориентации и поведенческие паттерны молодежи. В частности, они должны отражать базовые ценности, этические принципы и социальные нормы.

В качестве социально-психологических механизмов неформального социального контроля девиантного поведения молодежи можно выделить следующие: групповая идентичность, принадлежность, саморегуляция, давление

группы, эмоциональная связь, привязанность, общественное мнение.

В неформальном социальном контроле особое место занимают не санкции, а трансляция ожидаемого социально одобряемого образца поведения, например, позитивный пример авторитетного в молодежной среде лидера, который транслирует значимые социальные ценности и идеи. Эксперты в области социологии девиаций, отмечают, что социальные акторы создают свои собственные смыслы и конструкты нормы/девиации и социального контроля. В разных дискурсах формируется разное отношение к девиациям и девиантам, стратегии и методы воздействия на девиантность, рамки и интенсивность контроля. Иначе говоря, в разных дискурсах складывается своя модель социального контроля и повседневные практики реагирования на девиантность [25, с. 163].

В этой связи отметим процесс трансформации системы контроля, который наблюдается в последнее время. В данном процессе определяющими как раз являются социокультурные механизмы, такие как смена социальных норм, нормализация ненормального, смена поколенческих установок.

Молодежь считает нормой иногда употреблять алкоголь, курить, употреблять траву или легкие наркотики, использовать нецензурные выражения, в молодых семейных парах допускаются супружеские измены или так называемые «свободные браки». Некоторые виды девиантного поведения молодежь считает нормой. При сохранении данной тенденции нормы будут меняться, так как граница допустимого поведения, разделяемого обществом, меняется и воспроизводится в рамках поколения¹.

Среди факторов, которые влияют на смену норм можно выделить следующие: реформирование социальных институтов, распространение ускоренных практик, влияние значимых других, глобализация, усиливающаяся дифференциация населения [6].

Современный мир меняется с беспрецедентной скоростью, и одной из ключевых задач общества становится не просто подготовка молодежи к этим изменениям, а создание условий, в которых она сможет сама формировать будущее. Молодые люди – не просто пассивные получатели знаний и норм, а активные участники социальных, культурных и технологических трансформаций. Однако для этого необходимо переосмыслить традиционные подходы к взаимодействию с молодежью, а также разработать системы неформального социального контроля, отвечающие требованиям современной реальности.

Необходимо учитывать, что неформальный социальный контроль включает в себя различные

механизмы и формы, влияние которых трансформируется через взаимодействие молодежи с окружающей средой. В этом контексте существует несколько основных факторов, оказывающих влияние на молодежную девиацию. Во-первых, это индивидуальные особенности. Современную молодежь принципиально отличает от других поколений цифровая компетентность, молодые люди становятся экспертами в цифровой коммуникации, технологических инновациях. Также стоит отметить социальную активность молодежи, но в то же время растущую инфантилизацию современной молодежи.

Еще одним важным элементом концептуальной схемы неформального социального контроля девиантного поведения молодежи является понятие риска. От того, как понимаются риски и каким содержанием они наполняются, напрямую зависит профилактическая деятельность агентов социального контроля [26]. Основным риском девиантности выступает взаимодействие молодежи между собой при отсутствии контроля со стороны взрослых, также рисковым является некритическое восприятие образцов поведения, предлагаемых СМИ и интернетом. Интересно отметить, что первое место среди рисков, по оценкам экспертов, занимает отсутствие внимания со стороны родителей, а также неумение и нежелание трудиться. Также к распространенным рискам девиантного поведения современной молодежи можно отнести: социально-экономические факторы, семейные проблемы, влияние окружения, психологические факторы, цифровые риски.

Следующим важным элементом концептуальной схемы неформального социального контроля девиантного поведения являются агенты социального контроля. Стоит отметить, что появляются новые агенты, которые должны попасть в фокус внимания. В современном цифровом мире спектр агентов неформального контроля весьма широк. К ним относятся субкультуры, естественные кооперации (например, соседская общность, друзья), социальные сети, чаты и сайты в интернете, молодежные движения (спортивные, музыкальные, досуговые и др.), новые религиозные движения «нью-эйдж», девиантные субкультуры и т. д. [26, с. 164].

Таким образом, концептуальная схема неформального социального контроля девиаций молодежи может быть изображена через взаимосвязь этих компонентов, каждый из которых вносит собственный вклад в формирование поведения подростков и молодежи. Эффективное взаимодействие этих факторов может привести к укреплению социальных норм и снижению уровня девиантного поведения среди молодежи.

¹ Мамонтова Е.В. Девиация и социальный контроль несовершеннолетних в интерпретации муниципального управления в контексте социологических процессов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 2116–2120.

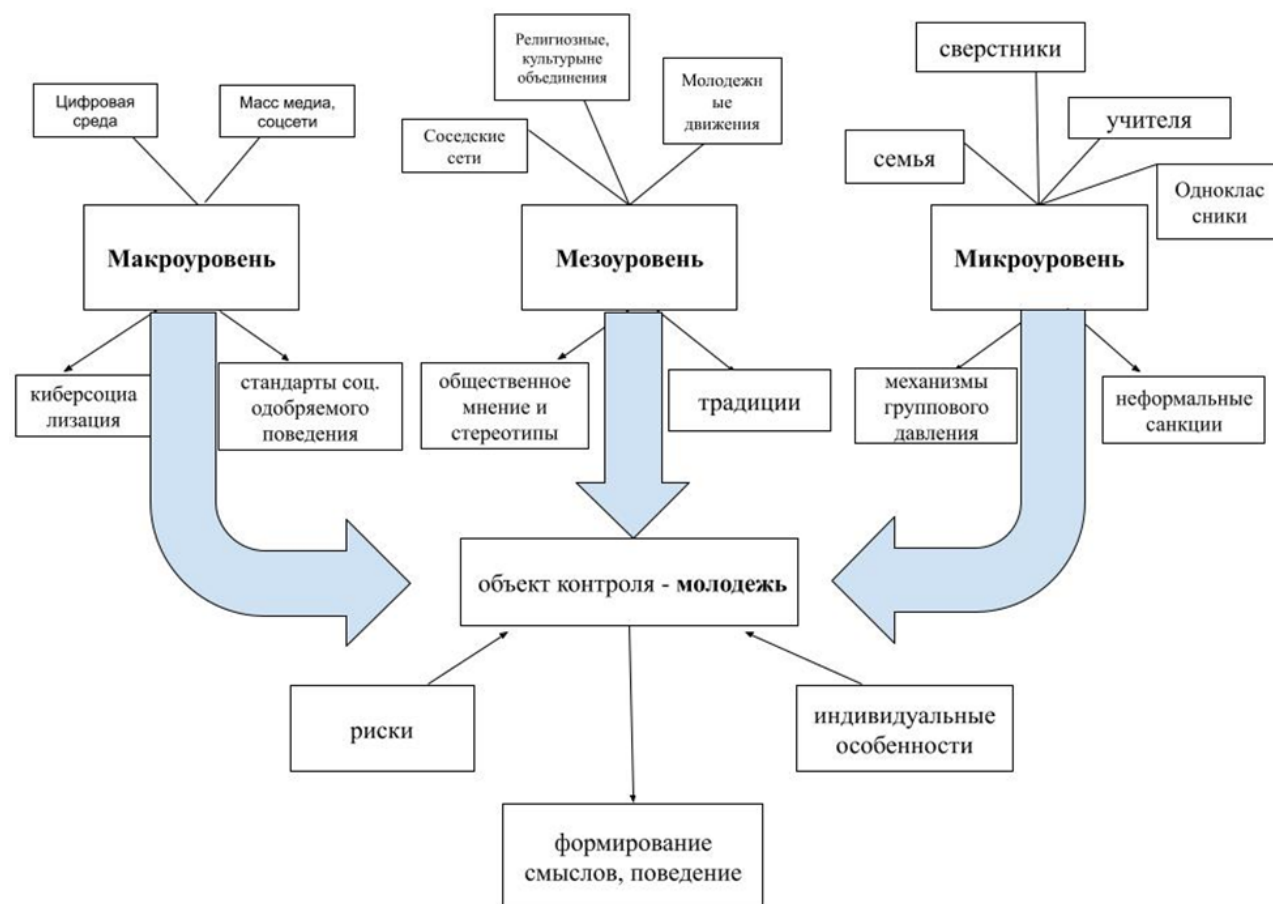

Рисунок 1 – Концептуальная схема неформального социального контроля девиантного поведения молодежи

Figure 1 – The conceptual scheme of informal social control of deviant behavior of youth

Представленная схема отражает трехуровневую структуру неформального социального контроля, демонстрируя комплексное взаимодействие микро-, мезо- и макроуровней социальной реальности, влияющих на регуляцию поведения молодежи. Каждый из представленных уровней оказывает влияние на другие уровни. Что в свою очередь обуславливает комплексное воздействие на объект социального контроля – молодежь. На наш взгляд, двумя ключевыми факторами как внешней, так и внутренней среды, влияющими на специфику поведения, являются риски и индивидуальные особенности. В зависимости от степени выраженности этих двух факторов можно говорить о том, как формируются смыслы молодежью, другими словами, как она конструирует социальную реальность вокруг себя. Что включает в том числе определенный вид поведения. Задача системы неформального социального контроля – регулировать поведение молодежи не только через санкции, но и через систему позитивного контроля, то есть формирование и пропаганда социально одобряемых образцов поведения.

Важно отметить, что элементы, формирующие неформальный социальный контроль, работают в единой системе, где одни компоненты могут усиливать или ослаблять влияние других. Непрерывное взаимодействие этих факторов создает динамичную среду, в которой молодежь формирует свое поведение и адаптируется к окружающему миру.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенный анализ и систематизация существующих подходов к изучению неформального социального контроля девиантного поведения молодежи позволили выявить его многомерную природу и трансформационные изменения в условиях современного общества. Как показано в работах Я. И. Гилинского [2] и С. Коэна², неформальный контроль выполняет не только рестриктивную функцию (ограничение девиаций), но и обладает мощным просоциальным потенциалом, создавая условия для формирования позитивных морально-этических норм. Этот вывод подтверждается исследованиями Р. Сэмпсона [19], демонстрирующими, что эффективные сообщества

² Cohen, Stanley. Visions of social control: Crime, punishment a classification / Stanley Cohen. – Cambridge : Polity press, 1985. – X, 325 с.; 23 см.; ISBN 0-7456-0021-2 (pbk.).

сочетают контроль с развитием коллективной эффективности.

Проведенный анализ и систематизация существующих подходов и эмпирических исследований неформального социального контроля показали, что неформальный контроль касается в первую очередь не только ограничения или предупреждения девиантного поведения, но и создания условий для формирования позитивных моральных и этических норм, которые смогут поддержать молодежь в их социальном развитии. Эффективные стратегии вмешательства должны учитывать все эти аспекты, чтобы создать целостный подход к снижению девиантного поведения среди молодежи.

Неформальный социальный контроль остается ключевым механизмом регулирования девиантного поведения, особенно в условиях ослабления жестких формальных институтов. Современные исследования акцентируют его трансформацию под влиянием цифровизации, глобализации и изменения структуры социальных связей.

Важно отметить, что в цифровой среде традиционные механизмы контроля трансформируются. Социальные санкции приобретают виртуальный характер. Границы между формальным и неформальным контролем размываются.

Также немаловажным является то, что эффективность социального контроля определяется не столько силой санкций, сколько скоростью реакции группы, прозрачностью нормативных ожиданий и доступностью обратной связи.

В результате проведенного исследования было установлено, что в качестве факторов, влияющих на эффективность работы механизмов и инструментов неформального социального контроля, можно выделить индивидуальные особенности молодежи, наличие или отсутствие рисков, а также саморегуляцию. Отсутствие выстроенного механизма саморегуляции является важным фактором в сопротивлении девиантному поведению [27], таким образом, молодежь боится выступить против некоторых девиантных форм поведения.

Наряду с данными процессами отдельно стоит отметить феномен нормализации смыслов девиаций, что также способствует распространению и усилению девиантного поведения. Меняющееся в общественном сознании восприятие девиаций делает ненормальное нормальным. Кроме того, на данный процесс активно влияют меняющиеся макроусловия: ускоренный ритм жизни, растущая нуклеаризация семей, тяжелое социально-экономическое положение, стресс и напряженность. В результате трансформируются личности подростков, а также их поведение. Молодежь активнее вовлекается в девиации, которые возникают как буфер в ответ на перемены и вызовы.

В результате исследования были выявлены ключевые аспекты трансформации неформального контроля. Во-первых, это цифровая трансформация. Как отмечает М. Кастельс [28], цифровые платформы создают новые формы социального капитала, где традиционные механизмы контроля приобретают виртуальный характер. Данный тезис подтверждают выводы Д. Бойда [29] о том, что онлайн-сообщества формируют параллельные системы нормативного регулирования, часто конкурирующие с институциональными.

Отдельно стоит отметить процесс ослабления значимости института семьи в контроле девиаций. Ряд исследований выявляет прямую корреляцию между ослаблением родительского контроля и ростом девиантности. Также было выявлено, что стиль детско-родительских отношений сильно влияет на склонность подростков к девиантному поведению. Например, неспособность родителя к кооперации, нетолерантное отношение к неудачам и ошибкам подростка, а также низкая степень принятия провоцируют развитие отклоняющихся форм поведения [30]. В этой связи особенную актуальность обретают меры, направленные на психологическое обучение и поддержку родителей, которая будет способствовать построению здоровых отношений между родителями и детьми, а также сохранению нормальной привязанности между ними.

Также актуальным является процесс нормализации девиаций. В данной связи стоит вспомнить концепцию «культурного дрейфа», впервые разработанную Г. Беккером в рамках его теории девиантности³. Концепция описывает процесс постепенного изменения социальных норм, при котором ранее маргинальные или девиантные практики со временем приобретают статус социально приемлемых или даже нормативных. Этот процесс представляет собой фундаментальный механизм социокультурной динамики, особенно актуальный в условиях цифровой трансформации общества.

Таким образом, необходима трансформация существующей системы социального контроля девиантного поведения молодежи. В частности, поднимается вопрос актуальности и перспективности неформального социального контроля. По результатам исследования было выявлено три уровня неформального социального контроля (микро-, мезо- и макросоциальный), которым фактически соответствуют три среды реализации мер и механизмов контроля:

- 1) социальная среда (учебное заведение, друзья, компания, семья);
- 2) цифровая среда (интернет-сообщества, блогеры и т. д.);
- 3) культурная среда (сообщество, культура, идеология, общественное мнение).

³ Becker, H. S. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Free Press of Glencoe. 1963. 179 pp.

Проведенное исследование позволило разработать комплексную концептуальную схему неформального социального контроля девиантного поведения молодежи, которая вносит значимый вклад в современное научное знание.

В соответствии с разработанной концептуальной схемой можно предложить ряд мер, которые будут выступать механизмами неформального социального контроля девиаций молодежи. Во-первых, это работа на микроуровне социальной реальности с семьями и педагогами, например, организация общедоступных курсов и тренингов с профессиональными психологами, реализация программ родительского просвещения на национальном уровне. Данная мера хотя и будет косвенной и напрямую не будет воздействовать на молодежь, но ожидаемая эффективность ее весьма высока, так как известно, что наиболее сильное влияние на индивида оказывает как раз ближайший круг⁴. Также на данном уровне важна работа непосредственно с молодежью через систему обучения эмоциональному интеллекту, антибуллинговые программы и системы социально-психологического мониторинга. Отдельно стоит отметить реализацию системы раннего выявления рисков (например, модель «Красных флагов»).

Модель «Красных флагов» (Red Flags Model)⁵ – это профилактический подход, направленный на раннее выявление признаков буллинга (травли) в образовательной среде с целью своевременного вмешательства и предотвращения эскалации агрессии. Эта модель широко применяется в зарубежных школах, колледжах и онлайн-пространствах, где буллинг приобретает системный характер. Включает в себя три этапа: выявление маркеров («красных флагов») того или иного вида девиантного поведения (чаще буллинга) до его перехода в хроническую фазу, затем использование чек-листов и индикаторов для объективного анализа ситуации и применение протоколов вмешательства в зависимости от степени риска. Что касается учебных учреждений, то перспективным также представляется создание служб медиации, а также развитие программ наставничества, при которых более опытный ученик делится знаниями с менее опытным (peer-to-peer).

На следующем – мезоуровне – социального контроля стоит уделить внимание организации позитивных мотивирующих кружков, досуговых центров, где молодежь могла бы себя проявлять и реализовывать. Распространение норм волонтерского и благотворительного поведения также является эффективной мерой. Также возможной формальной мерой поддержки и развития неформального социального контроля может выступить

введение системы налоговых льгот за просоциальную активность.

Если говорить про макроуровень неформального социального контроля, то в первую очередь стоит сказать про формирование и распространение социально одобряемого стандарта поведения посредством блогеров и авторитетных у молодежи медийных персон. Например, создание медиакампаний по формированию просоциальных норм. А также применение неформальных позитивных санкций к желаемым образцам поведения. Например, активное освещение в СМИ, социальных сетях и т. д. позитивного поведения, социально одобряемых ситуаций с участием молодежи, которые могли бы формировать соответствующую норму. Представляется перспективным реализация процедуры сертификации просоциальных блогеров, разработка этических стандартов для алгоритмов, создание позитивного контента современных медиа.

Данные меры необходимо реализовывать коллективными усилиями, интегрирующими представителей разных сторон, чтобы обеспечить баланс между общественными интересами, свободой слова и эффективностью регулирования. Среди сторон можно выделить государство, представленное Министерством культуры, образования и науки, такими организациями как Роскомнадзор, экспертными советами при органах власти. Также значимым является участие в данном процессе IT-компаний и платформ, представленных соцсетями и ассоциациями цифровых технологий. Отдельно стоит отметить участие научного и экспертного сообщества, а также институтов гражданского общества.

Отдельно стоит остановиться на практической адаптации к неформальному социальному контролю девиантного поведения – концепции «разбитых окон».

На микросоциальном уровне представляется актуальным формирование нетерпимого отношения к мелким нарушениям правил и ценностям семьи, что, как показывают исследования, снижает риск серьезных девиаций. Также на данном уровне учебным заведениям важно проводить политику «нулевой терпимости» к мелким нарушениям учащихся, что также позволит избегать серьезных отклонений в поведении молодежи.

Что касается мезосоциального уровня, то представляется важной реализация местными властями политики незамедлительной реакции на девиации, даже самые незначительные, а также для более эффективной системы контроля необходимо вовлечение местных сообществ в мониторинг безопасной, свободной от девиаций городской среды.

Макроуровень (в первую очередь цифровое пространство) должен также подвергаться

⁴ Бергер, П. Л. Социальное конструирование реальности: трактат по социол. знания [перевод] / Питер Бергер, Томас Лукман. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 322, [1] с.; 19 см. – (Первые публикации в России. ПИП). ISBN 5-85691-036-2.

⁵ Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Система мониторинга рискованного поведения молодежи (YRBSS) // Министерство здравоохранения США. 2023. – URL: <https://www.cdc.gov/yrbbs/index.html> (дата обращения: 01.01.2024).

незамедлительным реакциям агентов неформального социального контроля. Например, необходима модерация мелких нарушений сетевого этикета, а не только применение формальных санкций за нарушение закона. Данная мера позволит улучшить ситуацию с кибербуллингем и как следствие – предотвратить серьезные девиантные последствия.

Представленная концептуальная схема неформального социального контроля девиантного поведения молодежи обогащает теоретическое понимание механизмов социального контроля, а также предлагает практические инструменты для профилактики девиантности и задает новую исследовательскую повестку в области социологии девиантного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14, № 4. С. 306–330. DOI 10.19181/vis.2023.14.4.17. EDN UFRCLU.
2. Гишинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма проституции, самоубийства и других «отклонений». Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. 603 с. DOI 10.23681/615763. ISBN 978-5-00165-193-2. EDN DAKNFO.
3. Брюно В. В. Роль виртуальной среды в формировании девиантного поведения подростков и молодёжи // Социальная коммуникация в современном российском обществе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 октября 2022 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров, Т. З. Адамьянц, ред. Е. Ю. Иванова, П. С. Юрьев. Москва : РОС; ФНИСЦ РАН, 2023. С. 313–319. EDN XYWVDH.
4. Cepeda, A., Saint Onge, J. M., Nowotny, K. M., Valdez, A. Associations Between Long-Term Gang Membership and Informal Social Control Processes, Drug Use, and Delinquent Behavior Among Mexican // American Youth. International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2016. 60(13). Pp. 1532–1548. DOI 10.1177/0306624X15584985.
5. Кисенко Н. П. Проблемы социализации и инкультурации в современных условиях // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10 (126), С. 119–123. DOI 10.24158/fik.2024.10.16. EDN SKPUVT.
6. Сорокин О. В. Изменяющаяся социальная реальность в регуляции девиантного поведения российской молодежи // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. 2018. № 3. С. 429–436. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-429-436. EDN PJHNNR.
7. Кузнецова И. В. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. С. 59–66. EDN WSOSNL.
8. Linning Sh.J., Eck J.E., Olaghere A., Steinman H. What Is Informal Social Control? A Concept Consensus Review of Recent Criminological Literature // Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice. 2024. 66 (1), pp. 63–86. DOI 10.3138/cjccj-2023-0024. EDN WLZHXX.
9. Гишинский Я. И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42–58. EDN RCMFGJ.
10. Merton, R. K. (1938). Social Structure and Anomie // American Sociological Review. 3 (5). Pp. 672–682. DOI 10.2307/2084686.
11. Масленников Е. В. Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 116–133. EDN OHKESL.
12. Becker, H. S. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. Free Press of Glencoe, 1963. 179 p. https://www.academia.edu/5962841/Becker_Outsiders.
13. Hirschi T. Causes of Delinquency. N. Y. Routledge, 2017. 309 p. DOI 10.4324/9781315081649.
14. Putnam, Robert D. Bowling alone: the collapse and revival of American community // Conference on Computer Supported Cooperative Work, 2000. DOI 10.1145/358916.361990.
15. Coleman, J. S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 1990, 1014 p. https://www.academia.edu/5875176/Foundations_of_Social_Theory.
16. Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press. 2001, 294 p. DOI 10.1017/CBO9780511815447.

17. Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge, 1984. 613 p. ISBN 978-0-674-21277-0. https://www.academia.edu/34857338/Distinction_A_Social_Critique_of_the_Judgement_of_Taste.
18. Бурдьё, П. (2001). Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов и др.; отв. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя. 562 с. ISBN 5-88329-351-7. EDN QOGTMH.
19. Robert J., and John H. Laub Age-Graded Theory of Informal Social Control *Encyclopedia of Criminological Theory* Sampson, SAGE 2010, 813 p. DOI 10.4135/9781412959193.n221.
20. Wilson, J. Q., Kelling, G. L. Broken windows: The police and neighborhood safety. In S. Hall & J. Winslow (Eds.), *Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective*, 2014, Routledge, pp. 349–358. https://media4.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf.
21. Yang Y., Jiang J. (2023) Influence of family structure on adolescent deviant behavior and depression: the mediation roles of parental monitoring and school connectedness. *Public Health*, 217, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.013>.
22. Sumadevi, S. Impact of social media on Youth: Comprehensive Analysis? *Shodh sari-an international multidisciplinary journal*. 2023. 02. Pp. 286–301. DOI 10.59231/SARI7640. EDN NXHEIK.
23. Шипунова Т. В. Продвижение девиантных образцов поведения как (а)социальных проектов в виртуальной коммуникативной среде // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16, № 3. С. 138–153. EDN RODCFX.
24. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // *Социологические исследования*. 2021. № 9. С. 16–25. DOI 10.31857/S013216250015252-0. EDN NKIIOT.
25. Шипунова Т. В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15, № 2. С. 157–172. DOI 10.31119/1569-1161/2012.15.2.4. EDN KMSUSK.
26. Шипунова Т. В. Агенты социального контроля о рисках девиантности молодежи // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2018. 24 (3). С. 133–149. EDN XXFTZR.
27. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю. А. Зубок, О. А. Александрова, М. Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022. ISBN 978-5-89697-382-9. EDN TENQIH.
28. Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Polity Press, 2012, *International Journal of Public Opinion Research*. 25(3). Pp. 398–402. DOI 10.1093/ijpor/edt020.
29. Boyd, D. I. *It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens*. Yale University Press. 2014. 281 pp. DOI 10.12987/9780300166439.
30. Осипова А. А., Дышлок И. С. Исследование взаимосвязи девиантного поведения подростков со стилем родительского отношения // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2023. Т. 12, № 9А. С. 108–118. DOI 10.34670/AR.2023.53.10.015. EDN WAXAKF.

REFERENCES

1. Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. (2023) Deviant Behaviour of the Population as a Reflection of Maladaptive Processes in Russian Society (Based on State Statistics). *Vestnik instituta sotziologii*, 14 (4), pp. 306–330. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.17>. <https://elibrary.ru/ufrclu>.
2. Gilinskiy, Y. I. (2021). *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other «deviations»*. Saint Petersburg, Aletheia, 603 p. ISBN 978-5-00165-193-2. <https://doi.org/10.23681/615764>. <https://elibrary.ru/daknfo>.
3. Bruno, V. V. (2023). The role of the virtual space in the formation of deviant behavior of adolescents and youth. In *Social communication in modern Russian society*, Moscow, Publ. FNISTS RAN, pp. 313–319. <https://elibrary.ru/xywvdh>.
4. Cepeda, A., Saint Onge, J. M., Nowotny, K. M., Valdez, A. (2016). Associations Between Long-Term Gang Membership and Informal Social Control Processes, Drug Use, and Delinquent Behavior Among Mexican American Youth. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 60 (13), pp. 1532–1548. <https://doi.org/10.1177/0306624X15584985>
5. Kisenko, N. P. (2024) Problems of Socialization and Inculturation in Modern Conditions. *Society: Philosophy, History, Culture*, 10, pp. 119–123. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.10.16>. <https://elibrary.ru/ckpuvt>.
6. Sorokin, O. V. (2018). Changing social reality in the process of regulation of deviant behavior of the Russian youth. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 3, pp. 429–436. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2018-43-3-429-436>. <https://elibrary.ru/pjhnr>.
7. Kuznetsova, I. V. (2023). Digital socialization of youth. *Sociology*, 3, pp. 59–66. <https://elibrary.ru/wosnsl>.
8. Linning, Sh. J., Eck, J. E., Olaghere, A., Steinman, H. (2024). What Is Informal Social Control?

- A Concept Consensus Review of Recent Criminological Literature. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 66 (1), pp. 63–86. <https://doi.org/10.3138/cjccj-2023-0024>. <https://elibrary.ru/wlzhxq>.
9. Gilinskiy, Y. I. (2013). Social control over crime: concept, Russian reality, prospects. *Ezegodnik ugolovnogo prava*, 7, pp. 42–58. <https://elibrary.ru/rcmfjg>.
 10. Merton, R. K. (1938). Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*, 3 (5), pp. 672–682. <https://doi.org/10.2307/2084686>.
 11. Maslennikov, E. V. (2011). Principles of forming a conceptual model of research subject in methodological context of sociological measurement. *Moscow State University bulletin. Series 18. Sociology and political science*, 3, pp. 116–133. <https://elibrary.ru/ohkesl>.
 12. Becker, H. S. (1963). *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Free Press. 179 p. https://www.academia.edu/5962841/Becker_Outsiders.
 13. Hirschi, T. (2017). *Causes of Delinquency*. Routledge. 309 p. <https://doi.org/10.4324/9781315081649>
 14. Putnam, R. D. (2000). Bowling alone: The collapse and revival of American community. *Conference on Computer Supported Cooperative Work*. <https://doi.org/10.1145/358916.361990>
 15. Coleman, J. S. (1990). *Foundations of Social Theory*. Belknap Press of Harvard University Press. 1014 p. https://www.academia.edu/5875176/Foundations_of_Social_Theory.
 16. Lin, N. (2001). *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge University Press. 294 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815447>
 17. Bourdieu, P. (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Routledge. 613 p. ISBN 978-0-674-21277-0. https://www.academia.edu/34857338/Distinction_A_Social_Critique_of_the_Judgement_of_Taste.
 18. Bourdieu, P. (2001). Practical Sense. A. T. Bibikov et al., Trans. Saint Petersburg, Publ. Aletheia, 562 p. <https://elibrary.ru/qogtmh>.
 19. Sampson, R. J., Laub, J. H. (2010). Age-Graded Theory of Informal Social Control. In *Encyclopedia of Criminological Theory*, p. 813. <http://dx.doi.org/10.4135/9781412959193.n221>.
 20. Wilson, J. Q., Kelling, G. L. (2014). Broken windows: The police and neighborhood safety. In S. Hall & J. Winslow (Eds.), *Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective*, pp. 349–358. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315095258-20>. https://media4.manhattan-institute.org/pdf/_atlantic_monthly-broken_windows.pdf.
 21. Yang Y., Jiang J. (2023) Influence of family structure on adolescent deviant behavior and depression: the mediation roles of parental monitoring and school connectedness. *Public Health*, 217, pp. 1–6. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2023.01.013>.
 22. Sumadevi, S. (2023). Impact of social media on youth: Comprehensive analysis. *Shodh sari-an international multidisciplinary journal*, 2 (4), pp. 286–301. <https://doi.org/10.59231/SARI7640>. <https://elibrary.ru/nxheik>.
 23. Shipunova, T. V. (2013). Promotion of deviant behavior patterns as (a)social projects in virtual communication environment. *The Journal of sociology and social anthropology*, 16 (5), pp. 116–128. <https://elibrary.ru/rodexf>.
 24. Adamyants, T. Z. (2021). Social meanings as subject of sociological analysis. *Sociologicheskie issledovania*, 9, pp. 16–25. <https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0>. <https://elibrary.ru/nkiot>.
 25. Shipunova, T. V. (2012). Macro-micro-macro model of social control of deviance in a constructivist perspective: Invitation to discussion. *The Journal of sociology and social anthropology*, 15 (2), pp. 157–172. <https://doi.org/10.31119/1569-1161/2012.15.2.4>. <https://elibrary.ru/kmsusk>.
 26. Shipunova, T. V. (2018). Agents of social control about risks of youth deviance. *Moscow State University bulletin. Series 18. Sociology and political science*, 24 (3), 133–149. <https://elibrary.ru/xxftzr>.
 27. Zubok, Y. A., Alexandrova, O. A., Bulanova, M. B., et al. (2022). Self-regulation in youth environment: Typologization and modeling. Belgorod, Publ. FNISC RAN. 360 p. ISBN 978-5-89697-382-9. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022>. <https://elibrary.ru/tenqih>.
 28. Castells, M. (2012). Networks of outrage and hope: Social movements in the Internet age. *International Journal of Public Opinion Research*, 25 (3), pp. 398–402. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edt020>.
 29. Boyd, D. I. (2014) *Complicated: The social lives of networked teens*. Yale University Press. 281 p. <https://doi.org/10.12987/9780300166439>.
 30. Osipova, A. A., Dyshlyuk, I. S. (2023) Study of the relationship between deviant behavior of adolescents and parental attitude style. Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches, 12 (9A), pp. 108–118. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.53.10.015>. <https://elibrary.ru/waxakf>.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. В. Роговая^а

^а Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье отмечается тесная связь этнического культурного пространства с социальным пространством, в том числе через отражение культурных символов и образов, ориентированных на выражение интересов определенной этнической группы. Специфика регионального кинематографа на примере современных башкирских и татарских фильмов заключается не столько в намерении коммуникации и диалога разных культур, сколько в формировании этнической идентичности через субъективный и индивидуальный концепт кинорежиссёра.

Материалы и методы. В ходе исследования был проведен ретроспективный анализ развития регионального кинематографа, содержательный, а также контент-анализ художественных и короткометражных кинокартин, снятых в республиках Башкортостан и Татарстан. Выявлено влияние индивидуального концепта кинорежиссера на формирование этнической идентичности, сохранение и развитие культуры, языка и ценностей данных народов.

Результаты. Выделенные основные этапы развития регионального кино позволили выявить, что особое влияние на развитие собственной региональной этнической киноиндустрии оказали традиции классического театра татар и башкир, которые сохраняются и до настоящего времени. Среди разнообразия региональных кинокартин отличительной чертой башкирского и татарского кино является не только этническая, но и религиозная идентичность. Региональные кинорежиссеры для формирования и сохранения этнической идентичности охотно обращаются к исторической памяти, используют культурные коды, вместе с тем не избегают и мифологии. Анализ кинокартин республик Татарстан и Башкортостан показывает вовлеченность этничности в различные практики, связанные с развитием региональной киноиндустрии.

Обсуждение. Региональный кинематограф можно рассматривать как некий индикатор, фиксирующий как наличие, так и изменения этнической идентичности. Именно индивидуальный творческий подход регионального кинорежиссера способствует формированию этнической идентичности через выражение интересов определенной этнической группы, сохранение культурных символов, образов и концептов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Этническая идентичность, региональный кинематограф, региональное разнообразие, культура, язык, башкирское кино, татарское кино.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Роговая А. В. Региональный кинематограф и его значение в формировании этнической идентичности // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 86–97. EDN SCDILN.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роговая Анастасия Владимировна – кандидат социологических наук; Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5) – старший научный сотрудник Центра изучения регионов России; av_rogovaya@mail.ru. SPIN 6314-9767, ORCID 0000-0002-7982-3696.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© А. В. Роговая, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

Статья поступила: 23.02.2025; рецензия получена: 14.04.2025; принята к публикации: 15.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

REGIONAL CINEMA IN THE ETHNIC IDENTITY FORMATION

Anastasia V. Rogovaya ^a

^a Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The article notes the close relationship of ethnic cultural space with social space, using the reflection of cultural symbols and images focused on expressing the interests of a particular ethnic group. Currently, the necessity to comprehend different cultures in the dialogue process is becoming urgent, hence, we consider the specifics of the representation of ethnic identity in regional cinema using the example of modern Bashkir and Tatar films.

Materials and methods. In the course of the study, a content analysis of feature films shot in the republics of Bashkortostan and Tatarstan was carried out in order to identify the features of ethnic self-identification, the problems of preserving and developing the culture, language and values of these peoples.

Results and conclusions. The main stages of the development of regional cinema were highlighted, as well as a meaningful analysis of films. The traditions of the classical theater of the Tatars and Bashkirs, which remain to this day, had a special influence on the development of their own regional ethnic film industry. Among the variety of regional films, a distinctive feature of Bashkir and Tatar cinema is not only ethnic, but also a religious one. An analysis of the films of the republics of Tatarstan and Bashkortostan shows the involvement of ethnicity in various practices related to the development of the regional film industry. At the same time, regional cinema can be considered as a kind of indicator that records both the presence and change of identity. To form and preserve ethnical identity regional directors are eager to resort to historical memory, historical codes and religious identity. The republics films analysis shows the involvement of ethnicity in various practices associated with the regional film industry development.

Discussion. The regional cinema can be considered as a kind of indicator that records both the presence and changes of ethnic identity. It is the individual creative approach of a regional film producer that contributes to the formation of the ethnic identity by the expression of the interests of a definite ethnic group, cultural symbols, images and concepts preservation.

KEYWORDS

Ethnic identity, regional cinema, regional diversity, culture, language, ethnos.

FOR CITATION

Rogovaya, A. V. (2025) Regional cinema in the ethnic identity formation. *Management Issues*, 19 (2), 86–97. <https://elibrary.ru/scdiln>.

AUTHOR INFORMATION

Anastasia V. Rogovaya – Candidate of Sociological Sciences; Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (24/35 Krzhizhanovsky str., 5, Moscow, 117218, Russia) – *Senior Researcher at the Center for the Study of Russian Regions*; av_rogovaya@mail.ru. SPIN 6314-9767, ORCID 0000-0002-7982-3696.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 23.02.2025; reviewed 14.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Особенностью дискурса этнической идентичности является ее многоуровневость – это не только региональная (территориальная, локальная) и этнокультурная, определяющие специфику этноса (язык, обычаи и традиции, этническое самосознание и стереотипы, историческая судьба, специфический образ жизни и т. д.) [1],

но и социальная, религиозная идентичности. В свою очередь этническое культурное пространство тесно связано с социальным пространством – как через выражение общечеловеческих ценностей, так и через отражение культурных символов, ориентированных на выражение интересов определенной этнической группы. Устойчивым атрибутом такого культурного пространства является наличие коллективной памяти

и способов ее поддержания через социальные институты (музеи, театры, образовательные учреждения и др.).

Основными факторами идентичности татарского и башкирского народов являются этническая культура и традиции, язык и диалекты, территория, корни – общая история происхождения, культура, а также религия. Ислам как для татар, так и для башкир является частью национально-культурного наследия, тем самым важным признаком этнической идентичности [2].

Многим этносам в современном мире приходится искать новые направления сохранения своей идентичности. Одним из таких направлений выступает киноиндустрия – как один из инструментов репрезентации, средство познания и объяснения окружающей жизни, продвижения образа региона, малой родины, этнического народа. В настоящее время наблюдается активное развитие регионального кино в этнических регионах, в том числе при поддержке Министерства культуры. Несмотря на такой прогресс в региональном кинематографе, возникает вопрос: не потеряется ли уникальность и особенность этноса, его самоидентификация в связи с выходом регионального кинематографа на федеральный уровень, развитием внешних связей с другими народами? В частности, известный феномен якутского кино связан прежде всего с тем, что в Республике Якутия развит больше внутренний рынок кинематографа («Якутская республиканская киносеть»), так как из-за малонаселенности и удаленности региона от столицы крупным федеральным киносетям не выгодно развивать республиканскую киносеть, что и способствовало бурному развитию регионального якутского кино.

Все чаще этнические регионы репрезентируют себя через кино как обладающие неким уникальным художественным языком, самобытностью, региональной инаковостью. В свою очередь образ и символы этнического народа (региона), традиционные ценности и обряды, отраженные и сокрытые в региональном кино, являются не только элементом культуры, но и средством социального познания. В связи с чем возникает исследовательский вопрос: каким образом в современном региональном кинематографе репрезентируется этническая идентичность, и насколько региональное кино является эстетическим, а насколько политическим явлением?

В современных условиях, когда культивируется космополитический культурный стандарт (преимущественно американский), происходит размывание этнической самобытности, культурного разнообразия. Именно региональный кинематограф через обновление духовно-ценностной культуры и художественно-эстетической палитры может стать мощным фактором интенсификации межкультурных и социокультурных контактов, активизации интереса человека к своей малой

родине, исторической памяти, культурному многообразию и этнической уникальности.

■ ОБЗОР РАНЕЕ ВЫПОЛНЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследования киноведения характеризуются разнонаправленностью и междисциплинарностью. Большой вклад в методологическую базу киноведения внес структурно-семиотический подход (Р. Барт, Ж. Делёз, Э. Ги Дебор, Ю. Лотман, С. Моррис, У. Эко, Н. С. Рзаева, Е. Головнева). Здесь кино рассматривается как система знаков, образов, смыслов и конструктов, которые не только взаимодействуют между собой, являясь средством сообщения, но и создают конкретный контекст. Многие авторы стремились сопоставить киносемиотику с лингвокультурологией (П. Пазолини, К. Метц, Г. А. Аванесова, В. В. Красных, Н. И. Симбирцева), психологией (С. Уорт, Э. Крис, Л. С. Выготский), эстетикой (Ж. Митри, Ю. Н. Усов), философией (В. Сальтини). В этом смысле региональное кино может рассматриваться как целостная знаковая (символьная) система, отражающая накопленный культурный опыт через образы.

Структурно-семиотический подход имеет и существенные недостатки, т.к. при таком подходе фильм рассматривается больше как монологическая структура, вместе с тем, кино как процесс, связывающий создателя-кинорежиссера, его творение и кинозрителей, несет в себе диалогическую природу (Е. В. Петровская, Т. В. Постникова и др.). Как отмечает К. Э. Разлогов [3], кино несет в себе не только художественно-познавательную (через знаки, образы), но и коммуникативную функцию, при этом нормы, традиции и обычаи естественного языка необходимо сопоставлять с возможностями новых технологий общения. Конкуренцию представляют также феноменологический (Э. Гюссерль), социально-психологический подходы (Т. А. Кубрак, В. В. Латынов).

В настоящее время, по мнению автора, массовая аудитория нуждается в представлении разнообразия и уникальности регионов России через углубление вовлечения в диалогический процесс субъектов разных культур. В связи с чем для нас представляют интерес концепции диалога культур (М. М. Бахтин, В. С. Библер) и неотрадиционализма (В. В. Бочаров). Удачной формой общения различных культур, самовыражения является именно кино, которое позволяет не только возобновить традиционные ценности традиционной (этнической) культуры, но и преодолеть проблемы коммуникации через диалог кинорежиссер–кино–зритель.

Региональное кино способствует познанию, формированию и сохранению идентичности (этнической, региональной, культурной, социальной и т. д.) при помощи комплексов концептов. Под

концептом понимается не только комплексная единица сознания, включающая в себя представления, образы, понятия, символы, знаки, но совокупность смыслов, имеющую культурную, этническую, региональную идентичность. Кроме того, концепт субъективен, постоянно развивается, переосмыляется в зависимости от культурных и исторических контекстов, и его основными чертами являются неопределённость, индивидуальность и многомерность (Ж. Делез, Ф. Гваттари) [4].

История развития татарского и башкирского кино, интерпретация образов и концептов традиционной культуры раскрыты в работах Г. О. Абикевой, М. В. Гейт, Л. Юсупова, Р. И. Якупова и др.).

Особенностью дискурса об этнической идентичности является ее многоуровневость (содержит в себе и региональную, и локальную, и социальную и др. идентичности). Так, региональное кино может включать в себя не только этнические оттенки, элементы культуры и традиций, но и такие важные компоненты, как когнитивная (историческая, коллективная, коммуникационная память), эмоциональная (доверие своим, сопереживание, любовь к дальнему); социальная (ориентация на совместные действия, на сотрудничество со «своими», помощь своим). Важным является и вопрос взаимоотношения между этнической и общероссийской гражданской идентичностью, которые поднимались в работах Л. А. Дробижевой [5].

Региональное кино стало не только «актуальной долей общекультурного фонда, формируя в человеке новую матрицу мировосприятия», но и выражением «соучастия в сегодняшнем поиске идентичности и культуротворчестве» [6]. Участие различных этносов в создании кинопродукции способствует осуществлению культурной детерминации, раскрытию этнической идентичности, выполняет интегрирующую функцию в обществе, раскрывая общие нормы, ценности и смыслы его бытия [7]. Таким образом, региональный кинематограф, являясь неотъемлемой частью современной массовой культуры, становится значимым за счет репрезентации средствами кино собственных нарративов, особенностей менталитета, манер, стиля, языка, которые в состоянии развивать и обогащать киноязык как таковой [8].

В настоящее время региональные фильмы выходят уже в широкий прокат наряду с федеральными кинокартинами. В свою очередь, феномен регионального кинематографа в России ознаменован бурным развитием киноиндустрии именно в этнических регионах [9].

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа формирования этнической идентичности через кинематограф были изучены основные этапы развития регионального кино, а также проведен содержательный анализ фильмов,

снятых в республиках Татарстан и Башкортостан с 2007 по 2023 г. А количественный контент-анализ представленных фильмов позволил выявить через смысловые единицы, как региональный кинематограф способствует формированию этнической идентичности.

Зарождению региональной киноиндустрии еще до революции 1917 года способствовали любители кино и фотографий – купцы и мещане, открывавшие киносалоны и пробовавшие снимать первые фильмы (например, в Ярославле в 1913 году была основана Ярославская кинофабрика). С формированием монополии на киноиндустрию в 1920-х годах стали распространяться так называемые «культфильмы» в форме экспедиционных очерков, документальных, научно-популярных, учебно-познавательных, географических и этнографических кинохроник: «Лесные люди – удэгейцы» (1926), «Охота и оленеводство в области Коми» (1927) С. А. Бендерского и Н. К. Юдина; «К берегам Тихого океана» (1927), «За Полярным кругом» (1927), «Подножие смерти» (1928) В. А. Шнейдерова; «По дебрям Уссурийского края» (1928) А. Литвинова; «Алтай-кижи» (1929) В. Л. Степанова; «Крыша мира» (1929) В. А. Ерофеева; «Тунгусы» (1927) Е. И. Свиловой; «По Бурят-Монголии» (1929) Л. Степановой и др. В это же время с образовательными целями был запущен проект «Киноатлас СССР» – киноальманах о народностях и территориях страны. Такие фильмы выполняли больше просветительскую функцию, освещали быт, нравы, обряды, вероисповедание, семейные традиции и т. п. Кино выступало движущей силой идеологической пропаганды, знакомило различные народы, этносы друг с другом, способствуя утверждению идей международной солидарности и дружбы между народами.

В Татарстане первые казанские кинотеатры появились в 1908 году, а в 1924 году начала работу первая в Поволжье киноорганизация «Таткино», усилиями которой был открыт и первый «Татарский национальный кинотеатр». Совместно с «Совкино» в 1927 г. выходит первый татарский игровой фильм «Булат-Батыр» (реж. Ю. Тарич). В 1932 г. на базе Татарского отделения «Востоккино» появляется первая казанская студия кинохроники. Выходили в свет киножурналы «Татарстан», «Межреспубликанский киножурнал» и «Дружба народов». Можно отметить, что период создания кинохроники является важным в развитии регионального кинематографа, на основе которого конструировался образ дружного многонационального Союза, велась пропаганда культуры и социалистического прогресса. Причем образ этнического типажа сменяется созданием портрета советского человека. Киножурналы показывали национальное своеобразие и межнациональное взаимодействие народов, ориентацию на самобытность и аутентичность

наций и этносов, что придавало киноконтенту межэтнический характер [10].

На рубеже 1920–1930-х годов появились и первые теоретические работы ученых об этнографическом кино, сформировались базовые методы создания этнографических фильмов и формы взаимодействия этнографов с кинематографистами (Л. Л. Капица, А. Н. Терский, В. Г. Богораз). Советский этнограф И. Головнёв охарактеризовал этот период как череду национализаций – национализация кинематографа, национализация этнографии и национализация этнокультур [11]. Большое значение придавалось изучению тех народностей, которые сохранили более или менее нетронутыми черты своего быта, свою индивидуальность (освещалось положение женщины, религиозный вопрос, охота, приготовление пищи, шаманы). Впоследствии этнографическое кино имело ценность не только для студентов вузов, но и для широкого круга зрителей. Исследователь В. Г. Богораз, требовавший от кинематографа научности, в 1931 г. создал «Проект специализации по этнографической фильме на операторском факультете ГИКа», проводимый на основе этнографических лекций, посвященных анализу культур народностей СССР. В то же время экспедиционный метод полевого исследования, утвердившийся в советской этнографии, исключал анализ разных сторон повседневности представителей изучаемого сообщества [12]. Такие этнографические фильмы выступали как средство популяризации научных знаний. Но уже к середине 1930-х годов производство этнографических фильмов сократилось в связи с повсеместным высвечиванием традиционного быта малочисленных народностей, что мешало советской власти в конструировании в общественном сознании образа СССР [11].

Дальнейший толчок развития регионального кинематографа пришелся на 1950-е годы, когда при институтах, заводах стали открываться любительские киностудии, самостоятельно приобреталась киноаппаратура. При активном участии студентов, среди которых находились и свои поэты, актеры, художники, музыканты, режиссеры, снимались первые фильмы. К примеру, студенты уральского политехнического института, участники театральной самодеятельности, играя самих себя, сняли картины «Студенты УПИ на полях Алтая и Урала», «Владя Агапов едет на фестиваль»¹.

В 1959 г. начала работать студия телевидения в Уфе, и в 1965 г. был выпущен полнометражный документально-публицистический фильм «Преображенный край», посвященный этапам становления и развития Республики.

Для периода 1960-х гг. характерны темы интернационализма и патриотизма. В Москве

проходит международный кинофестиваль под лозунгом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами». При этом проявляется творческая свобода молодых кинематографистов, важным становится поиск новых художественных образов, проявление новаторства, отказа формального построения произведений. Идеологическая форма, политический фон борьбы за мир, внешнеполитическое влияние СССР на Монголию, Индию, Цейлон, Камбоджу, Бирму и др. перекликались с освещением в фильмах фрагментов социально-культурной и духовной жизни этносов.

В 1960–70-х годах продолжают сниматься документальные фильмы об этнических народах, в том числе научно-популярные и учебные. При этом зачастую эти картины отсылали к старым культурфильмам, сохранившим идеологический посыл о советской власти, о позитивных переменных, где на фоне яранги строится многоэтажный дом. Но, несмотря на процессы модернизации, эти фильмы выражены нарративные, где прослеживается архаизация, переплетение нового быта с поиском древних корней их культуры [12].

Отметим, что советское региональное кино раскрывало не только историю региона, особенности местного фольклора, обычаи и традиции, жизнь и быт различных этносов, но и оказывало влияние на духовный аспект, раскрывая нравственные ценности, взаимоотношение, вызывающие у людей стремление быть лучше и человечнее.

Развитие этнического кино было ознаменовано общим подъемом движений коренных народов в 1990-х гг., когда в содержании фильмов постсоветского периода прослеживалось формирование интереса к этнокультурной идентичности, этническому самосознанию. Так, региональные кинорежиссеры для формирования и сохранения этнической идентичности охотно применяют художественно-образные возможности для выражения культурных особенностей своего этноса, историческую память, «приобщение к истокам», используя культурные коды на основе фольклора (мифов, легенд), народно-поэтического творчества, экранизации сказок, повестей и рассказов народных писателей.

Киностудия «Башкортостан» стала самой молодой киностудией Советского Союза, становление которой было на заре подъема национализма, политизации религии в регионах (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.). Первой работой, вышедшей на киностудии, стала документальная лента Малика Якшимбетова «Врата свободы». В первые годы своего существования киностудией в основном снимались исторические (документальные) фильмы, посвященные событиям и известным личностям Башкортостана, истории, культуре,

¹ В Уральском политехническом институте // Советский экран журнал. 1957. № 13.

переосмыслению прошлого и настоящего всей страны [13]. Традиции исторического кино сохраняются и по сей день благодаря известному в Башкирии кинорежиссеру, создавшему киностудию «Живая лента», – Булату Юсупову. В настоящее время многие фильмы башкирских режиссеров вышли в российский массовый прокат (например, «Семья года», «Отряд Таганок», «Сестренка»).

В Татарстане в 1990-е гг. с возрождением национального самосознания были попытки делать свое национальное кино – полнометражное, короткометражное, мультипликационное и т. д. (короткометражный фильм «Искушение» режиссера И. Матурова, мультфильм «Тан Батыр» Г. Сайфутдинова, «Куктау» И. Ягафарова и т. д.), где в приоритете была съемка на татарском языке. Особое влияние на развитие и поддержку собственного кинопроизводства оказал первый Международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар», состоявшийся в Казани в 2005 году. До 2010 года татарское игровое полнометражное кино как правило не имело централизованной системы продвижения на государственном уровне, однако в дальнейшем финансовая помощь стала оказываться через госпрограммы Республики Татарстан и субсидии Министерства культуры Республики.

При этом, во многом тенденции развития кино в регионах определяют финансовые ресурсы, а особенности человеческих ресурсов отличают региональное кино от федерального [9]. Так, выход якутского кино на высокий уровень во многом связан с активной поддержкой правительства Якутии, частных фондов бизнеса, поддерживающих кинопроизводство, а также благодаря деятельности продюсеров и спонсоров. Большое значение в становлении регионального кино имеет и активная позиция самого режиссера, который может быть как выпускником ВГИК, так и просто любителем кино, самоучкой.

В последнее время широкую популярность приобрели различные кинофестивали, проходившие как на региональном, так и международном уровнях, которые вдохновили местных поклонников кино и специалистов снимать собственные региональные фильмы, а чиновников, бизнесменов и спонсоров – поддерживать их.

Большое влияние на становление регионального кинематографа в Татарстане и Башкирии оказали именно национальный театр, общественные и культурные организации, которые активно продвигали идеи сохранения этнического языка, основных традиционных ценностей, духовности через национальную литературу и драматургию. Благодаря существованию татарского и башкирского театра сохранились элементы этнической культуры – культурные коды (фольклор, народно-исторические мотивы, звуки национальных инструментов,

национальная кухня и т. д.). Например, для этнической культуры башкирского народа характерна определенная система представлений, выраженных в различных семиотических невербальных действиях – в быту, в обряде, в ритмической магии танца и пения. Так, в фильме «Бабич» мы можем увидеть этикет башкир в принятии особой позы для мужчин во время трапезы или приема гостей, обусловленные национально-культурным бытом [13].

Региональное кино (как документальное, так и художественное) имманентно связано не только с «исследованием образа жизни», но, в первую очередь, с культурой [14; 15]. В свою очередь культура, согласно интерпретативному подходу, представляет собой пространство (паутину) смыслов, а познание осуществляется через образы, символы, которые внутри нее взаимодействуют [16]. Поскольку главными механизмами восприятия этнической культуры являются символы и язык, такое восприятие – приобретение информации – может осуществляться через кино. Данный визуальный материал становится не только формой самопознания, примером утверждения своей этнической идентичности, но репрезентацией уникальности и особенности этноса. Обзор кинокартин также позволяет изучить динамику образа этнического региона как культурного конструкта. А культурная идентичность как «причастность субъекта к определенной культуре», именно к этому сообществу «с определенной культурной традицией» определяется прежде всего историческими традициями: знанием событий своей истории, литературы, культуры, уклада жизни народа, сложившихся духовных ценностей и традиций, языка [14, с. 735].

■ ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Содержательный анализ кинокартин Республики Башкирии и Татарстана позволил выделить несколько определенных черт, характерных для кинофильмов рассматриваемых регионов.

Региональное кино, имея свою культурную и этническую особенность, является для зрителя прежде всего средством коммуникации, позволяющим познать, понять и объяснить этническую идентичность уникальным художественным языком.

Зачастую региональные режиссеры сосредотачиваются на историческом прошлом, противопоставлении прошлого и настоящего, на различных формах репрезентации этнической культуры, традиций и обычаев, языка и менталитета через освещение ярких исторических событий, известных национальных личностей, образа своей малой родины, региона. Ярким примером являются татарские фильмы «Бибинур» (2010, реж. Ю. Фетинг), «Курбан-роман» (2014, реж. С. Юзеев), «Живы ли вы?!» (2021, реж.

И. Ягафаров), «Кире» (2019, реж. Р. Рашитов), «Югалту» (2012, реж. И. Ягафаров); башкирские «Бабич» (2007, реж. Б. Юсупов), «Горький мед» (2013, реж. А. Аскарлов), «Первая республика» (2019, реж. Б. Юсупов), «Дневник поэта» (2022, реж. Б. Юсупов), и др. Основными героями кинокартин являются семья, дети, старшее поколение, отвечающие за сохранение родного языка, семейных ценностей. Причем, если в башкирских фильмах такая репрезентация основана

чаще всего на истории своего региона, театра и культуры, известных личностей, народных писателей и поэтов, то в татарских большое значение уделяется религии, где героями выступают представители мусульманской религии (мулла, хазрат, абыстай).

Для контент-анализа кинокартин были выбраны только те смысловые единицы, которые отражают отношение к этнической идентичности (таблица 1 и таблица 2).

Таблица 1 – Элементы этнической идентичности в башкирском кино
Table 1 – Elements of ethnic identity in Bashkir cinema

Смысловые единицы	«Из Уфы с любовью», 2017	«Первая республика», 2019	«Сестренка», 2019	«Отряд Таганок», 2019	«Семья года», 2021	«Дневник поэта», 2022
	Частота упоминаний					
Национальная культура (театр, литература, музыка, сказки, драматургия и т.д.)	1	47		2	2	46
Башкортостан, Уфа, башкирская земля	4	25	1		7	11
Деревня, деревенский	7	3	1	7		4
Язык башкирский, башкир		6	2			1
Национальный герой (Салават)	1	1			1	1
Семья (родные, родовое гнездо)	3	2			11	1
Ислам (мусульманский, арабский, мечеть, молитва, мулла, хазрат)	2		3			1
Обычаи, традиции, обряды, праздники (Сабантуй, никах, Ураза-байрам и т. д.)	3					
Фольклор (легенда, сказка, миф)		1	7	10		
Национальная еда (чак-чак, баурсак, мед)			5			

Как мы видим из таблицы 1, важнейшую роль в сохранении этнической идентичности, основных традиционных ценностей, духовности для башкирского народа играют культурные организации, такие как *народный театр, театр оперы и балета, филармония*, а также *национальная литература и музыка, народные поэты, писатели, композиторы* («121», 2019, реж. С. Юзеев;

«Бабич», «Дневник поэта», «Первая республика» и др.). Значительный вклад в развитие искусства кино внесло творчество драматурга А.Т. Рахманкулова. В настоящее время популярны экранизации Мустая Карима («Долгое-длгое детство», 2005, реж. Б. Юсупов; «Отряд Таганок», 2019, реж. А. Аскарлов; «Сестрэнка», 2019, реж. А. Галибин).

Таблица 2 – Элементы этнической идентичности в татарском кино
Table 2 – Elements of ethnic identity in Tatar cinema

Смысловые единицы	«Семейные хлопоты», 2016	«Мулла», 2018	«Байгал», 2018	«Водяная», 2019	«Кире», 2019	«Исенмесез» («Живы ли вы?»), 2021	«Бери да помни», 2023
	Частота упоминаний						
Национальная культура (театр, литература, музыка, сказки, драматургия и т. д.)	1	1	2	8	10		
Татарстан, Казань		3	1	5	5	4	
Деревня, деревенский	3	17	1	9	1	6	1
Язык татарский, татарин	4	2		11	7	8	
Семья (родные, родовое гнездо)	1	1		1	1	21	
Ислам (мусульманский, арабский, мечеть, молитва, мулла, хазрат)	36	81		18	2	5	
Обычаи, традиции, обряды, праздники (Сабантуй, никах, Ураза-байрам, ядэч и т.д.)	2	5		5	2	2	30
Фольклор (легенда, миф)	1		9	18		1	
Национальная еда (кыстыбый, катык, буза)		1	4	2			13

В татарских фильмах этнокультурная идентичность также прослеживается через экранизацию романов и пьес известных народных писателей. Фильм «Мулла» был снят по одноименной пьесе известного татарского драматурга Туфана Миннулина, «Неотосланные письма» – экранизация популярного романа татарского писателя Аделя Кутуя. Например, фильм «Бибинур», снятый на основе произведений известного татарского писателя Аяза Гилязова, – это современная история о важности возвращения к своим историческим и национальным корням, о том, что земля предков, их язык и вера не должны быть проданы или уничтожены.

Элементом этнической самоидентификации является образ *малой родины* и более локально – *деревни*, характерной в большей степени для татар, чем для башкир. Лейтмотивом становится именно жизнь деревенских людей, к которой зачастую обращаются татарские режиссеры. Башкирские кинорежиссеры больше обращаются к культурной городской особенности республики, где чаще звучат «Башкортостан», «Башкирия», «Уфа», порой противопоставляя городскую и деревенскую жизнь.

Ключевым элементом этничности, который служит средством накопления и передачи значимой информации, является *родной язык*. Причем, как мы видим из таблиц, сохранение национального языка стоит более остро в Татарстане, чем в Башкирии. В каждом фильме обязательно звучат народные песни, которые поются не только старшим, но и молодым поколением, представлены народные сказки и легенды.

Сохранение семейных ценностей, семья как основной носитель родного языка, истории, культуры стали одной из важных тем этнического кино, особенно татарского. В башкирских фильмах раскрывается уважительное отношение к старшему поколению, в татарских – поднимаются проблемы сплоченности семьи при трудных обстоятельствах, взаимоотношений с родственниками, с татарами-кряшенами, вопросы нравственных качеств татар.

В ходе исследования было выявлено, что многие фильмы не лишены и мифологической составляющей. *Мистические элементы* (легенды, мифы, сказки) встречаются как в татарском, так и башкирском кино: татарские «Байгал» (2018, реж. И. Ягафаров), «Водяная» (2018, реж. А. Барыкин),

«Капка» (2023, реж. Ф. Давлетшин); башкирские «Етеган» (2014, реж. А. Юмагулов), «Пусть ветер унесет мои слова» (2015, реж. А. Аскарков), «Отряд Таганок» (2019, реж. А. Аскарков). Так, в основу фильма «Байгал» легла легенда о большой рыбе Байгал, найденная в татарском фольклоре и написанная известным татарским драматургом М. Гилязовым. Режиссер Алексей Барыкин написал сценарий к «Водяной», основываясь на исследованиях татарского дореволюционного ученого Каюма Насыри, который в свое время собирал татарский этнографический материал, коллекционировал различные народные сказания, сведения о мифических и языческих существах.

Через этническую идентичность, через национальные праздники и традиции вырабатывается и своя система символов, образов. В фильме «Исянмесез» («Живы ли вы?») – типичное татарское приветствие, переводится на русский язык как «здравствуйте») режиссер обращает внимание на основные составляющие национального строительства, апеллируя к общности истории, языка, культурных кодов, традиций, обычаев, менталитета [17]. В основу башкирского короткометражного фильма «Пусть ветер унесет мои слова» лег миф о материнском проклятии, которое превращает сыновей в птиц, а некоторые образы в фильме «Отряд Таганок» отсылают нас к мифологическую эпосу «Урал-батыр».

К характерным этническим особенностям татарского народа обычно относят стойкость, мастерство, трудолюбие, грамотность [18]. Но при анализе фильмов можно выделить такие черты и особенности менталитета татар, как взаимовыручка, доброта, милосердие именно деревенских жителей («Бибинур», «Бери да помни»), а также сила духа («Неотправленные письма», 2016, реж. Р. Рашитов; «Айсылу», 2017, реж. Р. Рашитов; «Мулла», 2018, реж. А. Галиаскаров, Р. Фазилиев; «Сумбуль», «Бери да помни»). Однако в некоторых современных фильмах прослеживается именно проблема отсутствия сплоченности родственников в трудных ситуациях. Например, в картинах «Живы ли вы?», «Югалту», отмечается приспособленчество, трусость, многие не хотят или боятся вступаться за родных, за деревню («*Татары – не чеченцы, драться не умеют*», «*Татары подстраиваться умеют*»). По мнению главного героя кинокартины «Живы ли вы?», довольно высокий уровень сплоченности видится именно у дагестанцев, чем у татар.

Сохранение национального языка, культуры напрямую связано *и с религией*. Религиозность в этом случае становится фактором, укрепляющим национальное самоопределение и самосознание наряду с языком, историей, культурой, музыкой, кухней и т. д., становясь частью этнической культуры и традиции. Татары, всегда воспринимавшие ислам как то, что способно наполнить

представление об идентичности, определяли религиозные различия как важный фактор, препятствовавший ассимиляции татар и способствовавший их самосохранению [19]. Как мы можем увидеть из контент-анализа, для татарского народа религия является важным объединяющим инструментом этнической идентичности. В татарских фильмах часто главными героями выступают представители ислама (мулла, хазрат), обязательно присутствие мечети, показываются молитвы, обряды свадьбы и похорон («Курбан-роман», «Кире», «Водяная», «Капка», «Мулла» и др.). В башкирском кино не так сильно значение веры, поскольку можно проследить и традиции тенгрианства («Етеган», «Белый-белый снег», 2022, реж. В. Исяндавлетов).

В региональных фильмах затрагиваются также *вопросы взаимоотношений между поколениями, родителями и детьми*. Данные темы раскрыты в татарских фильмах «Бибинур», «Кире», «Бери да помни», «Семейные хлопоты» (2016, реж. А. Барыкин), «Сумбуль» (2019, реж. Р. Маликов, Р. Фазилиев) и др., а также в башкирских: «Горький мед», «Пусть ветер унесет мои слова», «Ловец ветра», «Дикарь» (2017, реж. Ф. Утарбаева), «Внеклассный урок» (2020, реж. Р. Юлтаев), «Из Уфы с любовью» (2017, реж. А. Аскарков), «Семья года» (2021, реж. А. Аскарков) и др. Вопросы, связанные с межэтническими браками, острее стоят в татарских фильмах нежели в башкирских, поскольку тема межрелигиозных взаимоотношений часто затрагивается в Татарстане.

Региональное кино включает в себя не только элементы культуры, истории, но и такие этнические элементы, как национальные костюмы, еду, танцы и праздники. Практически в каждом башкирском и татарском фильме присутствует гармонь, в некоторых башкирских фильмах – национальный инструмент курай. Народные промыслы можно увидеть в татарской кинокартине «Водяная». Национальную еду, праздники и обряды чаще всего отображают татарские кинорежиссеры.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление регионального кино во многом связано с развитием народного (национального) театра, музыки, литературы. Зачастую основной средой кинодвижения были активисты кино клубов и любители кино, благодаря которым демонстрировались особенности исторического развития регионов, образ жизни и быта этнических поселений, культура и самобытность этнического народа.

Несмотря на то, что региональный кинорежиссер имеет свою индивидуальную идентичность, индивидуальный подход в формировании этнической идентичности, он способствует тем не менее сохранению культурных символов и образов, ориентированных на выражение интересов

определенной этнической группы. Тем самым, анализируя формирование этнической идентичности через региональное кино мы можем брать за основу как единый концепт – схожие образы, мотивы и символы (культуру, обряды, традиции), так и «индивидуальный» концепт кинорежиссера.

В ходе исследования было отмечено, что башкирские фильмы в основном посвящены истории, культуре, известным деятелям, прославлению родного языка, что в свою очередь формирует представление о национальном достоянии Башкирии. Во многих фильмах опираются на произведения башкирских прозаиков и драматургов. Зачастую кинофильмы содержат в себе презентацию местного фольклора, включающего башкирский быт, народные легенды, музыку, песни и танцы, в сочетании с красотой родного края и его колоритной историей.

Основой формирования этнической идентичности в татарских фильмах является именно отображение общности языка, культурно-бытовых особенностей и менталитета, традиций и обычаев как религиозных (Ураза-Байрам, никах и т. п.), так и этнических (Сабантуй), передающихся от поколения к поколению (внутри семьи), а также религии.

Региональное кино соединяет в себе не только художественно-поэтическое и эстетическое видение, но мораль и нравственность, культуру и историю, характерные для определенного этноса или региона. Взаимопроникновение этнических ценностей в кино, встраивание его в массовую культуру, несомненно, оказывает влияние на объективацию процессов самоидентификации.

Наличие обширного и разнообразного кинематографического материала свидетельствует о подъеме регионального кино, которое оказывает влияние на сознание своей аудитории. При этом региональный кинематограф, по нашему мнению, имеет право на существование как отдельная киноиндустрия. На федеральном уровне другие

требования к фильмам, ориентирующиеся больше на спрос. При этом поддержка региональных властей через культурную политику способствует больше не сохранению и развитию этнической идентичности, которую необходимо внедрить и инкорпорировать в сознание.

Региональное кино зачастую показывает субъективное видение идентичности и, может быть не для всех, но ее индивидуальность и особенность способствуют не только сближению и взаимному обогащению культур, но и сохранению духовного мира, универсальных общечеловеческих ценностей [20], формированию новых идей и смыслов социальной реальности. В отличие от советского и перестроечного кино, когда в основном применялся репрезентативный подход, региональное кино должно сохранить диалогическую природу, где культура и традиции, сохранившиеся в этнических регионах, становятся результатом процессов, происходящих в сознании субъекта культуры, выражающихся в том числе и в кинообъектах.

Региональный кинематограф вполне можно рассматривать как некий индикатор, фиксирующий как наличие, так и изменения идентичности. Так, анализ кинокартин Республик Татарстан и Башкортостан показывает вовлеченность этничности в различные практики, связанные с развитием региональной киноиндустрии. С одной стороны, кино – это прежде всего искусство, которое скорее не отражает реальность, а продолжает ее. С другой – кино создает образы и представляет публике реальность через призму восприятия режиссера и сценариста. И это может быть совсем не продолжение, а полное переосмысление и переконструирование. Для дальнейшего исследования данной темы актуальна феноменологическая парадигма, когда оценивается не реальность отражения событий, явлений, фактов в кино, а восприятие их зрителями, конструирование своего «жизненного мира».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зубкевич Л. А. Этнос как форма организации коллективной жизни людей (философско-методологический анализ этнографических / этнологических / антропологических концептов «этнос») // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24. № 4. С. 52–60. DOI 10.24147/1812-3996.2019.24 (4).52-60. EDN QNKQXB.
2. Мусина Р. Религиозное возрождение или конфессионализация сознания: к вопросу современной религиозной ситуации у татар // Россия и мусульманский мир. 2010. № 7. С. 51–55. EDN MTHQKZ.
3. Разлогов К. Э. Кинематограф в парадигме когнитивистики и нейропсихологии: на пути к нейрокино // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6. С. 314–319. DOI 10.24411/1813-145X-2018-10258. EDN YUIWGD.
4. Абрамцева Е. Г. Философия Феликса Гваттари как творчество «концептов» // Право и практика. 2024. № 4. С. 205–208. DOI 10.24412/2411-2275-2024-4-205-208 EDN RZKNKM.
5. Дробижева Л. А. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31. EDN YHTCAN.
6. Головнёв А.В. Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1. С. 83-91. EDN PZTDXJ.
7. Коротков В. Е. Социокультурная детерминация знания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 4. С. 5-10. EDN OFTTQV.
8. Кранк Э. О. Национальный кинематограф и национальный менталитет // Этническая культура

- тура. 2020. № 1 (2). С. 21–25. DOI 10.31483/r-75040. EDN XMSPFO.
9. Левченко Н. В., Роговая А. В. Особенности кинематографа российских регионов: конструирование социальных смыслов // *Артикульт.* 2023. № 4 (52). С. 72–86. DOI 10.28995/2227-6165-2023-4-72-86. EDN HRGBFQ.
 10. Дорошук Е. С., Байрактар М. Х. Исторические аспекты и динамика развития национального кинематографа регионов России в контексте этнодокументалистики (на материале республики Татарстан) // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2021. № 5 (107). С. 144–149. DOI 10.23670/IRJ.2021.107.5.092. EDN GZOECS.
 11. Головнёв И. А. Феномен советского этнографического кино (творчество А. А. Литвинова). М. : ИЭА РАН, 2018. 216 с. ISBN 978-5-8295-0491-5. EDN LFCNJS.
 12. Данилко Е. С. Кино и танцы. Два фильма из архива Института этнологии и антропологии РАН // *Сибирские исторические исследования.* 2020. № 4. С. 33–59. DOI 10.17223/2312461X/30/3. EDN LTKFQQ.
 13. Гейт М. В. Башкирский театр и кино как способ выражения культуры башкирского народа. Тезисы XLV Научно-практической конференции студентов «Мир культуры глазами молодых исследователей» [21–23 мая 2020 года]. 2 часть. Пермь : Пермский гос. ин-т культуры, 2020. С. 68–70. EDN GJGTKY.
 14. Таньчева И. В. Этнокультурная идентичность субъекта // *Этнокультурное образование в современном мире: сб. науч. ст. М. : Перо, 2017. С. 733–737. EDN YMOKTH.*
 15. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с. ISBN 5-8243-0474-2. EDN QOCQVP.
 16. Ставицкая Е. А. Диалогическая концепция культуры // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2015. № 5. С. 117–121. EDN TVVNAF.
 17. Абикиева Г. О. Современное татарское кино: маркеры самоидентификации. В сборнике: «Свое» и «чужое» в современном художественном сознании: литература и кино. Материалы XII Международной научной конференции по эстетике экранизации. Москва, 2022. С. 5–12. EDN AMGXAQ.
 18. Этнография татарского народа / науч. ред. Д. М. Исхаков. Казань : Магариф, 2004. 287 с. EDN SDJQNZ.
 19. Косач Г. Татарстан: религия и национальность в массовом сознании // *Россия и мусульманский мир.* 2008. № 1. С. 65–74. EDN IIQPMF.
 20. Ситников А. В., Романов М. В., Фасхудинов Р. Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан) // *Социологические исследования.* 2022. № 3. С. 120–134. DOI 10.31857/S013216250015844-1. EDN BNPAKO.

REFERENCES

1. Zubkevich, L. A. (2019) Ethnos as a form of organization of collective people's life (philosophical and methodological analysis of ethnographic / ethnological / anthropological concepts «ethnos»). *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 24 (4), pp. 52–60. [https://doi.org/10.24147/1812-3996.2019.24\(4\).52-60](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2019.24(4).52-60). <https://elibrary.ru/qnkqxb>.
2. Musina, R. (2010) Religious revival or confessionalization of consciousness: on the issue of the modern religious situation among the Tatars. *Rossiya i musulmanskiy mir*, 7, pp. 51–55. <https://elibrary.ru/mthqkz>.
3. Razlogov, K. E. (2018) Cinema in the paradigm of cognitive science and neuropsychology: towards neurocinema. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2018, 6, pp. 314–319. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10258>. <https://elibrary.ru/yuiwgd>.
4. Abramtseva, E. G. (2024) Felix Guattari's philosophy as a creation of “concepts”. *The law and practice*, 4, pp. 205–208. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-4-205-208>. <https://elibrary.ru/rznkvm>.
5. Drobizheva, L. A. (2017) National identity as a means of reducing ethnic negativism. *Universe of Russia*, 26 (1), pp. 7–31. <https://elibrary.ru/yhtcah>.
6. Golovnev, A.V. (2011) Anthropology plus cinema. *Culture and art*, 1, pp. 83–91. <https://elibrary.ru/pztdxj>.
7. Korotkov, V. E. (2011) The sociocultural determination of knowledge. *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 4, pp. 5–10. <https://elibrary.ru/ofttqv>.
8. Krank, E. O. (2020) National Cinematograph and National Mind-Set. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 1 (2), pp. 21–25. <https://doi.org/10.31483/r-75040>. <https://elibrary.ru/xmspfo>.
9. Levchenko, N. V., Rogovaya, A. V. (2023) “Features of cinematography in Russian regions: construction of social meanings.” *Articult*, 4, pp. 72–86. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2023-4-72-86>. <https://elibrary.ru/hrgbfq>.
10. Doroshchuk, E. S., Bayraktar, M. H. (2021) Historical aspects and dynamics of the development of the national cinema of the Russian regions in the context of ethnic documentary filmmaking (based on the materials of the Republic of Tatarstan). *Research journal of international studies*, 5-3, pp. 144–149. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.107.5.092>. <https://elibrary.ru/gzoecz>.

11. Golovnev, I. A. (2018) The phenomenon of Soviet ethnographic film (Alexandr Litvinov's creativity). Moscow, Publ. IEA RAS, 226 p. <https://elibrary.ru/lfcnjc>.
12. Danilko, E. S. (2020) Cinema and dance. Two films from the archives of the institute of ethnology and anthropology, Russian academy of sciences. *Journal of Siberian historical research*, 4, pp. 33–59. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/3>. <https://elibrary.ru/ltkfqq>.
13. Gate, M. V. (2020) Bashkir theater and cinema as a way of expressing the culture of the Bashkir people. Abstracts of the XLV Scientific and Practical Conference of students «The World of Culture through the eyes of young researchers», May 21–23, 2020. Part 2. Perm, Publ. Perm State Institute of Culture, pp. 68–70. <https://www.elibrary.ru/gjgtky>.
14. Tancheva, I. V. (2017) Ethnocultural identity of the subject. Ethnocultural education in the modern world. Moscow, Publ. Pero, pp. 733–737. <https://elibrary.ru/ymokth>.
15. Geertz, K. (2004) Interpretation of cultures. Moscow, Publ. ROSSPEN, 559 p. <https://elibrary.ru/qocqvp>.
16. Stavitskaya, E. A. (2015) Dialogical theory of culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5, pp. 117–121. <https://elibrary.ru/tvvnaf>.
17. Abikeeva, G. O. (2022) Modern Tatar cinema: markers of self-identification. «One's own» and «someone else's» in the modern artistic consciousness: literature and art. Materials of the XII International Scientific Conference on the Aesthetics of film Adaptation. Moscow, pp. 5–12. <https://elibrary.ru/amgxaq>.
18. Ethnography of the Tatar people (2004). Kazan, Publ. Magarif, 287 p. <https://elibrary.ru/sdjqnz>.
19. Kosach, G. (2008) Tatarstan: religion and nationality in the mass consciousness. *Rossia i musul'manskij mir*, 1, pp. 345–391. <https://www.elibrary.ru/iiqpmf>.
20. Sitnikov, A. V., Romanov, M. V., Faskhudinov, R. R. (2022) National and religious identities: the experience of interconnection analysis (on the example of research in the republic of Tatarstan). *Sociologicheskie issledovaniya*, 3, pp. 120–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>. <https://www.elibrary.ru/bnpako>.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА**

PUBLIC ADMINISTRATION
and CIVIL SERVICE

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С. Г. Камолов ^a, Д. Б. Алексеев ^b, Н. Д. Александров ^c

^a Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
(Москва, Россия)

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Москва, Россия)

^c Автономная некоммерческая организация «Институт сравнительных исследований умных городов»
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. В настоящее время активно ведется разработка новых стандартов управления передовыми технологическими решениями, в том числе технологиями искусственного интеллекта. В условиях высокотехнологичной парадигмы управления вопрос стандартизации приобретает особую значимость с точки зрения обеспечения единой методологической базы и подходов к развитию технологий в кросс-функциональных областях. Технологическая повестка современных организаций постоянно насыщается, что требует соответствующей управленческой адаптации и стандартизации, что ставит вопрос о перспективе интеграции технологических и управленческих семейств стандартов вокруг единого методологического ядра. Цель данного исследования – определить возможные направления конвергенции управленческих и технологических стандартов для действующих и формирующихся систем управления, основанных на интенсивном применении технологий.

Материалы и методы. В статье используются общенаучные методы исследования, такие как сравнительный анализ, синтез, проектирование, причинно-следственный анализ, а также индуктивный подход. Исследование развивает отдельные положения высокотехнологичной парадигмы управления. Информационную базу исследования составили стандарты Международной организации по стандартизации (ISO), соответствующие национальные стандарты Российской Федерации, а также научно-исследовательские работы по изучаемой теме.

Результаты. Результаты проведенной работы свидетельствуют о высокой степени нормативной методологической регламентации технологической среды на современном этапе и, как следствие, необходимости гармонизации стандартов в высокотехнологичных аспектах. В рамках проведенного исследования определены направления конвергенции и предложен подход к интеграции управленческих стандартов на основе общих методологических конструкций с целью повышения качества и эффективности бизнес-процессов современных организаций. Новизна исследования состоит в определении направлений дальнейшего методологического развития управленческих и технологических стандартов на основе принципа конвергенции.

Обсуждение. Полученные результаты представляют ценность с точки зрения систематизации групп стандартов, наиболее востребованных в условиях цифровой трансформации и разработки подходов к оптимизации управленческих механизмов в технологически насыщенных организационных структурах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стандарты ISO, информационные технологии, искусственный интеллект, управление качеством, процессы управления, инновационное развитие.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сбора, обработки и анализа данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© С. Г. Камолов, Д. Б. Алексеев, Н. Д. Александров, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Камолов С. Г., Алексеев Д. Б., Александров Н. Д. Особенности интеграции управленческих и технологических стандартов в условиях цифровой трансформации // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 99–116. EDN AKTBVQ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Камолов Сергей Георгиевич – доктор экономических наук, доцент; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76) – профессор кафедры управления активами; s.kamolov@inno.mgimo.ru. AuthorID: 837392, ORCID: 0000-0003-1144-4486, ScopusID: 57195267672, ResearcherID: G-2191-2016.

Алексеев Денис Борисович – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82) – проректор; alekseev-db@ranepa.ru. AuthorID: 141979, ORCID: 0000-0003-0945-072.

Александров Никита Дмитриевич – кандидат экономических наук; Автономная некоммерческая организация «Институт сравнительных исследований умных городов» (101000, Россия, Москва, ул. Лубянка М., 16) – аналитик; nikitaalex00@gmail.com. AuthorID: 1159657, ORCID: 0000-0002-8659-764X, ScopusID: 57565848100.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 12.01.2025; рецензия получена: 23.03.2025; принята к публикации: 25.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

MANAGEMENT AND TECHNOLOGICAL STANDARDS INTEGRATION FEATURES IN THE DIGITAL TRANSFORMATION CONTEXT

S. G. Kamolov ^a, D. B. Alekseev ^b, N. D. Aleksandrov ^c

^a Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russia)

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)

^c Autonomous Non-Commercial Organization
“Smart Cities Comparative Study Institute»
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. Currently, new standards for managing advanced technological solutions, including artificial intelligence technologies, are being actively developed. In the context of a high-tech management paradigm, the issue of standardization is of particular importance in terms of ensuring a unified methodological base and approaches to the development of technologies in cross-functional areas. The technological agenda of modern organizations is constantly becoming more saturated, which requires appropriate management adaptation and standardization, which raises the question of the prospects for integrating technological and management families of standards around a single methodological core. The purpose of this study is to determine possible areas of convergence of management and technological standards for existing and emerging management systems based on the intensive use of technologies.

Materials and methods. The article uses general scientific research methods, such as comparative analysis, synthesis, design, cause-and-effect analysis, as well as an inductive approach. The study develops individual provisions of the high-tech management paradigm. The information base of the study consisted of the standards of the International Organization for Standardization (ISO), the corresponding national standards of the Russian Federation, as well as research papers on the topic under study.

Results. The results of the work indicate a high degree of normative methodological regulation of the technological environment at the present stage and, as a consequence, the need to harmonize standards in high-tech aspects. The conducted study identified the directions of convergence and proposed an approach to the integration of management standards based on common methodological constructs in order to improve the quality and efficiency of business processes in modern organizations. The novelty of the study lies

in determining the directions for further methodological development of management and technological standards based on the principle of convergence.

Discussion. The obtained results are valuable in terms of systematizing the groups of standards that are most in demand in the context of digital transformation and developing approaches to optimizing management mechanisms in technologically intensive organizational structures.

KEYWORDS

ISO standards, information technology, artificial intelligence, quality management, management processes, innovative development.

FOR CITATION

Kamolov, S. G., Alekseev, D. B., Aleksandrov, N. D. (2025) Management and Technological Standards Integration Features in the Digital Transformation Context. *Management Issues*, 19 (2), 99–116. <https://elibrary.ru/aktbbq>.

AUTHORS' INFORMATION

Sergey G. Kamolov – Doctor of Economics, Associate Professor; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (119454, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 76) – *Professor, Department of Asset Management*; s.kamolov@inno.mgimo.ru. AuthorID: 837392, ORCID: 0000-0003-1144-4486, ScopusID: 57195267672, ResearcherID: G-2191-2016.

Denis B. Alekseev – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 82) – *Vice-Rector*; alekseev-db@ranepa.ru. AuthorID: 141979, ORCID: 0000-0003-0945-072.

Nikita D. Aleksandrov – Cand. Sc. (Economics); Autonomous Non-Commercial Organization «Smart Cities Comparative Studies Institute» (101000, Russia, Moscow, Lubyanka St. M., 16) – *analyst*; nikitaalex00@gmail.com. AuthorID: 1159657, ORCID: 0000-0002-8659-764X, ScopusID: 57565848100.

The authors declare that they have no conflict of interest.

The article was submitted 12.01.2025; reviewed 23.03.2025; accepted for publication 25.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

В современном мире стремительное развитие технологий и глобализация ставят перед организациями новые вызовы в области управления качеством и стандартизации. Информационные технологии и искусственный интеллект стали неотъемлемыми компонентами успешных бизнес-стратегий, которые обеспечивают не только рост эффективности процессов, но и создание инновационных решений для удовлетворения потребностей клиентов [1]. Однако с ростом возможностей возникают и сложности, связанные с необходимостью разработки единой управленческой методологии и стандартизации в целях сбалансированного и устойчивого технологического развития [2].

Обеспечение единства подходов в области качества управления, информационных технологий и искусственного интеллекта становятся ключевыми задачами для обеспечения целостности и согласованности практик в этих сферах [3]. Настоящее исследование посвящено актуальным вызовам и преимуществам интеграции стандартов, исследованию существующих подходов и инициатив, а также формированию рекомендаций по конвергенции стандартов, способствующих повышению качества управления в технологически насыщенной среде.

Текущий ландшафт управленческих стандартов, включая стандарты качества, охватывает широкий спектр подходов и практик, применяемых в различных организациях для повышения эффективности и достижения бизнес-целей. Международной организацией по стандартизации (ISO) было разработано множество стандартов, охватывающих разные аспекты управления. Наиболее известный и применяемый в современной практике стандарт – ISO 9001, который устанавливает требования к системам менеджмента качества [4]. Данный документ фокусируется на обеспечении удовлетворенности клиентов и постоянном улучшении внутренних процессов организации. Семейство стандартов ISO 9000 имеет долгую историю развития, отражающую изменение и развитие рыночных требований к обеспечению качества (рисунок 1). В дополнение к ISO 9001 существует несколько популярных управленческих методологий, таких как Lean, Six Sigma и Total Quality Management (TQM). Эти подходы фокусируются на устранении потерь, повышении эффективности и постоянном улучшении качества продукции и услуг. Управление качеством требует регулярного анализа и оценки процессов. Стандарты, например, ISO 19011, предоставляют рекомендации по аудиту систем управления, что позволяет организациям

оценивать эффективность и соответствие установленным требованиям [5]. Все больше организаций стремятся интегрировать принципы устойчивого развития в свои управленческие

практики. Стандарты, такие как ISO 14001 (экологическое управление), становятся важными в свете глобальных вызовов, связанных с экологиями и социальной ответственностью.

Рисунок 1 – История развития стандартов семейства ISO 9000

Figure 1 – ISO 9000 standards' development history

Стандартизация в области информационных технологий характеризуется высокой степенью проработанности, разнообразием и динамичностью, что обусловлено быстрым развитием технологий и потребностями организаций. Существуют несколько ключевых категорий и направлений стандартов, которые помогают организациям обеспечивать качество, безопасность и совместимость ИТ-решений. Важную роль играют такие основополагающие стандарты, как ISO/IEC 27001, регулирующий управление информационной безопасностью, и ISO/IEC 20000, касающийся управления ИТ-услугами. В последние годы наблюдается растущий интерес к стандартам в области управления данными и их анализа. Примеры таких стандартов включают DAMA-DMBOK (Data Management Body of Knowledge) и ISO/IEC 25012, которые направлены на управление качеством данных и их интеграцию [6]. Еще одним важным направлением является стандартизация в сфере разработки программного обеспечения. Использование современных практик (DevOps) и рекомендаций по управлению ИТ (например, ITIL) стало основой для создания методологий и подходов, которые помогают ускорить процессы разработки и улучшить качество ИТ-продуктов [7].

В условиях цифровой трансформации особое внимание уделяется внедрению новых управленческих стандартов, учитывающих гибкие методологии (agile). Такой подход помогает организациям адаптироваться к изменениям рынка и ускорять процессы разработки и внедрения продуктов. Кроме того, стоит отметить растущий интерес к стандартам в области искусственного интеллекта. Комитеты и подкомитеты ISO,

такие как ISO/IEC JTC 1/SC 42, нацелены на разработку нормативов для этичного и безопасного использования ИИ.

Так, современный этап технологического развития характеризуется несколькими важными особенностями с точки зрения стандартизации основных объектов управления:

- глобализация стандартов – стандарты разрабатываются на международном уровне, что позволяет обеспечить совместимость и интероперабельность продуктов и услуг на глобальном рынке;

- ускорение инноваций – быстрые изменения в технологиях требуют более гибких стандартов, которые могут служить руководством по быстрой адаптации к новым условиям и требованиям;

- акцент на устойчивом развитии – все больше внимания уделяется экологическим аспектам и социальной ответственности в стандартах, что отражает современные глобальные тренды;

- внедрение цифровых технологий – разработка стандартов для новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей, становится приоритетной задачей;

- вовлеченность заинтересованных сторон – в разработке стандартов активно участвуют профильные организации, государственные органы, научные учреждения и потенциальные клиенты, что обеспечивает более широкий и разнообразный взгляд на требования рынка [8];

- важность гибкости и адаптивности – стандарты должны быть адаптивными, чтобы быстро реагировать на изменения в технологиях и потребностях пользователей.

Эти особенности показывают, что стандартизация играет ключевую роль в обеспечении

устойчивого и гармоничного технологического развития. Ландшафт управленческих стандартов постоянно меняется, отражая требования времени, новые технологии и потребности бизнеса. Организациям необходимо отслеживать изменения и адаптироваться к новым стандартам для достижения конкурентного преимущества. На международном и локальном уровне появляется всё больше инициатив, направленных на разработку кросс-дисциплинарных стандартов, которые объединяют качество управления. Это позволяет организациям внедрять инновации более эффективно и управлять рисками в различных сферах [9].

Особо актуальным становится аспект гибкости и адаптивности стандартов. Современный этап стандартизации в области управления и технологий становится более комплексным, охватывающим широкий спектр вопросов и направлений, что помогает компаниям более эффективно справляться с вызовами цифровой экономики [10; 11]. В то же время наблюдается широкое разнообразие стандартов и объектов стандартизации, а также отсутствие эксплицитной взаимосвязи между управленческими и технологическими стандартами, что может создавать дополнительные трудности и риски некорректной адаптации таких стандартов на практике [12].

Настоящее исследование направлено на определение основных тенденций развития управленческих стандартов и проверку возможности конвергенции управленческих и технологических стандартов на основе выявленного общего структурно-методологического ядра.

Теоретическая значимость исследования заключается в насыщении существующих пробелов в научной литературе относительно методологических подходов к стандартизации на пересечении технологических и управленческих аспектов. Кроме того, с точки зрения развития современной теории управления, в статье предлагается концептуальная модель, описывающая взаимодействие и дальнейшее развитие управленческих стандартов в технологических доменах, что создаст основу для дальнейших исследований в этой области и разработки новых теоретико-методологических положений. Полученные авторами результаты исследования могут быть использованы профильными организациями в рамках пилотной адаптации новых методологий управления современными технологиями.

С практической точки зрения полученные авторами результаты представляют значительную ценность для оптимизации процессов технологической интеграции. Проведённый анализ позволяет выработать рекомендации по согласованию и объединению различных управленческих и технологических стандартов, что способствует более

слаженному внедрению инноваций и цифровых решений в организации. Это, в свою очередь, облегчает адаптацию организаций к новым требованиям цифровой среды и обеспечивает более эффективное применение стандартов в реальных бизнес-процессах.

Конвергенция стандартов способствует унификации подходов к контролю качества, что в свою очередь улучшает предоставляемые услуги в области информационных и инновационных технологий. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий, способствующих устойчивому развитию организаций за счет более гармоничного использования стандартов управления качеством и технологическим развитием.

Таким образом, проведенное исследование обладает как теоретической, так и практической значимостью для современного этапа управления в условиях цифровой трансформации и массового внедрения инновационных технологий.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для целей проведения настоящего исследования авторами были выбраны четыре основных домена для анализа профильных стандартов: управление (общие аспекты качества менеджмента), информационные технологии (как базовые стандарты для большинства технологических решений), искусственный интеллект (в качестве наиболее распространенного перспективного направления развития технологий) и умный город (инновационная среда, объединяющая в себе управленческие и технологические аспекты). В каждом из доменов в качестве объектов для анализа были отобраны основные стандарты, регламентирующие ключевые неспециализированные методологические аспекты управления. При анализе стандартов ISO использовались как оригинальные тексты стандартов на английском языке, так и национальные стандарты Российской Федерации, представляющие соответствующую адаптацию международных стандартов.

Домен «Управление» представляет собой набор стандартов, которые регламентируют структурирование и улучшение процессов в организации, что, в свою очередь, способствует достижению стратегических целей [13; 14]. Перечень таких стандартов представлен в таблице 1.

В домене «Информационные технологии» представлен набор стандартов, регламентирующих методологию обеспечения качества и безопасности при разработке и использовании информационных технологий, а также методологии и профильные практики по управлению ИТ-услугами [15]. Перечень стандартов данного домена представлен в таблице 2.

Таблица 1 – Описание стандартов домена «Управление»
Table 1 – Governance domain standards' description

Стандарт/методология	Описание
ISO 9001	Стандарт систем менеджмента качества, который помогает организациям улучшить качество своих продуктов и услуг и повысить удовлетворенность клиентов
ISO 10001	Стандарт, охватывающий практики обеспечения удовлетворенности клиентов путем эффективной коммуникации и управления рисками
ISO 14001	Стандарт для систем экологического менеджмента, который представляет руководство по снижению воздействия на окружающую среду
ISO 22301	Стандарт управления непрерывностью бизнеса, который помогает организациям подготовиться к авариям и поддерживать функционирование в кризисных ситуациях
ISO 26000	Руководство по социальной ответственности
ISO 31000	Стандарт по управлению рисками, который предоставляет принципы и рекомендации по внедрению процессов управления рисками на всех уровнях организации
PMBOK (Project Management Body of Knowledge)	Набор стандартов и лучших практик для управления проектами
CMMI (Capability Maturity Model Integration)	Модель для совершенствования процессов и улучшения основных показателей развития организаций
Balanced Scorecard	Метод управления, который помогает организациям измерять, анализировать и улучшать свою стратегию, оценивая не только финансовые показатели, но и другие аспекты деятельности

Источник: составлено авторами

Таблица 2 – Описание стандартов домена «Информационные технологии»
Table 2 – IT domain standards' description

Стандарт/методология	Описание
ISO/IEC 20000	Стандарт, касающийся управления ИТ, который определяет требования к системам управления ИТ-услугами
ISO/IEC 25010	Стандарт, касающийся качества программного обеспечения и систем, который определяет модель качества и влияющие на него характеристики
ISO/IEC 27001	Стандарт управления информационной безопасностью, который описывает требования к системе управления и базовые элементы защиты данных
ISO/IEC 38500	Стратегическое управление ИТ в организации с точки зрения корпоративной культуры и ценностей
COBIT/ITIL/ITSM/MOF	Стандарты и руководства по управлению ИТ-услугами, управлению изменениями, связанными с ИТ, а также аудиту ИТ в организациях

Источник: составлено авторами на основе [16]

Домен «Искусственный интеллект» представлен стандартами, которые направлены на обеспечение безопасности, качества и этики применения, разработки и использования технологий ИИ в различных сферах, а также разработку

подходов к идентификации и минимизации потенциальных рисков, связанных с применением ИИ [17]. Перечень стандартов данного домена представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Описание стандартов домена «Искусственный интеллект»
Table 3 – AI domain standards' description

Стандарт/методология	Описание
ISO/IEC 23894	Стандарт, разработанный с акцентом на подходы к обеспечению прозрачности и подотчетности применения ИИ с целью повышения доверия пользователей к данной технологии.
ISO/IEC 42000	Руководство по системе управления технологиями ИИ для обеспечения максимальной выгоды для организации
ISO/IEC 8183	Стандарт, определяющий этапы и циркулирующие в рамках каждого из них данные на протяжении всего жизненного цикла ИИ-технологий
IEEE P7000	Стандарт устанавливает набор процессов, с помощью которых организации могут учитывать этические ценности на всех этапах исследования и разработки концепции ИИ
OECD principles on AI	Принципы, разработанные Организацией экономического сотрудничества и развития, направленные на безопасность и оценку целесообразности использования ИИ
W3C AI Standards	Группа стандартов, охватывающих вопросы семантики и доступности данных для ИИ

Источник: составлено авторами на основе [18]

В качестве завершающего домена был выбран «Умный город» как интегрированная технологическая среда, сочетающая в себе инновационный менеджмент, ИТ и инфраструктурные аспекты, а

также общие управленческие вопросы в условиях цифровой трансформации [19]. Перечень стандартов, регламентирующих развитие умных городов, представлен в таблице 4.

Таблица 4 – Описание стандартов домена «Умный город»
Table 4 – Smart city domain standards' description

Стандарт/методология	Описание
ISO 37100	Словарь терминов умных городов
ISO 37101	Стандарт, который фокусируется на управлении устойчивым развитием и внедрении умных технологий в городской среде для обеспечения устойчивости и повышения качества жизни граждан
ISO 37106	Руководство по созданию моделей функционирования умных городов для устойчивых сообществ
ISO 37120	Стандарт, который определяет индикаторы для устойчивого развития городов и служит основой для измерения качества жизни и удовлетворенности граждан
ISO 37122	Стандарт, содержащий индикаторы для умных городов, которые помогают оценивать эффективность и устойчивость различных городских систем

Источник: составлено авторами на основе [20]

С учетом поставленной цели исследования авторами был проведен анализ существующих научных публикаций, отчетов и материалов профильных организаций по стандартизации для определения текущего состояния, проблем и тенденций стандартизации в каждом из доменов. Путем применения метода контентного анализа были исследованы тексты перечисленных выше стандартов с целью выявления ключевых тем, понятий и категорий. Этот метод, в первую очередь, позволил установить зоны «пересечения» областей

регулирования, встречающихся в стандартах и определить, в каких элементах присутствуют дублирования. В завершение был проведен сравнительный анализ различных стандартов в выбранных доменах на предмет их содержания, применения и эффективности. Это помогло авторам смоделировать возможные направления развития стандартизации в каждом домене, а также определить потенциал для реструктуризации и объединения уже действующих стандартов. Результаты первичной структуризации представлены на рисунке 2.

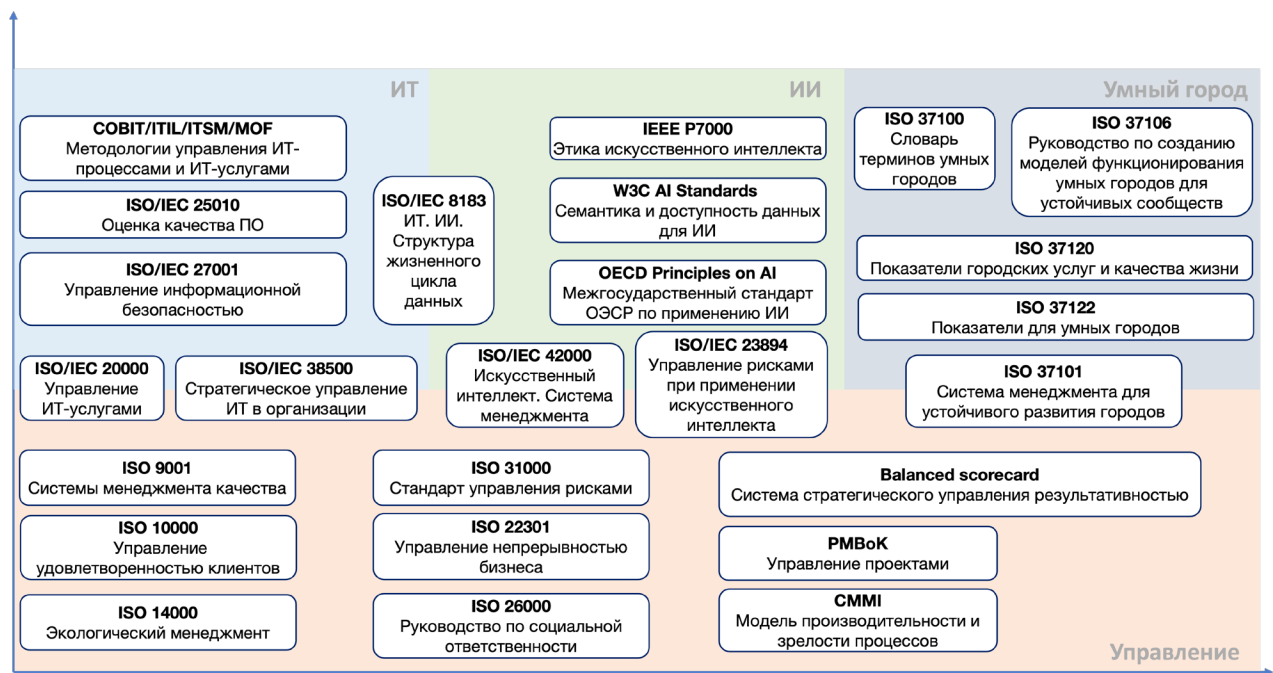

Рисунок 2 – Текущий ландшафт стандартизации технологий
Figure 2 – Current technology standardization framework

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Как следует из первичной структуризации стандартов в выбранных доменах (рисунок 2) ряд стандартов Международной организации по стандартизации и стандартов Международной электротехнической комиссии относятся как к домену «управление», так и профильным доменам. Такие стандарты представляют собой руководство по интеграции управленческих процессов с конкретными профильными аспектами деятельности (направлениями внедрения технологий), что позволяет организациям повышать эффективность выполнения различных функций в зависимости от стратегической повестки. К таким стандартам относятся:

- «Управление ИТ-услугами» (ISO/IEC 20000) – стандарт фокусируется на управлении услугами и их качеством, что подразумевает интеграцию управленческих процессов в технические аспекты, связанные с предоставлением ИТ-услуг;

- «Стратегическое управление ИТ в организации» (ISO/IEC 38500) – стандарт задает вектор и определяет направления влияния процессов управления ИТ в организации на стратегические и бизнес-цели. Стандарт предполагает в том числе интеграцию ИТ-стратегии организации с бизнес-стратегией [21];

- «Управление системами на основе ИИ» (ISO/IEC 42000) – стандарт формирует требования к разработке, внедрению, поддержке и постоянному совершенствованию информационных систем на базе технологии ИИ. Стандарт предполагает четкую взаимосвязь с процессами управления, т.к. его цель состоит не только в обеспечении

руководства по использованию ИИ для бизнес-целей, но и в обеспечении «ответственной разработки и использования» таких систем [22];

- «Управление рисками при внедрении ИИ» (ISO/IEC 23894) – стандарт касается управления рисками, что связано с управлением на высшем уровне, а также формирует рекомендации по интеграции существующих практик и процессов управления рисками в инициативы, связанные с внедрением ИИ-технологий [23];

- «Система менеджмента для устойчивого развития городов» (ISO 37101) – данный стандарт ориентирован на устойчивое управление городами и территориями, устанавливает требования к интеграции управленческих процессов и профильных отраслевых функций в рамках планирования и реализации «устойчивых инициатив» на уровне городов [24].

В целях определения перспектив дальнейшего развития стандартизации в рассматриваемых доменах и формирования предложений по интеграции действующего ландшафта стандартов, авторами в качестве следующего этапа был проведен анализ структуры и содержания выбранных стандартов, а также их сравнение с типовой структурой стандарта ISO. Типовая структура стандарта ISO представляет собой унифицированный подход к разработке и организации стандартов, который гарантирует единообразие и совместимость различных документов [25]. Для целей настоящего исследования типовая структура сформулирована на основе ключевых управленческих стандартов (ISO 9001, ISO 14001). Из данной типовой структуры исключены разделы «Предисловие»,

«Введение», «Область применения» и «Приложение», т.к. данные структурные элементы встречаются в каждом из рассматриваемых стандартов или не несут значимости для целей настоящего исследования.

Структурный анализ и сравнение с типовой структурой стандартов, относящихся к домену «Управление», представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Структурный анализ стандартов домена «Управление»
Table 5 – Governance domain standards' structural analysis

Типовая структура стандарта ISO	Стандарты домена «Управление»					
	ISO 9001	ISO 10000	ISO 14001	ISO 31000	ISO 22301	ISO 26000
Нормативные ссылки	+	+	+	+	+	–
Термины и определения	+	+	+	+	+	–
Среда организации	+	–	+	+	+	–
Лидерство	+	–	+	–	+	–
Планирование	+	–	+	–	+	–
Средства обеспечения	+	–	+	–	+	–
Деятельность (процессы, необходимые для достижения целей)	+	+	+	+	+	+
Оценка результативности	+	–	+	–	+	–
Улучшение	+	–	+	–	+	–

Источник: составлено авторами

Как следует из приведенных выше данных, стандарты серии ISO 10000, ISO 26000 и ISO 31000 не соответствуют типовой структуре, что объясняется рядом причин. ISO 10000 представляет собой серию стандартов, касающихся управления качеством, но его структура более специфична для конкретных тем (взаимоотношения с клиентами), а не организационного управления в целом. Такая специфика включает в себя ряд рекомендаций и принципов, которые не всегда следуют той же унифицированной структуре. ISO 26000 является руководством и предоставляет рекомендации по социальным, этическим и экологическим аспектам. Стандарт не предполагает сертификации и не устанавливает требований, а скорее служит основой для внедрения принципов социальной ответственности, что также подразумевает отступление от типичной структуры. Семейство стандартов ISO 31000 посвящено управлению рисками и фокусируется на принципах и руководстве по управлению рисками, что требует более гибкого и адаптивного подхода. Стандарт не устанавливает требований, характерных для типовых стандартов, и в большей степени ориентирован на практические рекомендации по управлению рисками в организации [26].

Структурный анализ и сравнение с типовой структурой стандартов, относящихся к домену «ИТ», представлены в таблице 6.

Указанные выше стандарты в первую очередь отличаются ярко выраженной технической направленностью, т.е. регламентируют специфические особенности внедрения информационных технологий. ISO/IEC 20000 касается управления ИТ-услугами и ориентирован на конкретные процессы и практики в области ИТ. Его содержание адаптировано под особенности управления ИТ-услугами, что требует иной структуры, чем типовая. Стандарт ISO/IEC 25010 определяет модель качества программного обеспечения, включая ключевые характеристики. Он фокусируется на качестве, специфичных для ПО, и не следует типичному подходу, основанному на процессе или системе управления [26]. ISO/IEC 38500 направлен на формирование принципов стратегического управления ИТ в организации и носит более рекомендательный характер, что делает его структурно отличным от типового. ISO/IEC 8183, в свою очередь, охватывает специфические аспекты управления данными при внедрении ИТ- и ИИ-решений. Его содержание и формат могут варьироваться в зависимости от потребностей и специфики системы, в которой циркулируют и обрабатываются данные.

Анализ и сравнение с типовой структурой стандартов, относящихся к домену «Искусственный интеллект», представлены в таблице 7.

Таблица 6 – Структурный анализ стандартов домена «Информационные технологии»**Table 6** – IT domain standards' structural analysis

Типовая структура стандарта ISO	Стандарты домена «Информационные технологии»				
	ISO/IEC 20000	ISO/IEC 25010	ISO/IEC 27001	ISO/IEC 38500	ISO/IEC 8183
Нормативные ссылки	+	+	+	+	+
Термины и определения	+	+	+	+	+
Среда организации	+	–	+	+	–
Лидерство	–	–	+	+	–
Планирование	–	–	+	–	–
Средства обеспечения	–	–	+	–	+
Деятельность (процессы, необходимые для достижения целей)	+	–	+	–	+
Оценка результативности	–	–	+	–	–
Улучшение	–	–	+	–	–

Источник: составлено авторами**Таблица 7** – Структурный анализ стандартов домена «Искусственный интеллект»**Table 7** – AI domain standards' structural analysis

Типовая структура стандарта ISO	Стандарты домена «Искусственный интеллект»	
	ISO/IEC 42000	ISO/IEC 23894
Нормативные ссылки	+	+
Термины и определения	+	+
Среда организации	+	+
Лидерство	+	–
Планирование	+	–
Средства обеспечения	+	–
Деятельность (процессы, необходимые для достижения целей)	+	+
Оценка результативности	+	–
Улучшение	+	–

Источник: составлено авторами

В данном домене представлено 2 стандарта, разработанных Международной организацией по стандартизации. В первую очередь, это связано с тем, что область ИИ относится к развивающейся, и на текущий момент не сформирован полный комплекс нормативных документов, стандартов и рекомендаций, которые бы регулировали все аспекты данной отрасли. Так, стандарт ISO/IEC 42000 является основным управленческим стандартом ISO в данной области и, как базовый документ,

полностью соответствует типовой структуре стандартов. Стандарт ISO/IEC 23894, в свою очередь, посвящен конкретным аспектам управления рисками в сфере искусственного интеллекта. Его содержание и структура адаптированы под узкие требования этой области, что отличается от более универсального подхода типовых стандартов [27].

Анализ и сравнение с типовой структурой стандартов, относящихся к домену «Искусственный интеллект», представлены в таблице 8.

Таблица 8 – Структурный анализ стандартов домена «Умный город»
Table 8 – Smart city domain standards' structural analysis

Типовая структура стандарта ISO	Стандарты домена «Умный город»			
	ISO 37100	ISO 37101	ISO 37106	ISO 37120
Нормативные ссылки	+	+	+	+
Термины и определения	+	+	+	+
Среда организации	–	+	+	+
Лидерство	–	+	+	–
Планирование	–	+	+	–
Средства обеспечения	–	+	+	–
Деятельность (процессы, необходимые для достижения целей)	–	+	+	–
Оценка результативности	–	+	+	–
Улучшение	–	+	+	–

Источник: составлено авторами

В данном случае типовой структуре стандарта ISO не соответствуют стандарты ISO 37100 и ISO 37120. Эти стандарты ориентированы на разработку показателей и методик для оценки устойчивого развития городов, что может требовать нестандартного подхода к структурированию информации [28; 29]. Данные стандарты специально разработаны для городских систем,

что подразумевает использование терминологии и примеров, отличных от более общих стандартов.

Для целей дальнейшего анализа авторами была сформирована матрица, отражающая частоту повторения разделов типовой структуры стандартов ISO среди рассмотренных в данном исследовании стандартов (рисунок 3). Так, всего в исследовании рассмотрено 17 стандартов, и частота варьируется в диапазоне от 0 до 17.

Рисунок 3 – Повторяемость типовой структуры стандартов
Figure 3 – The repeatability in the standard's typical structure

Из данных на рисунке 3 следует, что помимо «технических» разделов, содержащих базовую вводную информацию к каждому из стандартов

(«Нормативные ссылки» и «Термины и определения») чаще всего встречаются разделы «Деятельность» и «Среда организации». Раздел

«Деятельность» определяет процессы и действия, которые организация выполняет для достижения стратегических целей и описывает эффективные практики обеспечения соответствия требованиям. Раздел «Среда организации» описывает внутренние и внешние факторы, которые влияют на деятельность организации в контексте необходимости выполнения требований стандарта. Следовательно, следует предположить, что объединение стандартов в рамках доменов будет заключаться, в первую очередь, во взаимном насыщении и дополнении подобных разделов.

По результатам проведенного структурного анализа стандартов ISO в выбранных доменах можно заключить, что наибольшая степень несоответствия типовой структуре наблюдается в рассмотренных стандартах домена «Информационные технологии». Процент соответствия типовой структуре во всех доменах составляет $\geq 50\%$, в то время как среди рассмотренных ИТ-стандартов типовой структуре соответствует 20% (1 из 5 стандартов). Это объясняется рядом причин:

- специфика отрасли – в сфере информационных технологий часто требуются детализированные и специализированные требования, которые могут не соответствовать общей структуре стандартов ISO;

- необходимость в быстрых изменениях – информационные технологии являются одной из наиболее быстроразвивающихся отраслей и предполагают регулярную актуализацию и изменение стандартов. Более простая и узкоспециализированная структура упрощает процесс изменения;

- разнообразие подходов – в ИТ существует множество методов и подходов, таких как Agile, DevOps и других, которые регламентируются специфичными требованиями, не всегда соответствующими типовой структуре [30];

- фокус на практических аспектах – многие ИТ-стандарты акцентируют внимание на практических аспектах и технологиях, а не на «верхнеуровневых» концепциях, что может приводить к специфичной структуре соответствующей документации;

- фокус на совместимость и интеграцию – современные требования в ИТ фокусируются на совместимости и взаимодействии различных информационных систем, что также требует особой специфики и не соответствует типовой структуре.

Эти факторы приводят к тому, что стандарты в области информационных технологий могут отклоняться от типичной структуры ISO, чтобы лучше соответствовать потребностям и вызовам отрасли.

Несмотря на наличие объективных причин и факторов для выделения некоторых стандартов ISO в отдельные категории, авторы наблюдают формирование предпосылок к интеграции стандартов с целью консолидации механизмов управления различными системами и процессами. Выработка

единых стандартов в рассматриваемых доменах на уровне Международной организации по стандартизации может в перспективе привести к повышению эффективности, снижению издержек и улучшению качества услуг. Стандарты в этих доменах уже развиваются в рамках унификации подходов к управлению рисками и обеспечению безопасности. Объединенные стандарты позволят создать среду для ускоренного внедрения инноваций, так как создадут единые правила для разработчиков и пользователей, упростив адаптацию новых технологий. Для умных городов это означает более эффективное использование ресурсов и повышение качества жизни граждан благодаря интеграции различных городских систем. Кроме того, стандарты помогут обеспечить прозрачность и доверие между участниками процессов, что является ключевым аспектом для успешного взаимодействия в условиях глобальной экономики. Потенциальные эффекты интеграции стандартов могут включать:

- упрощение процессов – сокращение количества стандартов облегчает их понимание и применение;

- повышение совместимости – единые стандарты способствуют лучшей совместимости между системами и решениями разных производителей;

- снижение издержек – организации могут сократить затраты благодаря отсутствию необходимости обеспечения соответствия сразу нескольким стандартам, что увеличивает эффективность;

- повышение качества – объединенные стандарты могут обеспечить более высокие уровни качества и безопасности;

- повышение доверия потребителей – стандартизация способствует созданию доверия среди потребителей, поскольку унифицированные требования становятся более понятными широкому кругу лиц и заинтересованных сторон;

- упрощение аудита и сертификации – меньшее количество стандартов делает процессы аудита и сертификации более гибкими и быстрыми;

- глобальная согласованность – единые стандарты способствуют гармонизации требований на международном уровне, что облегчает взаимодействие в рамках международных экономических связей.

На основании проведенного авторами анализа была смоделирована перспективная конфигурация объединенных и унифицированных управленческо-технологических стандартов. Авторы предполагают, что в рамках такой унификации отсутствует необходимость в расширении списка доменов и, наоборот, существует возможность развития стандартов в едином домене «Управление». Унифицированные стандарты могут формироваться на основе соответствующего базового стандарта, в котором представлена типовая структура, и дополняться определенными специфичными аспектами. Визуализация предложений изображена на рисунке 4.

Рисунок 4 – Целевая модель конвергенции управленческих стандартов
Figure 4 – Target model of governance standards convergence

Объединение стандартов в предложенные группы обосновано рядом факторов, которые способствуют повышению качества управления и эффективности процессов. Объединение стандартов в группу «Управление качеством и устойчивое развитие» позволит организациям создавать интегрированные стратегии, которые охватывают полный процесс – от разработки продукта до обратной связи с клиентами, что улучшит клиентский опыт и доверие к организации. Группа «Управление информационными и передовыми технологиями» охватывает все аспекты управления ИТ, включая качество услуг и безопасность информации, внедрение технологий ИИ. Объединение этих стандартов создаст единую систему, которая упростит внедрение лучших практик и повысит уровень безопасности. Стандарты направления «Управление городами и инфраструктурой» фокусируются на устойчивом городском развитии. Объединение позволяет создать целостный подход к управлению городскими системами, интегрируя стратегии по ресурсам, инфраструктуре и потребностям населения. Объединение стандартов в группу «Качество окружающей среды и социальная ответственность» предоставляет инструменты обеспечения устойчивости бизнеса и сохранения необходимого уровня корпоративной социальной ответственности. Объединение позволит более эффективно управлять угрозами и возможностями, обеспечивая готовность бизнеса к неожиданным ситуациям и их быструю адаптацию.

При этом в рамках направлений «Управление качеством и устойчивое развитие» и «Управление информационными и передовыми технологиями» должны остаться выделенные группы отраслевых

профессиональных стандартов/методик/рекомендаций, разработанных иными организациями и охватывающих специализированные и, периодически, узкопрофильные аспекты. В области управления качеством такие профильные направления охватывают проектное управление (PMBoK), управление зрелостью процессов (СММИ), управленческий контроль показателей (balanced scorecard). В области информационных и передовых технологий в отдельные группы выделяются методологии управления ИТ-услугами и ИТ-процессами, международные и технические стандарты по внедрению технологий искусственного интеллекта.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящем исследовании рассматривается возможность конвергенции стандартов в области качества управления, информационных технологий, искусственного интеллекта и в рамках реализации концепции умного города. Сложность и быстрота изменений в данных сферах обуславливают необходимость интеграции стандартов для достижения устойчивого развития и повышения эффективности управляющих систем. Быстрое развитие технологий и цифровая трансформация большинства отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления продемонстрировали, как важно иметь гибкие и адаптивные системы управления, которые могут быстро реагировать на вызовы. Стандарты качества играют важную роль в обеспечении надежности и безопасности процессов, особенно в условиях быстрого внедрения новых технологий. Конвергенция стандартов может смягчить барьеры для внедрения инновационных решений, способствуя улучшению междисциплинарного взаимодействия.

Одним из ключевых аспектов исследования является подход к интеграции стандартов. Необходимо учитывать не только технические, но и социальные, культурные и экономические факторы, влияющие на качество управления в экономических системах. Это требует участия всех заинтересованных сторон, включая государственные организации, частный сектор и местные сообщества. Разработка единых стандартов, учитывающих специфику разных регионов, является вызовом, требующим совместных усилий. Конвергенция стандартов также может способствовать повышению прозрачности, совместимости и надежности внедряемых цифровых технологий. Установление четких критериев и рамок для оценки качества позволит снизить риски при разработке и внедрении новых технологических и ИИ-решений. Важно также отметить, что стандарты должны быть гибкими и адаптируемыми, чтобы не отставать от стремительных изменений в технологической среде. Ближайшие годы могут стать решающими для формирования глобальной экосистемы, основанной на общих принципах качества технологий, поэтому дальнейшие исследования и обсуждения по этой теме необходимы для создания надежной основы для устойчивого развития экономических систем и эффективного управления на основе инновационных технологий.

Ограничение настоящего исследования заключается в анализе исключительно базовых стандартов в области качества управления, информационных технологий, искусственного интеллекта и концепции умного города. Так, авторы сфокусировались на фундаментальных принципах и практиках, которые служат основой для дальнейшего развития и более сложных систем. Хотя использование только базовых стандартов может показаться ограничивающим, данное исследование обладает значительной научно-практической ценностью по нескольким причинам. Во-первых, рассмотренные управленческие стандарты составляют основу, на которой строятся более сложные подходы и методологии, а также адаптируются соответствующие национальные стандарты. Они обеспечивают понимание ключевых концепций, что позволяет исследователям и практикам выявлять основные проблемы и находить пути их решения. Во-вторых, сосредоточение на выбранных стандартах делает исследование более доступным и комплексным, а также понятным и прозрачным для широкой аудитории, включая не только отраслевых специалистов, но и представителей органов власти, бизнеса, граждан. Это также способствует популяризации тематики управления качеством и внедрения технологий в различных сферах.

Таким образом, авторами была достигнута цель исследования – определены направления конвергенции управленческих и технологических стандартов в четырех областях управления, которые

будут стремительно развиваться и трансформироваться в условиях технологически насыщенной среды. Кроме того, проведенное исследование позволило выявить важные тенденции и перспективы на данном уровне, которые в дальнейшем могут быть развиты и углублены в рамках проведения последующих исследований. Примерами таких исследований могут быть углубленные аспекты стандартизации в каждой из конкретных областей с целью их приведения к единому формату. Таким образом, несмотря на ограниченность исследования только базовыми стандартами, его научно-практическая ценность заключается в создании фундамента для дальнейших исследований, повышении осведомленности и инициировании обсуждений, которые могут привести к разработке более комплексных и эффективных решений в областях качества управления, ИТ, ИИ и управления умными городами.

По результатам проведенного анализа, авторами были сформулированы следующие выводы, описывающие необходимость конвергенции и интеграции существующих управленческих стандартов в выбранных областях:

1) *повышение эффективности управления.* Конвергенция стандартов предусматривает унификацию подходов к управлению, что позволяет оптимизировать процессы и снизить затраты, обеспечивая при этом высокое качество услуг;

2) *улучшение взаимодействия между секторами.* Общие стандарты облегчают сотрудничество между различными участниками, включая государственные структуры, бизнес и граждан, что способствует интеграции технологий в рамках умного города;

3) *обеспечение совместимости технологий.* Конвергенция стандартов в области ИТ и ИИ позволит разработать технологии, которые будут эффективно взаимодействовать друг с другом, что критично для создания интеллектуальных инфраструктур;

4) *устойчивое развитие.* Общие стандарты помогают внедрять практики устойчивого развития, учитывая экологические, социальные и экономические аспекты в процессе управления умными городами;

5) *поддержка инноваций.* Конвергенция стандартов не только создает базу для существующих технологий, но и способствует разработке новых решений, отвечающих актуальным вызовам и требованиям;

6) *увеличение доверия со стороны граждан.* Наличие общепринятой системы стандартов создает уверенность пользователей в качестве и безопасности услуг, что критично для успешной реализации проектов умного города;

7) *адаптация международного опыта.* Конвергенция стандартов и лучших практик на международном уровне для дальнейшего транзита в локальный контекст может значительно

повысить эффективность стандартов в области качества и управления.

Эти выводы свидетельствуют о том, что конвергенция стандартов, под которой мы понимаем объединение гетерогенных (технологических, процессных, стратегических) стандартов на основе общего управленческого структурно-методологического ядра, является высоковероятным условием будущего успешного развертывания технологий и практик управления в отраслевом и пространственном измерениях.

Полученные результаты исследования ориентированы на лиц, принимающих решения в организациях, которые отвечают за стратегическое планирование, внедрение инноваций и управление изменениями. В условиях цифровой трансформации именно эта категория сотрудников сталкивается с необходимостью интеграции новых технологических стандартов в управленческие процессы, что требует пересмотра существующих подходов и освоения новых компетенций¹. Материал также будет полезен ИТ-директорам, архитекторам цифровых систем, а также экспертам, занимающимся внедрением и адаптацией технологических стандартов. В статье рассматриваются вопросы интеграции управленческих и технологических стандартов, что актуально для специалистов, обеспечивающих синергию между бизнес- и ИТ-стратегиями.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в текущих условиях цифровой трансформации и стремительного развития инновационных технологий тема унификации организационно-методической базы, в т.ч. стандартизации, является актуальной и имеет значительный потенциал.

Конвергенция стандартов должна обеспечиваться благодаря консолидации усилий различных заинтересованных сторон, включая государственные органы, бизнес и общественные организации, что, в свою очередь, приведет

к более скоординированному и эффективному управлению ресурсами как на уровне организаций, так и на уровне цифровой среды (умных городов, цифровых экосистем). Стандарты играют ключевую роль в обеспечении качества предоставляемых услуг и минимизации негативных последствий, связанных с внедрением новых технологий. Важным аспектом является предположение, что единые стандарты в области ИТ и ИИ способны не только улучшить взаимодействие между различными технологическими решениями, но и способствовать созданию интегрированных экосистем, которые будут работать на благо общества. Это требует разработки гибкой и адаптивной нормативной базы, которая будет учитывать как действующие реалии, так и перспективы развития технологий.

Кроме того, конвергенция стандартов является основой для современных практик устойчивого развития в городах. Это позволяет учесть социальные, экономические и экологические аспекты, что особенно важно в условиях быстрого развития городской инфраструктуры и изменений климата. Стандарты повышают уровень доверия граждан к инновациям, что необходимо для успешного внедрения и принятия новых технологий.

Одним из главных вызовов в процессе интеграции стандартов является необходимость адаптации международного опыта к локальным условиям. Это означает, что необходимо активно привлекать экспертов и практиков, чтобы разрабатывать и внедрять стандарты, учитывающие региональную специфику.

Авторы рассчитывают, что полученные выводы станут основой для дальнейших исследований в данной области и помогут в разработке новых подходов к управлению качеством и внедрению технологий в организационных системах и умных городах, что, безусловно, будет способствовать созданию более устойчивых и инновационных экосистем, соответствующим современному этапу технологического развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лобанов Е. Г., Козлов В. В. Тенденции развития и применения искусственного интеллекта в бизнесе // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-10. С. 81–84. DOI 10.18411/trnio-06-2023-545. EDN WTRKHO.
2. Мхитарян, А. Ю. Теоретические аспекты устойчивого инновационного развития организаций в условиях кризиса // Век качества. 2022. № 2. С. 53–61. EDN LDKEQA.
3. Козырева У. Р., Мирошниченко П. В. Развитие системы управления качеством в Индустрии 4.0 // Компетентность. 2024. № 7. С. 32–35. DOI 10.24412/1993-8780-2024-7-32-35. EDN ZXZOAF.
4. Халзанов Д. П. Система менеджмента качества, разработка и внедрение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2022. № 2 (22). С. 55–57. EDN ESYSLN.
5. Sepeng T. D. et al. Certification bodies' interpretation and application of the ISO 19011 audit process guidelines // International Journal of Quality & Reliability Management. 2025. Т. 42. №. 1. С. 339–355. DOI 10.1108/IJQRM-10-2023-0339. EDN FENFKC.

¹ What is the C-suite? – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-c-suite>.

6. Iliashenko O., Iliashenko V., Shuvalova A. Development of the Company's IT Infrastructure in the DAMA-DMBOK Standard Implementation // International Scientific Conference «Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure & Service». Cham : Springer Nature Switzerland, 2022. С. 732–744. DOI 10.1007/978-3-031-32719-3_55.
7. Подстречный А. В. Практическое применение концепций инновационного менеджмента в сфере it // Экономика: актуальные вопросы теории и практики : Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 июля 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 7–10. EDN WZADJU.
8. Павлюк Е. С. Современные методы управления проектами в цифровой среде // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 5-1. С. 98–104. DOI 10.34670/AR.2021.38.38.012. EDN VQNNRM.
9. Яковлева Е. А., Толочко И. А. Инструменты и методы цифровой трансформации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 2. С. 415–430. DOI 10.18334/vines.11.2.112016. EDN BPCESG.
10. Камолов С. Г., Лапшина П. В., Алексеев Д. Б. Документы стратегического планирования в области научно-технологического развития в России и странах-членах ОЭСР: глобальные тенденции государственной политики // Международная экономика. 2022. № 10. С. 712–733. DOI 10.33920/vne-04-2210-03. EDN RGIO CZ.
11. Мельник В. А. Система менеджмента качества в условиях цифровой трансформации // Modern Science. 2019. № 12-5. С. 34–37. EDN TIBUVA.
12. Казакова Е. В. Управленческие инновации, технологические инновации и стандартизация // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 2, № 7. С. 53–57. EDN WOGGJX.
13. Souza F. F. et al. Total quality management 4.0: adapting quality management to Industry 4.0 // The TQM journal. 2022. Т. 34. № 4. С. 749–769. <https://doi.org/10.1108/TQM-10-2020-0238>. EDN XWCVBE.
14. Григорьев Л. Ю. О роли СМК в общей системе управления предприятием // Методы менеджмента качества. 2009. № 4. С. 14–17. EDN TRUWBZ.
15. Головин С. А. Стандарты ИТ: на пути к шестому технологическому укладу // Стандарты и качество. 2017. № 4. С. 52–56. EDN YJACTZ.
16. Moudoubah L. et al. From IT service management to IT service governance: An ontological approach for integrated use of ITIL and COBIT frameworks // International Journal of Electrical and Computer Engineering. 2021. Т. 11. № 6. С. 5292. <http://doi.org/10.11591/ijece.v11i6.pp5292-5300>. EDN FRIOFB.
17. Хохлов Ю. Е. Стандарты работы с данными для искусственного интеллекта: ландшафт стандартизации искусственного интеллекта // Информационное общество. 2023. № 3. С. 78–96. DOI 10.52605/16059921_2023_03_78. EDN CXZHSE.
18. Ashraf Z. A., Mustafa N. AI Standards and Regulations // Intersection of Human Rights and AI in Healthcare. 2025. С. 325–352. DOI 10.4018/979-8-3693-7051-3.ch014.
19. Kamolov S. G., Kim K. S., Aleksandrov N. D. Study of Smart Cities Based on Human Capital (Case of Russian Research-Driven Towns as Proto-Smart Cities) // Management Sciences. 2023. Vol. 13, No. 4. P. 34–46. DOI 10.26794/2304-022X-2023-13-4-34-46. EDN GMYDAR.
20. Дрожжинов В. И., Куприяновский В. П., Намит Д. Е. [и др.] Умные города: модели, инструменты, рэнкинги и стандарты // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5, № 3. С. 19–48. EDN XYBPFL.
21. Toifur T., Kusriani K., Budi A. Evaluation of Information Technology Governance Using COBIT 5 and ISO/IEC 38500 // Jurnal Online Informatika. 2022. Т. 7. № 1. С. 17–27. DOI 10.15575/join.v7i1.814. EDN VUHZNF.
22. Golpayegani D., Pandit H. J., Lewis D. Comparison and analysis of 3 key AI documents: EU's proposed AI Act, assessment list for trustworthy AI (ALTAI), and ISO/IEC 42001 AI management system / Irish Conference on Artificial Intelligence and Cognitive Science. Cham: Springer Nature Switzerland, 2022. С. 189–200. DOI 10.1007/978-3-031-26438-2_15.
23. Гоглев Н. Н., Касаткина Е. В., Мигалин С. А., Муштак О. И. Управление рисками с применением современных технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных // Цифровая экономика. 2022. № 2 (18). С. 38–45. DOI 10.34706/DE-2022-02-05. EDN STURWU.
24. Камолов С. Г., Глазьева С. С., Тажиева С. К. Умные города ЕАЭС как перспектива российского регионального технологического лидерства // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 64–82. DOI 10.33983/0130-9757-2022-5-64-82. EDN BDBKGD.
25. Каблашова И. В., Логунова И. В., Кривякин К. С., Родионова В. Н. Методология управления качеством процессов на основе цифровых стандартов деятельности наукоемкого предприятия // Организатор производства. 2021. Т. 29, № 1. С. 7–20. DOI 10.36622/VSTU.2021.77.81.001. EDN BRHPNA.
26. Горбунов А. В. Управление рисками в стандарте ISO 9001:2015 // Менеджмент качества. 2018. № 4. С. 262–271. EDN YQZVEL.

27. Гилева Т. А. Инструменты стратегического управления развитием предприятий в цифровой среде // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 138–154. DOI 10.15593/2224-9354/2021.2.11. EDN FWZFQZ.
28. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 488–515. DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-488-515. EDN EUKCPY.
29. Куприяновский В. П., Буланча С. А., Кононов В. В. [и др.] Умные города как «столицы» цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Т. 4, № 2. С. 41–52. EDN VKCXML.
30. Шалаев А. П., Воронин Г. П., Киселева Т. В. Стандарты – для качества жизни и устойчивого роста экономики // Стандарты и качество. 2025. № 3. С. 12–21. EDN OGAVDU.
31. Вейнберг Р. Р., Моисеев Н. А., Сахарова С. М. Применение стандартов управления проектами в ИТ-индустрии: PRINCE2 И PMBoK // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2020. № 1 (109). С. 56–66. DOI 10.21686/2413-2829-2020-1-56-66. EDN RPVDZV.

REFERENCES

1. Lobanov, E. G., Kozlov, V. V. (2023). Trends in the development and application of artificial intelligence in business and daily activities. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2 (6), pp. 848–851. <https://doi.org/10.18411/trnio-06-2023-545>. <https://elibrary.ru/wtrkho>.
2. Mkhitarian, A. Y. (2022). Theoretical aspects of sustainable innovative development of organizations in a crisis. *Online scientific journal «Age of Quality»*, (2), pp. 53–61. <https://elibrary.ru/ldkeqa>.
3. Kozyreva, U. R., Miroshnichenko, P. V. (2024). Evolution of quality management system in industry 4.0. *Competency*, (7), pp. 32–35. <https://doi.org/10.24412/1993-8780-2024-7-32-35>. <https://elibrary.ru/zxzoaf>.
4. Khalzanov, D. P. (2022). Development and implementation of a quality management system. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*, 2 (22), pp. 55–57. <https://elibrary.ru/esysln>.
5. Sepeng, T. D., Lourens, A., Van der Merwe, K., Gerber, R. (2025). Certification bodies' interpretation and application of the ISO 19011 audit process guidelines. *International Journal of Quality & Reliability Management*, 42 (1), pp. 339–355. <https://doi.org/10.1108/ijqrm-10-2023-0339>. <https://elibrary.ru/fenfkc>.
6. Iliashenko, O., Iliashenko, V., Shuvalova, A. (2022). Development of the Company's IT Infrastructure in the DAMA-DMBOK Standard Implementation. In International Scientific Conference «Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure & Service», pp. 732–744. Cham, Publ. Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-32719-3_55.
7. Podstroechny, A. V. (2023). Practical application of innovation management concepts in the field of IT. *Economy: Current issues of theory and practice*, p. 7–10. <https://elibrary.ru/wzadju>.
8. Pavlyuk, E. S. (2021). Modern methods of project management in the digital environment]. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 11 (5-1), pp. 98–104. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.38.38.012>. <https://elibrary.ru/vqnmrm>.
9. Yakovleva, E. A., Tolochko, I. A. (2021). Tools and methods of digital transformation. *Russian Journal of Innovation Economics*, 11 (2), pp. 415–430. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112016>. <https://elibrary.ru/bpcesg>.
10. Kamolov, S. G., Lapshina, P.V., Alekseev, D.B. (2022) Strategic documents in the sphere of scientific and technological development in Russia and the oecd member countries: global trends in public policy. *The world economics*, 10, pp. 712–733. <https://doi.org/10.33920/vne-04-2210-03>. <https://elibrary.ru/rgiocz>.
11. Melnik, V. A. (2019). Quality management system in the context of digital transformation. *Modern Science*, 12 (5), pp. 34–37. <https://www.elibrary.ru/tibuva>.
12. Kazakova, E. V. (2019). Management innovation, technological innovation and standardization. *My Professional Career*, 2 (7), pp. 53–57. <https://elibrary.ru/woggjx>.
13. Souza, F. F. De., Corsi, A., Pagani, R. N., Balbinotti, G., Kovaleski, J. L. (2022). Total quality management 4.0: adapting quality management to Industry 4.0. *The TQM journal*, 34 (4), pp. 749–769. <https://doi.org/10.1108/TQM-10-2020-0238>. <https://elibrary.ru/xwcvbe>.
14. Grigoriev, L. Y. (2009). On the role of QMS in the general enterprise management system. *Methods of quality management*, (4), pp. 14–17. <https://www.elibrary.ru/truwbz>.
15. Golovin, S. A. (2017). IT standards: on the way to the sixth technological order. *Standards and Quality*, (4), pp. 52–56. <https://elibrary.ru/yjactz>.
16. Moudoubah, L., El Yamami, A., Mansouri, K., Qbadou, M. (2021). From IT service management to IT service governance: An ontological approach for integrated use of ITIL and COBIT frameworks. *International Journal of Electrical and Computer Engineering*, 11 (6), p. 5292. <http://doi.org/10.1108/IJEC-11-2021-0052>.

- org/10.11591/ijece.v11i6.pp5292-5300. <https://elibrary.ru/friofb>.
17. Khokhlov, Yu. E. (2023). Data standards for artificial intelligence: artificial intelligence standardization landscape. *Information Society*, (3), pp. 78–96. http://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_78. <https://elibrary.ru/cxzhse>.
 18. Ashraf, Z. A., Mustafa, N. (2025). AI Standards and Regulations. Intersection of Human Rights and AI in Healthcare, pp. 325–352. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-7051-3.ch014>.
 19. Kamolov, S. G., Kim, K. S., Aleksandrov, N. D. (2023). study of smart cities based on human capital (case of russian research-driven towns as proto-smart cities). *Upravlencheskie nauki = Management sciences*, 13 (4), pp. 34–46. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-4-34-46>. <https://elibrary.ru/gmydar>.
 20. Drozhzhinov, V. I., Kupriyanovsky, V. P., Namiot, D. E., Sinyagov, S. A., Kharitonov, A. A. (2017). Smart cities: models, tools, rankings, and standards. *International Journal of Open Information Technologies*, 5 (3), pp. 19–48. <https://elibrary.ru/xybpfl>.
 21. Toifur, T., Kusriani, K., Budi, A. (2022). Evaluation of Information Technology Governance Using COBIT 5 and ISO/IEC 38500. *Jurnal Online Informatika*, 7 (1), pp. 17–27. <https://doi.org/10.15575/join.v7i1.814>. <https://elibrary.ru/vuhznf>.
 22. Golpayegani, D., Pandit, H. J., Lewis, D. (2022, December). Comparison and analysis of 3 key AI documents: EU's proposed AI Act, assessment list for trustworthy AI (ALTAI), and ISO/IEC 42001 AI management system. *In Irish Conference on Artificial Intelligence and Cognitive Science*, pp. 189–200. Cham, Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-26438-2_15.
 23. Goglev, N. N., Kasatkina, E. V., Migalin, S. A., Mushtak, O. I. (2022). Risk management using modern artificial intelligence technologies and big data analysis. *Digital Economy*, (2), p. 18. <https://doi.org/10.34706/DE-2022-02-05>. <https://elibrary.ru/sturwu>.
 24. Kamolov, S. G., Glazyeva, S. S., Tazhieva, S. K. (2022). Smart cities in Eurasian Economic Union: Outlook for Russian regional technological leadership. *Russian Economic Journal*, (5), pp. 64–82. <https://elibrary.ru/bdbkgd>.
 25. Kablashova, I. V., Logunova, I. V., Krivyakin, K. S., Rodionova, V. N. (2021). Methodology of process quality management based on digital standards of a knowledge-intensive enterprise. *Production Organizer*, 29 (1), pp. 7–20. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-5-64-82>. <https://elibrary.ru/brhpna>.
 26. Gorbunov, A. V. (2018). Risk management in the ISO 9001:2015 standard. *Menedzment kacestva*, (4), pp. 262–271. <https://www.elibrary.ru/yqzvel>.
 27. Gileva, T. A. (2021). Tools for strategic management of enterprise development in the digital environment. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, (2), pp. 138–154. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.11>. <https://elibrary.ru/fwzfqz>.
 28. Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., Panshino, F. (2021). Artificial Intelligence's Algorithmic Bias: Ethical and Legal Issues. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*, (53), pp. 488–515. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>. <https://elibrary.ru/eukcpy>.
 29. Kupriyanovsky, V. P., Bulancha, S. A., Chernykh, K. Yu., Namiot, D. E., Dobrynin, A. P. (2016). Smart cities as the «capitals» of the digital economy. *International Journal of Open Information Technologies*, 4 (2), pp. 41–52. <https://elibrary.ru/vkcxml>.
 30. Shalaev, A. P., Voronin, G. P., Kiseleva, T. V. (2025). Standards for the quality of life and sustainable economic growth. *Standards and quality*, (3), pp. 12–21. <https://www.elibrary.ru/ogavdu>.
 31. Weinberg, R. R., Moiseev, N. A., Sakharova, S. M. (2020). Application of project management standards in the IT industry: PRINCE2 and RM-VoK. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 17 (1), pp. 56–66. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-1-56-66>. <https://elibrary.ru/rpvdzv>.

КРИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКОЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЕЖИ

И. С. Шаповалова^а

^а Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Изучение социальных стратегий региональной молодежи способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей развития российских регионов и повышению эффективности реализации государственной молодежной политики в условиях геополитической турбулентности и идеологического кризиса. Целью статьи является определение индикаторики ключевых показателей эффективности деятельности органов, развивающих молодежную политику на территории российских регионов, отраженных в социальных стратегиях.

Материалы и методы. В статье показаны результаты мониторинга «Социальные стратегии молодежи», проведенного в ноябре 2024 года. Респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь в количестве 5847 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы региона).

Результаты исследования. Результатом исследования стала оценка отражения ключевых показателей эффективности деятельности органов региональной власти в социальных стратегиях молодежи. Была дана оценка показателям доверия молодежи к социальным институтам и субъектам; отношению к ожидаемой продолжительности жизни; вовлеченности молодежи в физкультуру и спорт; стремлению к постоянному образованию и самообразованию. Определены группы молодежи, вовлеченные в волонтерские мероприятия, занимающиеся предпринимательской деятельностью, группы, исключенные из системы поддержки талантов. На основе оценок молодежи было определено качество окружающей и городской среды, уровень цифровизации социальной сферы региона, построена культурная карта досуга молодежи.

Обсуждение. Выявлены определенные проблемы, связанные с ориентацией молодежи на небольшую продолжительность жизни, невысокую включенность в системные занятия физкультурой и спортом, недостаточную направленность на постоянное образование, низкую вовлеченность молодежи в предпринимательство, недостаточную готовность к потенциальным экономическим инвестициям в регион. Все эти проблемные зоны обозначают задачи по целенаправленному воздействию органов управления молодежной политикой формирования и реализации социальных стратегий молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Молодежь, социальные стратегии, ключевые показатели эффективности, управление молодежной политикой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шаповалова И. С. КРИ деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 117–136. EDN JOFNFR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Инна Сергеевна – доктор социологических наук; Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85) – *заведующий*

© И. С. Шаповалова, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

кафедрой социологии и организации работы с молодежью; shapovalova@bsuedu.ru. SPIN 2477-0791, ORCID 0000-0002-2855-8968, Scopus ID 56728382600, Researcher ID R-6955-2016.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 20.02.2025; рецензия получена: 14.04.2025; принята к публикации: 20.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

MANAGEMENT BODIES YOUTH REGIONAL POLICY KPI ACTIVITIES IN SOCIAL YOUTH STRATEGIES

I. S. Shapovalova ^a

^a Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The study of social strategies of regional youth contributes to increasing the probability of achieving strategically important indicators of the development of Russian regions and increasing the effectiveness of the implementation of state youth policy in the context of geopolitical turbulence and ideological crisis. The purpose of the article is to determine the indicators of key performance indicators of bodies developing youth policy in the territory of Russian regions, reflected in social strategies.

Materials and methods. The article shows the results of the monitoring research «Social Strategies of Youth», conducted in November 2024, the respondents of the online survey were regional youth in the amount of 5847 people, the sample is quota in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents (regional districts).

Research results. The results of the study were an assessment of the reflection of key performance indicators of regional authorities in social strategies of youth. An assessment was made of the indicators of youth trust in social institutions and entities, attitudes towards life expectancy, youth involvement in physical education and sports, the desire for continuous education and self-education. The groups of young people involved in volunteer activities, engaged in entrepreneurial activities, and groups excluded from the talent support system were identified. Based on the assessments of young people, the quality of the surrounding and urban environment, the level of digitalization of the social sphere of the region were determined, and a cultural map of youth leisure was built.

Discussion. Certain problems associated with the orientation of young people to a short life expectancy were identified, and, as an associated indicator, low involvement in systematic physical education and sports, insufficient focus on continuous education, low involvement of young people in entrepreneurship, and insufficient readiness for potential economic investments in the region. All these problem areas indicate tasks for the targeted influence of youth policy management bodies on the formation and implementation of social strategies for young people.

KEYWORDS

Youth, social strategies, key performance indicators, youth policy management.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

FOR CITATION

Shapovalova, I. S. (2025) KPI of the activities of regional youth policy management bodies in social strategies for youth. *Management Issues*, 19 (2), 117–136. <https://elibrary.ru/jofnfr>.

AUTHORS' INFORMATION

Inna S. Shapovalova – Doctor of Sociological Sciences; Belgorod State National Research University (85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia) – *Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth*; shapovalova@bsuedu.ru. SPIN 2477-0791, ORCID 0000-0002-2855-8968, Scopus Author ID 56728382600, Researcher ID R-6955-2016.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 20.02.2025; reviewed 14.04.2025; accepted for publication 20.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Выбор жизненных ориентиров и социальных стратегий молодыми людьми во многом определяет будущее России. Возможность реализации национальных стратегий и программ (2030, 2050) полностью определяется жизненной перспективой сегодняшних выпускников школ, сузов и вузов. Именно поэтому важным субъектом в управлении воспроизводства человеческого капитала становятся органы управления молодежной политикой. Вертикаль этих органов, безусловно, определяет перспективные задачи каждого элемента, одновременно реализуя цели, стоящие перед федерацией в обеспечении качества, эффективности использования человеческого капитала в лице молодежи.

Российские регионы становятся флагманами и активными участниками в реализации федеральной модели государственной молодежной политики на региональном уровне. Расширение инфраструктурного и кадрового обеспечения управления ГМП, внедрение инновационных форм работы с молодежью, повышенный интерес и внимание к раскрытию и использованию молодежного потенциала – все это стало приоритетными ориентирами в стратегии развития регионов. Активное участие в решении задач и реализации приоритетных направлений ГМП в регионах связано в том числе и с пониманием важности научной организации управленческого процесса в этой сфере. Обеспечение научной основы принятия управленческих решений в области организации работы с молодежью в региональном пространстве обуславливает необходимость глубинной диагностики процессов и проблем молодежной среды. И одним из важнейших аспектов здесь становится вопрос исследования социального планирования молодежи как фундаментального процесса формирования социальных стратегий и диспозиций молодого человека. Изучение социальных стратегий региональной молодежи способствует повышению вероятности достижения стратегически важных показателей развития российских регионов и повышению эффективности реализации государственной молодежной политики в условиях геополитической турбулентности и идеологического кризиса.

Целью статьи является определение индикаторики ключевых показателей эффективности деятельности органов, развивающих молодежную политику на территории российских регионов, отраженных в социальных стратегиях молодежи.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В рассмотрении вопросов, которые планируется поднять в данной статье, становится важным понимание роли государственной молодежной политики в реализации национальных задач, ее

зон ответственности и ориентиров на перспективные результаты в части воспроизводства всех видов капиталов (экономического, культурного, социального), а также поиск возможности измерения эффективности ее деятельности в контексте системы регионального развития.

Несмотря на то, что акцент на ключевых показателях эффективности региона, куда вносят свой вклад субъекты управления молодежной политикой, возник не так давно, ее значение в развитии важных для государства характеристик молодежи подчеркивается исследователями и ученым постоянно [1]. Ее критической оценке в законодательной и управленческой части посвящены работы А. В. Кочеткова [2], осмыслению проблем и перспектив развития – статьи М. И. Качаловой и А. И. Соловьевой [3].

Вызовы нового времени «пересобирают» существующие смыслы, устанавливают новые требования, новые ориентиры, в том числе и для государственной молодежной политики [4]. Как отмечает А. В. Кочетков, показывая необходимость перехода на интегративную модель управления для государственной молодежной политики, «в России наступил период, когда объективно необходимы институциональные преобразования в вопросах государственной молодежной политики (ГМП). Они предполагают формирование и развитие стройной системы органов по делам молодежи, обеспечивающей координацию усилий государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по реализации ГМП» [5, с. 120].

И в этой связи особую актуальность приобретают работы таких ученых, как Т. К. Ростовская, Ю. А. Зубок, Н. Л. Смакотина, посвященные поиску методологических основ разработки молодежной политики [6; 7; 8], изучению ключевых проблем ее реализации в условиях российских регионов [9; 10]. Соединение методологических основ с интегральной ответственностью социальных субъектов за задачи в реализации ключевых показателей развития региона, обуславливает подход к обоснованию восприятия понятия и показателей эффективности в деятельности органов управления государственной молодежной политикой. Нельзя сказать, что в этом отношении существует единство мнений. Безусловно, самым первым уровнем оценки (если говорить о социальной технологии как таковой) можно было бы назвать ориентацию на мнение «ключевых пользователей» – а именно молодежи, которая могла бы оценить мероприятия молодежной политики по всем направлениям, показать свою вовлеченность в них и заинтересованность в дальнейшем участии, сформулировать проблемный компонент [11], а также собственно оценки показателей вовлеченности

и заинтересованности молодежи в реализации молодежной политики [12].

Интересный ракурс в восприятии данного вопроса преподносит авторский коллектив А. В. Алейникова, Д. А. Мальцевой, П. Р. Тузова, которые предлагают в качестве нового инструмента оценки ГМП аудит молодежной политики, понимаемый «как проверка на соответствие ее целей и методов задачам социализации молодежи, ее адаптации в рискогенном социуме в условиях глобального информационного противоборства и оценки рисков» [13, с. 133]. И, безусловно, важны работы, предлагающие направления изменения существующей ситуации в реализации молодежной политики [14].

Для поиска новых подходов к оценке эффективности деятельности органов управления молодежной политикой был проведен анализ зарубежных источников и исследований. Стоит отметить, что в своей основе взгляды на государственную молодежную политику и проблемы в ее исследовании и оценке несколько различаются у западных и отечественных ученых. Так, например, вопрос об отсутствии молодежной политики как нарушение прав человека поднимается бразильскими учеными W. Timóteo, I. de Matos Oliveira [15], трудности формирования политики в условиях неблагоприятной политической обстановки освещаются учеными A. Martínez-Reyes, J. J. Navarro-Pérez (по отношению к Сальвадору) [16] и A. Snellinger (по отношению к Непалу) [17], и, возможно менее злободневными, но не менее актуальными становятся исследования изменения молодежной политики в Великобритании после политической трансформации, представленные G. Nikiporets-Takigawa [18].

Вопрос дискриминации определенных групп молодежи (в частности, сельской) в контексте участия в молодежной политике поднимают в своей статье ученые из Зимбабве, где этот вопрос очень актуален [19]. Зарубежные авторы достаточно часто обращаются к проблемам включения молодежи из социально уязвимых групп в молодежную политику [20; 21], поиску форм поддержки и помощи, которую можно оказать неблагополучной молодежи [22; 23]. Поднимаются и вопросы трудоустройства молодежи посредством участия органов управления молодежной политикой, данная проблема стоит достаточно остро в Великобритании [24].

Несмотря на проблемный акцент в дискурсе по данной теме, ее социальную и практическую направленность в зарубежных исследованиях, нельзя не отметить работы, в которых предпринимаются попытки концептуализации управления молодежной политикой [25], поиска

путей соединения интересов всех участников реализации молодежной политики (от органов управления до непосредственно целевых молодежных групп) [26], формулировки предложений по использованию ресурсного подхода к молодежной политике, позволяющего получить «новую молодежь» (например, в статье шотландских ученых E. Davidson и E. Carlin [27]), а также (как и у отечественных ученых) получение молодежного отклика в оценках молодежной политики [28; 29], в том числе и посредством сравнительного анализа таких оценок (в аспекте включенности молодых людей в деятельность и мероприятия) для молодежи разных стран [30].

Таким образом, в концептуальных изысканиях и эмпирических исследованиях мы видим более системный подход к оценке деятельности органов управления молодежной политикой со стороны российских ученых и более проблемный (практикоориентированный, результативный, соединяющий молодежную политику с социальной работой) со стороны зарубежных исследователей. На наш взгляд, и тот, и другой ракурс восприятия данной деятельности не дают возможности рассматривать управление молодежной политикой как часть общей системы управления национальным капиталом, гармонично включить ее в реализацию задач государственного (и территориального) управления.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть деятельность органов управления молодежной политикой через включение их в достижение показателей эффективности развития региона, отраженных в социальных стратегиях региональной молодежи. Под социальными стратегиями мы понимаем «субъективную систему жизненного проектирования, связанную с жизненными ориентирами и отражающую основные стратегические диспозиции, модели поведения, факторы принятия решений, стратегические планы, барьеры их реализации, требуемые ресурсы и их оценку, проблемный компонент» [31]. В этой исследовательской логике основные индикаторы определены исходя из контролируемых показателей эффективности для органов управления регионом в соединении с основными стратегиями молодежи (в исследовательской модели были верифицированы показатели экономических, политических, общественных, карьерных, миграционных, образовательных, самосохранительных, досуговых, коммуникативных, духовно-нравственных и самореализационных стратегий молодежи), за поддержку в реализации которых отвечают органы управления молодежной политикой (таблица 1).

Таблица 1 – Ключевые показатели эффективности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи**Table 1** – Key performance indicators of regional youth policy management bodies in youth social strategies

Наименование показателя	Ед. измерения	Социальные стратегии молодежи
Доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации)	Процент	Политические стратегии
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Лет	Самосохранительные стратегии
Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом	Процент	Самосохранительные стратегии
Уровень образования	Процент	Образовательные стратегии
Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи	Процент	Самореализационные стратегии
Доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью	Процент	Общественные стратегии
Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности	Процент	Духовно-нравственные стратегии
Число посещений культурных мероприятий	Млн единиц	Досуговые стратегии
Качество городской среды	Коэффициент	Миграционные стратегии
Качество окружающей среды	Коэффициент	Самосохранительные стратегии
Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета	Процент	Экономические стратегии
Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых	Тысяч человек	Экономические стратегии, карьерные стратегии
«Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений	Процент	Коммуникативные стратегии

Таким образом, объектом предлагаемого исследования являются социальные стратегии молодежи, предметом же исследования становится отражение ключевых показателей эффективности деятельности региональных органов управления молодежной политикой в социальных стратегиях молодежи.

Показатели индикаторов КРІ для органов управления молодежной политикой были получены из данных мониторинга «Социальные стратегии молодежи», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года.

В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2024 года, респондентами онлайн-опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5847 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая). В исследовательской концепции 2024 года было определено и изучено 12 социальных стратегий: экономические, политические, семейные, общественные, досуговые, карьерные, образовательные, миграционные, духовно-нравственные, самосохранительные, коммуникативные, самореализационные. Данные предыдущих лет мониторинговых замеров социальных стратегий региональной молодежи можно найти в публикациях коллектива Центра [31; 32; 33 и др.].

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С позиции определения ключевых показателей эффективности планирования и реализации социальных стратегий молодежи имеет смысл ориентироваться на ключевые показатели эффективности для региональных органов власти, установленные на федеральном уровне для обеспечения единства воздействия, целенаправленности усилий по влиянию на воспроизводство регионального человеческого капитала и обеспечение качества социальных процессов регионального развития. Для ряда таких показателей данные, полученные путем исследования, могут иметь прямое значение (показывать непосредственную информацию по вопросу), для других – косвенное, или опосредованное – основанное на восприятии молодежи как носителей будущего вклада в региональный человеческий капитал, ее мнения – как результата воздействия общественного мнения и отражения социального настроения и социальной напряженности регионального сообщества, ее планов – как возможных прогнозных результатов развития региона, а также рисков возникновения альтернативных вариантов сценариев такого развития.

В этой связи были рассмотрены все показатели региональной эффективности, возможные к фиксации в индикаторах исследования социальных стратегий молодежи.

Доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации). Данный показатель был измерен через политические стратегии молодежи и показал, что в лице губернатора и президента молодежь находит субъектов

высокого доверия (доверие к ним стремится к 70%) (в 2023 году данный показатель не превышал 62%). Если говорить об индексе доверия, который рассчитывается как сумма показателя высокого доверия и 0,5 от показателя среднего доверия, то уровень доверия первым лицам будет выходить на уровень 73–78%. Достаточно ли этого значения как отражения эффективности деятельности данных субъектов? Возможно, стоит говорить о задачах, стоящих по обеспечению таких показателей не менее чем на уровне 80-процентных значений.

По-нашему мнению, для данного показателя эффективности проблемным является то, что невысок индекс доверия к армии (как гаранту безопасности и символу сегодняшней ситуации) – он составляет чуть более 60%, в то время как высокое доверие к армии отмечают только 50%. Также стоит обратить внимание на девальвацию доверия к церкви – только 40,9% говорят о высоком доверии, а индекс доверия составляет только 52%. Существует проблема и с политическими партиями, индекс доверия к которым не превышает 50% для молодежи, что провоцирует вопрос – насколько их деятельность эффективна, если они заслуживают таких низких оценок доверия среди молодых избирателей. В целом стоит отметить, что там, где есть индивидуальная ответственность, личность – доверие молодежи более высоко, чем там, где образом социального института является коллективный субъект.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Показатель был рассмотрен через самосохранительные стратегии молодежи.

Возрастные рубежи дожития как раз показывают те жизненные планы, которые отражают реальную ситуацию восприятия жизненного периода и одновременно дают оценку социальной ситуации – видит ли молодежь смысл в высокой продолжительности жизни? Большая часть молодежи сейчас не устанавливает долгосрочный период жизни и ориентируется на 70-летний рубеж (55,3%) и 80-летний (48,7%) – и данные значения нельзя назвать удовлетворительными, хотя в 2023 году они составляли 53,6% и 43,5% (рисунок 1). В обязательных планах дожитие до 90 и 100 лет остается только у 41,4% и 37,1% (40,87% и 36,5% в 2023 году). Соответственно, можно сделать вывод, что на данный момент общественное мнение, преобладающее среди молодежи, не формируется в концепции активного долголетия и целеустремленного планирования долгой жизни: оценка социальной ситуации и уровня жизни пожилых людей, доживающих до такого возраста, пока не формируют привлекательность такой цели. Но в целом стоит отметить существующую микродинамику на увеличение таких стремлений (буквально 1–3% по отношению к 2023 году) – и в этом отношении даже небольшой шаг можно считать продвижением на пути смены демографического менталитета.

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»
Figure 1 – Respondents’ answer to the question: “How important is it for you to take the following steps in the future?”

Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Показатель также рассмотрен через самосохранительные стратегии. Молодежь, вовлеченная в спорт, занимающаяся им регулярно составила 42,2% (рисунок 2). Данный показатель нельзя назвать эффективным, так как возрастная динамика даже среди молодежи показывает, что есть его снижение при переходе молодежи в статус

«работающей». Если говорить о планировании в этой области, то, скорее всего, переход за 50%-ный рубеж для молодежи, вовлеченной в систематические занятия физкультурой и спортом, будет являться показателем эффективной работы по этому направлению. Потенциал такого покрытия возможен, так как существует группа в размере 27,7%, которая занимается спортом и физкультурой, но не регулярно.

Вовлеченность молодежи в занятия спортом и физкультурой

Рисунок 2 – Ответы респондентов на вопрос: «Можно ли сказать, что Вы систематически занимаетесь физической культурой и спортом?»
Figure 2 – Respondents’ answer to the question: «Can we say that you regularly engage in physical culture and sport?»

Качество окружающей среды. Качество среды является важным условием возможности реализации самосохранительных стратегий молодежи. Показатель качества среды был разделен на четыре уровня, каждый из которых имел трансформирующиеся индикаторы состояния воздуха и воды, озеленения территории, отношения к мусору и отходам, возможностей для прогулок и занятий спортом, благотворности влияния среды на здоровье в целом:

– *отличное качество* – чистый воздух и вода, большое количество зеленых насаждений, правильная утилизация мусора и отходов, есть возможность для пеших прогулок и занятий спортом, среда способствует сохранению здоровья;

– *хорошее качество* – воздух и вода соответствуют норме, есть места с зелеными насаждениями, нет особых нареканий к утилизации мусора и отходов, можно найти место для пеших прогулок и занятий спортом, среда не вредит здоровью;

– *удовлетворительное качество* – бывает так, что воздух не соответствует нормам, есть претензии к качеству воды, мало зеленых насаждений, проблемы с вывозом мусора, мало возможностей для пеших прогулок и занятий спортом, есть угроза для здоровья населения;

– *плохое качество* – воздух имеет определенный запах, возможны выбросы, вредные для дыхания, вода практически не пригодна для использования, только для технических нужд, вывоз

мусора и отходов производится несвоевременно, есть угроза загрязнения окружающей среды, все-рез нарушены экологические условия, наносится серьезный вред здоровью населения.

Качество среды региональной молодежью в основном было оценено как отличное или хорошее, с превалированием отличных оценок (43,4% по отношению к сумме 79,6%) (рисунок 3) – наблюдается положительная динамика по сравнению с 2023 годом (на 5%). Так как показатель в принципе стремится к высокому уровню, для повышения эффективности деятельности органов регионального и муниципального управления (здесь рекомендации могут быть скорее адресованы уже к региональной и муниципальной власти, так как региональные органы управления молодежной политикой не могут прямо влиять на состояние окружающей среды (исключения здесь могут быть установлены в отношении работы экологических молодежных объединений)) стоит поставить задачу (для соответствующих органов), обратить внимание на необходимость повышения качества среды, для превалирования отличных оценок и уменьшения оценок удовлетворительных и плохих в принципе. Органы управления молодежной политикой в своей части ответственности могли бы усилить такие направления, как экологические марши и субботники, и поддержать экологическое волонтерство в регионе.

Качество окружающей среды в оценках молодежи

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество окружающей Вас среды (с позиции экологии и здоровьесбережения)?»

Figure 3 – Respondents' answer to the question: «Please rate the quality of the environment around you (from the standpoint of ecology and health preservation)?»

Уровень образования. Образовательные стратегии молодежи показали, что количество молодежи, ориентированной на образование и постоянное самообразование составляет 63,9% (рисунок 4) – в разрезе национальных задач, и для данного показателя эффективности это значение не является выдающимся – его можно определить, скорее, как низкий уровень таких устремлений, с учетом, что это лишь отражение жизненного плана и образовательных установок. И хотя процент тех, кто ориентируется только на школьный или университетский уровень, незначителен (8,6%), а 67,5%

молодежи ориентированы на получение высшего образования и 28,3% на получение второго высшего образования, но наблюдаемая небольшая отрицательная динамика по отношению к 2023 году акцентирует внимание на возможном снижении интереса к высшему образованию и образованию вообще, что, скорее всего, требует со стороны органов управления молодежной политикой как минимум дополнительной профориентационной работы среди школьников по формированию и поддержанию интереса к получению высшего образования и мотивации к постоянному обучению.

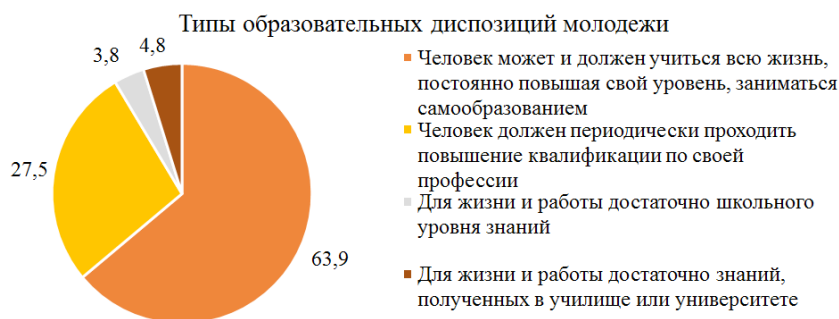

Рисунок 4 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»

Figure 4 – Respondents' answer to the question: «Which group do you belong to?»

Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи. О данном показателе стоит судить по группе молодежи, которая считает, что им никто не помог с проблемой раскрытия таланта и способностей (была самоорганизация или помощь друзей, родных и близких или способности до сих пор не раскрыты) и на 2024 год группа таких

молодых людей составляет 54,1% (по отношению к 2023 году произошло снижение этой группы на 4% (с 58,5%)) (рисунок 5). Но размер дефицитной группы по-прежнему достаточно велик, что ставит задачу по актуализации разработки мероприятий и мер выявления и поддержки талантливой молодежи, создания условий для раскрытия способностей и самореализации молодежи как таковой.

Оценка помощи в самореализации

Рисунок 5 – Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, была ли Вам оказана помощь по выявлению, поддержке и развития способностей и талантов со стороны педагогов, преподавателей и других специалистов, отвечающих за это?»

Figure 5 – Respondents' answer to the question: «Do you think you were provided with assistance in identifying, supporting and developing your abilities and talents from teachers, lecturers and other professionals responsible for this?»

Доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью. Данный показатель может быть измерен посредством общественных стратегий и вовлеченности молодежи в волонтерские мероприятия. Несмотря на то, что на постоянной основе занимаются волонтерством посредством работы с общественными организациями порядка 13% молодых людей, в 2024 году участвовали в волонтерских мероприятиях не менее 45% молодежи (в 2023 году таких было 40%). При этом наиболее востребованы были практики, связанные со специальной военной операцией (рисунок 6). Данный

показатель достаточно высок для вовлеченности (именно он показывает эффективность работы органов молодежной политикой в данном направлении), но, если говорить о регулярности волонтерской деятельности, имеет смысл ориентироваться все-таки на 13% – это тот волонтерский ресурс молодежной среды, на который можно действительно рассчитывать. Однако органам управления молодежной политикой следует обратить пристальное внимание на волонтерский потенциал – желание молодежи включиться в те или иные виды волонтерской деятельности в 2024 году достаточно высоко.

Рисунок 6 – Ответы респондентов на вопрос: «Вы лично в течение последнего года делали что-либо из перечисленного ниже добровольно и безвозмездно (исключая помощь членам семьи и близким родственникам)? Готовы ли делать что-либо из перечисленного списка в будущем?» (отвечали все респонденты)

Figure 6 – Respondents' answer to the question: «Have you personally done any of the following things voluntarily and without compensation (excluding assistance to family members and close relatives) over the past year? Are you prepared to do any of the following things in the future?» (all respondents answered)

Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Данный показатель мы видим в рассмотрении типов социальных диспозиций в духовно-нравственных стратегиях. Исходя из динамики представленности типов видно, что появляется «статистическая волна» – происходит небольшое снижение групп молодежи высокой и ситуативной духовности на фоне небольшого роста конформной позиции и низкой духовности (рисунок 7). Существенное превазирование ситуативной духовности говорит о том, что мероприятия по формированию духовно-нравственной культуры (как со стороны образовательных организаций, так и со стороны органов управления молодежной политикой) недостаточно эффективны, а то, что они не принесли изменений в 2024 году, – прежде всего показывает, что и сама система воздействия не изменилась.

В 2024 году были измерены традиционные ценности, а также ценности служения (которые предлагаются как ориентиры в формировании личности молодежи на национальном уровне) – определена их представленность в среде и успешность их интериоризации молодежью региона. В качестве индикаторов в вопросе использовались не сами ценности (их названия), а операционный контекст – были даны ситуации, утверждения, с которыми респонденты могли согласиться или не согласиться. При этом операционализация была проведена в двух направлениях (было предложено два вопроса) – представленность ценностей в среде (месте проживания и месте обучения респондентов) и личная включенность, разделяемость респондентом операционного контекста ценности (в статье мы предлагаем иллюстрацию к данному вопросу). Стоит отметить тот факт, что социальная среда, по оценкам молодежи, успешно

Духовно-нравственные диспозиции молодежи

Рисунок 7 – Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?», динамика ответов
Figure 7 – Respondents’ answer to the question: «Which group do you belong to?», dynamics of responses»

транслирует все традиционные ценности и ценности служения, создавая тем самым пространство для их успешной интериоризации (отмечено более чем 90% молодежи для каждой ценности). Но, несмотря на насыщенность пространства региона

и образовательных организаций ценностными смыслами, успешность их интериоризации не так очевидна и не превышает 80% в однозначных ответах (рисунок 8).

Интериоризация традиционных ценностей молодежью региона

Рисунок 8 – Ответы респондентов на вопрос: «С какими из следующих утверждений Вы полностью согласны, что из этого является вашим внутренним убеждением?» (предлагались суждения, операционализирующие ценности)

Figure 8 – Respondents’ answer to the question: «Which of the following statements do you completely agree with, which of these is your inner conviction?» (judgments were offered that operationalize values)

При этом есть ценности, интериоризируемые наиболее быстро и легко (их полностью разделяет свыше 70% респондентов: ценности жизни, достоинства, свободы, права, нравственности), а есть группа ценностей, интериоризируемая с трудом (их разделяет менее 60% – такие ценности, как служение отечеству и ответственность, приоритет духовного над материальным, коллективизм и ответственность – две последние относятся к ценностям служения). Данная ситуация ставит дополнительные задачи перед органами управления молодежной политикой по поиску мероприятий, позволяющих усвоить ценностные смыслы

– через эмоциональное состояние, «прикосновение» к ним, иные формы интериоризации.

Число посещений культурных мероприятий было определено посредством создания культурно-досуговой карты молодежи области. На данной карте превалирует гастрономический и спортивный досуг (как постоянные формы) – по сути, это нерегулируемые формы, основанные на самоорганизации молодежи, но в 2024 году спортивный досуг вышел на первое место – это в том числе работает на такой показатель эффективности, как вовлеченность молодежи в спорт (рисунок 9).

Досуговая карта региональной молодежи

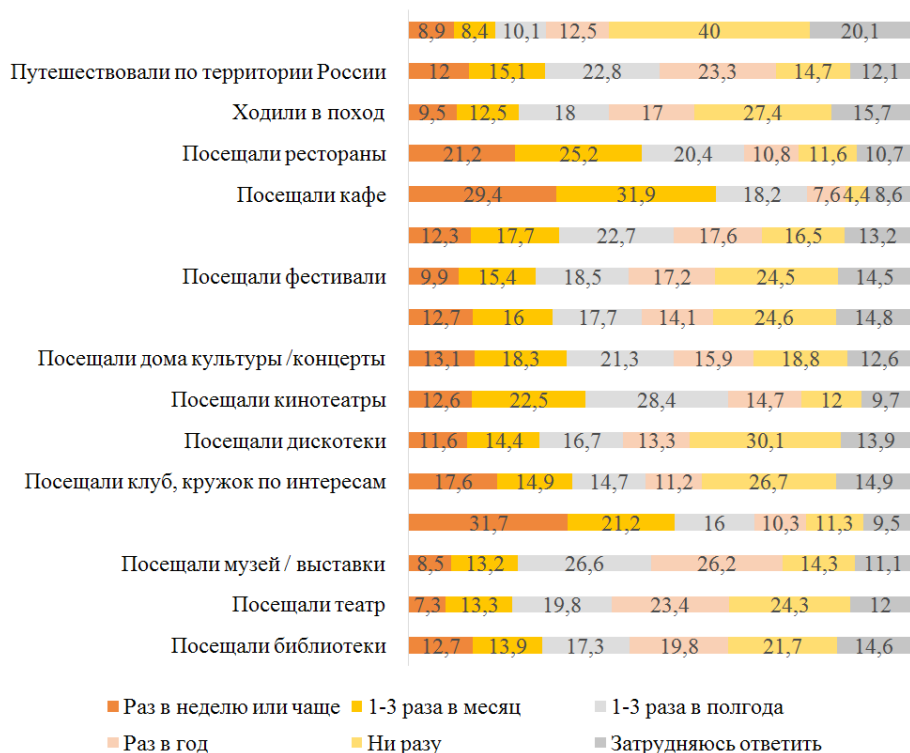

Рисунок 9 – Ответы респондентов на вопрос: «Как часто Вы в последний год ...?»
Figure 9 – Respondents' answer to the question: «How often in the last year have you ...?»

Качество городской среды. Показатель был оценен через миграционные стратегии, был основан на уровневой оценке (четыре уровня качества городской среды), где трансформировались индикаторы развитости инфраструктуры, технологизации, благоустройства, чистоты, комфортности условий для учебы, работы и проживания в целом:

– *отличное качество* – развита инфраструктура, высокий уровень современных технологий, благоустройства, чистоты, много мест, интересных для молодежи – приятно жить, учиться и работать;

– *хорошее качество* – многое делается для развития территории, благоустраивается, содержится в относительном порядке, есть ориентация на молодежь;

– *удовлетворительное качество* – есть претензии к объектам инфраструктуры, для молодежи мало мест для досуга и творчества, чистота и благоустройство оставляют желать лучшего;

– *плохое качество* – для благоустройства территории практически ничего не делается, молодежи некуда пойти, грязно – в таком месте неприятно жить, хочется его покинуть.

Превалирующим выбором стал второй уровень (оценка хорошо), но разница между первым и вторым уровнем в выборе незначительная (1,3%). В совокупности с высоким (первым) уровнем выбор положительной оценки качества городской среды составил 83,5%. Так как качество городской среды является одним из факторов, влияющих на миграционный потенциал (особенно молодежи), задачами для всех органов управления становится

создание таких условий, которые позволят вывести оценку первого уровня в приоритет и сократить удовлетворительные и неудовлетворительные оценки (на данный момент они составляет 16,5%). Для органов молодежной политики это могут быть в том числе и задачи по организации зон молодежной коммуникации, досуга.

Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований

федерального бюджета. Данный показатель имеет только косвенную оценку и может быть рассмотрен через потенциальное желание сделать вклад (инвестировать) в свой регион среди молодежи. И группа тех, кто может сделать это безусловно, без выгоды для себя, составила 37,5%. В целом же те, кто готов инвестировать на тех или иных условиях или без них, достигает 69,6% и может косвенно говорить и о внутренней инвестиционной привлекательности региона для молодежной группы (рисунок 10).

Рисунок 10 – Ответы респондентов на вопрос: «Если бы у Вас было достаточно средств, Вы бы могли инвестировать их в развития нашего региона?»

Figure 10 – Respondents' answer to the question: «If you had enough money, could you invest it in the development of our region?»

Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых рассматривалась через вовлеченных в предпринимательство, а также варианты интересных бизнесов и потенциал включения в них молодежи. Преимущество получил бизнес, связанный с услугами – на него ориентированы 17,6% молодежи; он же, как и бизнес, связанный с самозанятостью и малый бизнес, чаще всего реализуется молодежью (более 13%). Средний бизнес как вариант ведения бизнеса занимает второе место по возможности реализации, третьим вариантом стала самозанятость. Менее всего молодежь привлекает производство. Если посмотреть на распределение вовлеченности в бизнес и его направления всей молодежи региона (рисунок 11), то становится ясно, что на данный момент в разные направления вовлечены до 3,2%, но не менее 1,3%, и еще как минимум порядка 14% молодежи желали бы иметь разные варианты бизнеса (показатели практически не изменились по отношению к 2023 году). Учитывая, что в исследовании приняли участие порядка 20% работающей молодежи,

такая доля вовлеченности невысока – таким образом, потенциально достижение данного показателя эффективности для региона может стать проблемным, что требует поиска форм приобщения, вовлечения и поддержки бизнес-идей и проектов со стороны органов управления молодежной политикой.

«Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений. Данный показатель был оценен через мнение молодежи о цифровизации и информатизации различных сфер региональной среды. Достаточно высоко оценены цифровизация и информатизация таких сфер, как сфера образования (70,4%), государственная и муниципальная служба (69,5%), пассажирский транспорт (68,9%), сфера культуры и спорта (по 68,5%). Менее других определена достаточность цифровизации для сфер общественного питания и сферы здравоохранения

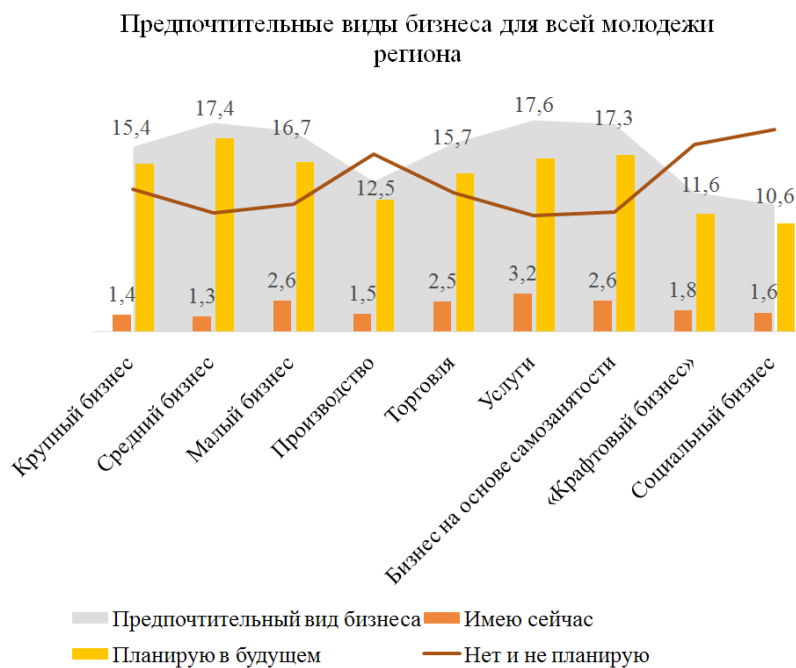

Рисунок 11 – Ответы респондентов на вопрос: «Какой бизнес Вы бы хотели иметь в будущем, а возможно уже имеете его сейчас?», от всего массива молодежи
Figure 11 – Respondents’ answer to the question: «What business would you like to have in the future, or perhaps you already have one now?», from the entire array of young people»

(рисунок 12). Стоит отметить положительную динамику по данному вопросу и одновременно актуализировать задачи для всех органов регионально-го управления – цифровизация жизненных сфер

помимо комфорта показывает соответствие региона требованиям прогресса и выравнивает условия проживания по отношению к мегаполису, что является важным фактором снижения миграции молодежи.

Рисунок 12 – Ответы респондентов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, достаточно ли оснащены цифровыми возможностями и информационными технологиями (получение и отслеживание информации, связь, дистанционные услуги) следующие сферы нашего региона в месте Вашего проживания?»

Figure 12 – Respondents’ answer to the question: «Please assess whether the following areas of our region in your place of residence are sufficiently equipped with digital capabilities and information technologies (receiving and tracking information, communications, remote services)?»

Отдельным вопросом исследования стал вопрос о возможности реализации жизненных стратегий – мироощущение молодежи, формируемое на основе оценки ситуации, в том числе и поддержки государства и общества, лакмус для общества неравенства и риска (рисунок 13). Как видно из ответов о низкой возможности реализации определенных стратегических решений, 10,0% видят определенные трудности в возможности решить жилищный вопрос, 9,6% – в возможности

заниматься предпринимательством, 8,9% – найти высокооплачиваемую работу (показатель снизился по отношению к 2023 году на 2%, ранее он занимал первое место). Среди максимально высокой оценки возможностей присутствуют такие стратегические индикаторы, как возможность получить хорошее образование (66,9%), создать семью (65,0%), заниматься физкультурой и спортом (67,0%) – все эти возможности увеличены по отношению к прошлому году на 2–3%.

Рисунок 13 – Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете свои возможности (если вы их реализовали, отметьте их как высокие)?»

Figure 13 – Respondents' answer to the question: «How do you rate your capabilities (if you have realized them, mark them as high)?»

■ **ОБСУЖДЕНИЕ**

Фиксация и анализ динамики показателей социальных стратегий молодежи, позволяющих прямо или косвенно судить о возможном достижении ключевых показателей эффективности деятельности органов управления молодежной политикой региона, показывает зоны проблем и достижений, в том числе и на основе анализа динамики по отношению к 2023 году. Анализ таких зон может стать основой для определения акцентов и направлений (а также рекомендаций) для органов управления молодежной политикой.

Так, например, по показателям доверия ко всем субъектам власти и социальным институтам отмечается однозначный рост по сравнению с 2023 годом, показатели имеют значимое увеличение, что говорит о действительно эффективных действиях по созданию благоприятного климата,

стимулирующего рост доверия в молодежной среде.

Показатели, выводящие нас на возможность судить об ориентации молодежи на высокую продолжительность жизни, хотя и имеют положительную динамику, но она настолько незначительна, что трудно говорить о реальном и целенаправленном воздействии на них – скорее всего это просто годовые колебания, которые могут быть исключены в последующих замерах – но данная позиция является одной из самых важных и системных, так как представляет собой «лакмусовый индикатор» в отношении рефлексии реального качества жизни, образа пожилого человека, а также оценки жизненной перспективы и возможностей для молодежи.

Неизменными остаются показатели вовлеченности молодежи в спорт – и здесь, наверное,

стоит обратить внимание на то, что данная задача является национальным ориентиром и имеет под собой управляемый ресурс, в том числе в виде воздействия со стороны образовательных организаций – таким образом, положительная динамика здесь однозначно возможна.

Увеличен показатель отличной оценки качества окружающей среды – его динамика достаточна, чтобы выдвинуть предположение о целенаправленной работе в этом отношении, решении локальных проблем, связанных с отходами, загрязнением и другими проблемными индикаторами. И молодежь в этом отношении выступает как носитель общественного мнения, что позволяет говорить о высокой оценке ситуации и со стороны регионального населения.

Практически без изменений остаются образовательные диспозиции молодежи, хотя ориентация на высшее образование несколько снизилась – на это стоит обратить внимание как на отдельную задачу профессиональной ориентации со стороны региональных органов управления молодежной политикой.

В плане работы с талантами есть видимое улучшение ситуации – группа, которая была предоставлена сама себе в плане самораскрытия, значимо уменьшилась, что может говорить о целенаправленных мерах в отношении решения этого вопроса (хотя ввиду существования организованной системы мероприятий, такие уменьшения могли быть более значительными).

Происходит некоторое снижение волонтерского ресурса и волонтерской вовлеченности – оно не настолько велико, чтобы делать выводы о неэффективности мероприятий в этой области, но оно однозначно говорит, что существующие предложения со стороны молодежной политики данный ресурс не увеличивают, необходим поиск новых форм вовлечения, мотивации реальных и потенциальных волонтеров.

Отмечается волновая динамика в показателях духовных диспозиций – необходим поиск более эффективных форм работы с духовностью, которые можно было бы связать с повышением интериоризации традиционных ценностей (где отмечены определенные проблемы), в том числе и с ценностями служения, которые могут быть интериоризированы, как правило, через командные и коллективные формы работы, личные зоны ответственности молодежи. Особого внимания заслуживают невысокие показатели интериоризации такой ценности, как служение отечеству – она является операциональным индикатором патриотизма и показывает рассогласование в оценке среди молодежи (так, для региональной молодежи показатель патриотизма составляет порядка 94%) и реальным отражением тех ценностных состояний, которые его характеризуют (56,7%).

Трансформировалась культурная карта молодежи, и как первый компонент в ней в 2024 году фигурирует спортивный досуг – это по-прежнему самоорганизационная форма, но она однозначно выводит молодежь на другой уровень досугового потребления (в отличие от гастрономического досуга). Такие трансформации необходимо поддерживать и определить направления дальнейших изменений, полезных для региона, позволяющих влиять на формирование нужных ценностей, ориентиров и дальнейших жизненных стратегий (в том числе связанных и с командными формами взаимодействия в военно-патриотических сменах).

Результатом целенаправленных действия можно считать и улучшение качества городского пространства, что нашло отражение в динамике отличных оценок его среди молодежи – отмечается значительный прирост данного показателя, что может повлиять и на досуговые, и на миграционные стратегии молодежи.

Фактически не меняется инвестиционная привлекательность региона для молодежи, и здесь мы имеем дело с общей оценкой социально-экономической региональной системы, а также косвенным отражением приверженности и региональной идентичности.

Можно сделать вывод, что в целом результаты, которые показывают социальные стратегии молодежи, и их отражение на достижениях ключевых показателей эффективности органов управления молодежной политикой, скорее можно оценить как положительные, но их нельзя назвать прорывными и целенаправленно достигнутыми, что говорит о не разработанной системе планирования влияния на данные показатели со стороны всех органов регионального управления. Одновременно стоит подчеркнуть и потенциал такого планомерного воздействия, который будет реализован уже в конкретных жизненных планах и решениях молодежи.

В качестве предложений и рекомендаций по итогам проведенного анализа и выявленных проблем, можно высказать следующее:

– для укрепления научно-методической основы управления молодежной политикой региона рекомендуется создание рабочей междисциплинарной группы по расчету прогнозируемых региональных эффектов, исходя из получаемых показателей социальных стратегий, прямо или косвенно влияющих на региональные показатели эффективности (создание прогнозных моделей);

– исходя из проведенных прогнозных расчетов необходимо осуществить планирование нормативных (желательных) значений по основным индикаторным показателям стратегий молодежи региона, установив вероятностные значения достижений в ближайшей и долгосрочной перспективе (ежегодное планирование, планирование на срок 3–5 лет);

– исходя из существующих проблемных значений и установленных планов, органы управления молодежной политикой региона могут разработать дорожные карты поддержки и координации достижения искомых значений показателей, отраженных в социальных стратегиях молодежи;

– для усиления социальных эффектов и консолидации усилий есть необходимость создания межведомственных проектных команд по достижению наиболее значимых показателей (особенно в отношении косвенных индикаторов социальных стратегий молодежи).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи / Ростовская Т. К., Бугаев А. В., Петрова Т. Э., Пойманова З. И., Быкадоров Ю. Г., Кочетков А. В., Виноградова М. В., Никопорец-Такигава Г. Ю., Шимановская Я. В., Перфильев Ю. С. Коллективная монография. Москва, 2018. 198 с. ISBN 978-5-7139-1349-6. EDN YWCEBA.
2. Кочетков А. В., Новикова Т. В., Попова О. В., Соколова Д. А. 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. Москва, 2022. ISBN 978-5-7151-0590-5. EDN LYIXEO.
3. Камалова М. И., Соловьев А. И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. DOI 10.24411/2070-1381-2020-10109. EDN MDYYRK.
4. Кочетков А. В. Новые ориентиры государственной молодежной политики заданы президентом России // В сборнике: 30 лет государственной молодежной политике Российской Федерации. Москва, 2022. С. 335–338. EDN PPSXRB.
5. Кочетков А. В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 120–135. DOI 10.19181/пко.2023.29.3.7. EDN XYTXEY.
6. Ростовская Т. К. Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России. Том 1. Москва, 2014. 192 с. EDN UDGNVB.
7. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Москва, 2016. 166 с. ISBN 978-5-905790-16-4. EDN VSHACV.
8. Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России. Москва, 2020. 155 с. ISBN 978-5-534-13287-8 EDN AORBEF.
9. Захарова И. В., Селезнёв Д. О. Цели и принципы региональной молодежной политики // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 3 (9). С. 14–24. EDN KFZEYU.
10. Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22–26. DOI 10.24158/tipor.2018.6.4. EDN URNQU.
11. Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902–932. DOI 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. EDN SJMMSI.
12. Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Масоров С. Д. Проблема конструктивности политического участия молодежи в современных российских условиях // Вопросы управления. 2022. № 6 (79). С. 22–34. DOI 10.22394/2304-3369-2022-6-22-34. EDN SEVSWY.
13. Алейников А. В., Мальцева Д. А., Тузова П. Р. Аудит экосистемы молодежной политики в Российской Федерации в условиях цифровизации: риск-рефлексивный подход (Часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 1. С. 133–144. DOI 10.21638/spbu23.2023.109. EDN GHAIUE.
14. Хаирова М. М. Рекомендации по совершенствованию управления молодежной политикой на региональном уровне КБР // Вестник науки. 2023. Т. 2, № 12 (69). С. 859–865. EDN NFWDDQF.
15. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The absence of public policies for youth as an offense to human rights // Revista Brasileira de Políticas Públicas. 2021. Vol. 11, № 1. Pp. 419–431. DOI 10.5102/RBPP.V11I1.6628.
16. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J. J. Obstacles to achieve the SDGs in El Salvador. Youth policies, young gangs and NGOs: A complex analysis // Iberoamerican Journal of Development Studies. 2020. Vol. 9, № 1. Pp. 28–51. DOI 10.26754/OJS_RIED/IJDS.444. EDN YYIZSN.
17. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating authority through the National Youth Policy in post-war Nepal // Modern Asian Studies. 2018. Vol. 52, № 3. Pp. 1043–1075. DOI 10.1017/S0026749X16000937.
18. Nikiporets-Takigawa G., Youth and youth policy in the UK: Post-brexite view // Sovremennaya Evropa. 2018. № 1. Pp. 47–58. DOI 10.15211/soveurope120184758. EDN YULCWH.
19. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming youth policy in Zimbabwe - what role for rural youth? // Cogent Social Sciences. 2021. Vol. 7, № 1. DOI 10.1080/23311886.2021.1893907. EDN CPXMDA.

20. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of young people 'at risk' with the alliance of employability and precariousness in the EU youth policy steering // *Policy Futures in Education*. 2020. Vol. 18, № 2. Pp. 240–260. DOI 10.1177/1478210319838666.
21. Rocha E., Costa J., Silva C. B. E., Posthuma A., Caruso L. A. Different Types of vulnerabilities among Youth that Do Not Work or study: What Public Policies are suitable for this Group? // *Novos Estudos CEBRAP*. 2020. Vol. 39, № 3. Pp. 545–562. DOI 10.25091/S01013300202000030005. EDN SXBTGY.
22. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and policies on disadvantaged youth in Spain: An analysis using the capability approach // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015. 152. Pp. 47–64. DOI 10.5477/cis/reis.152.47. EDN RVISCB.
23. Vidal S., Connell C. M., Prince D. M., Tebes J. K. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice // *Adolescent Research Review*. 2019. Vol. 4, № 1. Pp. 15–29. DOI 10.1007/s40894-018-0088-1. EDN TVJWIU.
24. Haikkola L. Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services // *Acta Sociologica (United Kingdom)*. 2019. Vol. 62, № 3. Pp. 334–348. DOI 10.1177/0001699318784341.
25. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of youth policy regimes and early job insecurity - towards an integrated approach // *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*. 2019. Pp. 138–157. DOI 10.4337/9781788118897.00014.
26. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and 'High Risk' Boys in the Netherlands // *Ethnos*. 2018. Vol. 83, № 5. Pp. 850–867. DOI 10.1080/00141844.2017.1362452.
27. Davidson E., Carlin E. «Steeling» Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland // *Social Policy and Society*. 2019. Vol. 18, № 3. Pp. 479–489. DOI 10.1017/S1474746419000095.
28. Mazzoni D., Cicognani E., Cifatte C., Zani B., Floresta L. Italian young people through the Lens of Youth Policies // *Socialni Studia / Social Studies*. 2018. Vol. 15, № 2. Pp. 75–96. DOI 10.5817/soc2018-2-75.
29. Jessee C., Moore A. M., Olenik C., Trevelline C. P., Taggart N. Listening to youth through 17 cross-sectoral youth assessments: Implications for programming and policy // *Journal of Youth Development*. 2021. Vol. 16, № 2-3. Pp. 20–54. DOI 10.5195/JYD.2021.1046. EDN ITYCEJ.
30. Walther A., Lüküslü D. G., Loncle P., Pais A. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities // *Young*. 2021. Vol. 29, № 2. Pp. 191–209. DOI 10.1177/1103308820937550. EDN BPECGR.
31. Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // *Регионология*. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768–792. DOI 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN ZBBIWU.
32. Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? // *Социологические исследования*. 2023. № 2. С. 83–94. DOI 10.31857/S013216250024385-6. EDN ODCAGO.
33. Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 3. С. 150–163. DOI 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN KVLEGGK.

REFERENCES

1. Rostovskaya, T. K., Bugaev, A. V., Petrova, T. E., Poimanova, Z. I., Bykadorov, Yu. G., Kochetkov, A. V., Vinogradova, M. V., Nikoporets-Takigawa G. Yu., Shimanovskaya, Ya. V., Perfil'ev, Yu. S. (2018). *Youth Policy in the System of Formation of Civil Identity of Modern Youth*. Moscow, 198 p. ISBN 978-5-7139-1349-6. <https://elibrary.ru/ywceba>.
2. Kochetkov, A. V., Novikova, T. V., Popova, O. V., Sokolova, D. A. (2022). *30 Years of State Youth Policy of the Russian Federation*. Moscow, 340 p. ISBN 978-5-7151-0590-5. <https://elibrary.ru/lyixeo>.
3. Kamalova, M. I., Soloviev, A. I. (2020). State youth policy: problems and ways of development in modern Russia. *Public Administration. E-journal (Russia)*, (83), pp. 62–83. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10109>. <https://elibrary.ru/mdyyrk>.
4. Kochetkov, A. V. (2022) New guidelines for state youth policy set by the President of Russia. *In the collection: 30 years of state youth policy of the Russian Federation*. Moscow, pp. 335–338. <https://elibrary.ru/ppsxrb>.
5. Kochetkov, A. V. (2023) State youth policy: search for an integrative model formation. *Science. Culture. Society*, 29 (3), pp. 120–135. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.7>. <https://elibrary.ru/xytkey>.
6. Rostovskaya, T. K. (2014) Three pillars of state youth policy management in modern Russia. 1. Moscow, 192 p. <https://elibrary.ru/udgnvb>.
7. Zubok, Yu. A., Rostovskaya, T. K., Smakotina, N. L. (2016) Youth and youth policy in mod-

- ern Russian society. Moscow, 166 p. ISBN 978-5-905790-16-4. <https://elibrary.ru/vshacv>.
8. Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2020) Youth policy in modern Russia. Moscow, 155 p. <https://elibrary.ru/aorbef>.
 9. Zakharova, I. V., Seleznev, D. O. (2023) Goals and principles of regional youth policy. *Paradigms of management, economics and law*, 3 (9), pp. 14–24. <https://elibrary.ru/kfzeyw>.
 10. Shapovalova, I. S., Malikova, E. V. (2018) Implementation of state youth policy in Russia: regional aspect. *Theory and practice of social development*, (6), pp. 22–26. <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.6.4>. <https://elibrary.ru/urnqnu>.
 11. Shapovalova, I. S. (2021) Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*, 29 (4), pp. 902–932. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>. <https://elibrary.ru/sjmmisi>.
 12. Didkovskaya, Ya. V., Trynov, D. V., Masorov, S. D. (2022) The problem of constructiveness of the youth political participation in the modern Russian conditions, *Management Issues*, (6), pp. 22–34. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-6-22-34>. <https://elibrary.ru/sevswy>.
 13. Aleinikov, A. V., Maltseva, D. A., Tuzova, P. R. (2023) Audit of the youth policy ecosystem in the Russian Federation in the context of digitalization: A risk-reflexive approach (part 1). *Political Expertise: POLITEX*, 19(1), pp. 133–144. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.109>. <https://elibrary.ru/ghaiue>.
 14. Khairova, M. M. (2023) Recommendations for improving youth policy management at the regional level of the KBR. *Science Bulletin*, 2 (12), pp. 859–865. <https://elibrary.ru/nfwdqf>.
 15. Timoteo, W., De Matos Oliveira, I. (2021) A ausência de Políticas Públicas para a juventude como ofensa aos Direitos Humanos. *Revista Brasileira de Políticas Públicas*, 11 (1), pp. 419–431. <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>.
 16. Martinez-Reyes, A., Navarro-Perez, J. J. (2020) Obstacles to achieve the SDGS in El Salvador. Youth policies, young gangs and NGOs: A complex analysis. *Iberoamerican Journal of Development Studies*, 9 (1), pp. 28–51. https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.444. <https://elibrary.ru/yyizsn>.
 17. Snellinger, A. (2018) From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating authority through the National Youth Policy in post-war Nepal. *Modern Asian Studies*, 52 (3), pp. 1043–1075. <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>.
 18. Nikiporets-Takigawa, G. (2018) Youth and youth policy in the UK: Post-brexite view. *Contemporary Europe*, (1), pp. 47–58. <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>. <https://elibrary.ru/yulcwh>.
 19. Hlungwani, P., Masuku, S., Magidi, M. (2021) Mainstreaming youth policy in Zimbabwe – what role for rural youth? *Cogent Social Sciences*, 7 (1). <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>. <https://elibrary.ru/cpxmda>.
 20. Mertanen, K., Pashby, K., Brunila, K. (2020) Governing of young people ‘at risk’ with the alliance of employability and precariousness in the EU youth policy steering. *Policy Futures in Education*, 18(2), pp. 240–260. <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>.
 21. Rocha, E., Costa, J., Silva, C. B. E., Posthuma, A., Caruso, L. A. (2020) Different Types of vulnerabilities among Youth that Do Not Work or study: What Public Policies are suitable for this Group? *Novos Estudos CEBRAP*, 39 (3), pp. 545–562. <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>. <https://elibrary.ru/sxbtgy>.
 22. Hueso, A., Boni, A., Belda-Miquel, S. (2015) Perspectives and policies on disadvantaged youth in Spain: An analysis using the capability approach. *Revista Espanola de Investigaciones Sociológicas*, 152, 47–64. <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>. <https://elibrary.ru/rviscb>.
 23. Vidal, S., Connell, C. M., Prince, D. M., Tebes, J. K. (2019) Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice. *Adolescent Research Review*, 4 (1), pp. 15–29. <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>. <https://elibrary.ru/tvjwui>.
 24. Haikkola, L. (2019) Shaping activation policy at the street level: Governing inactivity in youth employment services. *Acta Sociologica (United Kingdom)*, 62 (3), pp. 334–348. <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>.
 25. Hora, O., Horakova, M., Sirovatka, T. (2019) Diversity of youth policy regimes and early job insecurity - towards an integrated approach. *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*, pp. 138–157. <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>.
 26. Chalhi, S., Koster, M., Vermeulen, J. (2018) Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and ‘High Risk’ Boys in the Netherlands. // *Ethnos*, 83 (5), pp. 850–867. <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>.
 27. Davidson, E., Carlin, E. (2019) “Steeling” Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland. *Social Policy and Society*, 18 (3), pp. 479–489. <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>.
 28. Mazzoni, D., Cicognani, E., Cifatte, C., Zani, B., Floresta, L. (2018) Italian young people through the Lens of Youth Policies. *Social Studies*, 15 (2), pp. 75–96. <https://doi.org/10.5817/soc2018-2-75>.
 29. Jessee, C., Moore, A. M., Olenik, C., Treveline, C. P., Taggart, N. (2021) Listening to youth through 17 cross-sectoral youth assessments:

- Implications for programming and policy. *Journal of Youth Development*, 16 (2-3), pp. 20–54. <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>. <https://elibrary.ru/itycej>.
30. Walther, A., Lukuslu, D. G., Loncle, P., Pais, A. (2021) Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities. *Young*, 29 (2), pp. 191–209. <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>. <https://elibrary.ru/bpecgr>.
31. Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S. (2024) Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*, 32 (4), pp. 768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>. <https://elibrary.ru/zbbiwu>.
32. Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023) Designing a life path or how young people see their future? *Sociologicheskie issledovania*, (2), pp. 83–94. <https://doi.org/10.31857/S013216250024385-6>. <https://elibrary.ru/odcago>.
33. Shapovalova, I. S. (2023) Self-assessment of material situation and social strategies of youth. *Science. Culture. Society*, 29 (3), pp. 150–163. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>. <https://elibrary.ru/kvlegk>.

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕНСИОНЕРОВ ПО ВОЗРАСТУ: ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОСТАРЕНИЯ

Т. В. Барановская^а, Н. М. Великая^а

^а Институт социально-политических исследований Федерального научного-исследовательского социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Активизация населения послетрудоспособного возраста, имеющего желание и возможность трудиться, является сегодня одним из важных резервов человеческого потенциала страны. В статье обосновывается применение категории социально-трудового потенциала представителей третьего возраста для анализа социогеронтологической проблематики с учетом изменений, происходящих на рынке труда – кадрового дефицита в стареющем обществе. Показано, что успешность реализации потенциала пенсионеров по возрасту зависит не только от внутренних ресурсов пожилых людей, но и от внешних факторов – социально-структурных, интеграционных, социокультурных.

Материалы и методы. В статье приводятся результаты социологических исследований, выполненных методом анкетного опроса в 2009 и 2024 годах с целью изучения проблемного поля реализации социально-трудового потенциала пенсионеров по возрасту через определение актуального образа пожилого работника, социогеронтологических стереотипов в профессионально-деловой сфере, что позволило установить логику развития ситуации и перспективные направления изменений.

Результаты. Установлено формирование положительной тенденции в мнениях опрошенных о пожилых работниках. Более выраженное снижение негативных представлений о пожилых работниках, чем рост позитивных взглядов, свидетельствует о некотором уменьшении влияния негативных социогеронтологических стереотипов за исследуемый период. Авторы связывают полученные результаты с постарением общества, более высоким уровнем образования новых пенсионеров, а также социальными преобразованиями общества, его стабилизацией и усилением тренда традиционности. Вместе с тем, отрицательные суждения все еще популярны. Наибольшие положительные изменения в социальном прочтении социально-трудового потенциала пожилых работников зафиксированы в группе респондентов 18–25 лет, что свидетельствует о потребности молодежи в помощи и поддержке со стороны старших коллег.

Обсуждение. В современном российском обществе остается выраженная амбивалентность мнений по вопросам отношения к старшему поколению, особенно в профессионально-деловой сфере. Несмотря на снижение негативных оценок деятельности работников старшего возраста, амбивалентность и противоречивость в оценках социально-трудового потенциала пенсионеров в общественном мнении сохраняется. Выявленные авторами тенденции могут благоприятно сказаться на интеграции и реинтеграции в трудовую среду пенсионеров, желающих продолжать профессиональную деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Демографическое старение, рынок труда, социально-трудовой потенциал, пожилые работники, пенсионеры, стереотипы.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сбора, обработки и анализа данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

© Т. В. Барановская, Н. М. Великая, 2025

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Барановская Т. В., Великая Н. М. Социально-трудовой потенциал пенсионеров по возрасту: динамика восприятия и реализации в условиях демографического старения // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 2. С. 137–150. EDN EXJGFE.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барановская Татьяна Вячеславовна – доктор социологических наук; Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) – *главный научный сотрудник*; *btv20100404@mail.ru*. SPIN 9400-3484, ORCID 0000-0002-4528-0814, Scopus ID 57214400918, Researcher ID MGW-4085-2025.

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) – *заместитель директора*; *natalivelikaya@gmail.com*. SPIN 2176-4665, ORCID 0000-0001-5532-844X, Scopus ID 8438345700, Researcher ID A-9577-2017.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 05.03.2025; рецензия получена: 13.05.2025; принята к публикации: 26.05.2025.

RESEARCH ARTICLE

SOCIAL AND LABOR POTENTIAL OF RETIRED BY AGE PEOPLE: PERCEPTION AND IMPLEMENTATION IN DEMOGRAPHIC AGING CONTEXT

T. V. Baranovskaia^a, N. M. Velikaya^a

^aInstitute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. The activation of the population of post-working age, who have the desire and ability to work, is today one of the important reserves of the country's human potential. The article substantiates the use of the category of social and labor potential of representatives of the third age for the analysis of socio-gerontological problems, taking into account the changes occurring in the labor market - the personnel shortage in an aging society. It has been shown that the success of realizing the potential of old-age retired people depends not only on the internal resources of older people, but also on external factors - socio-structural, integration, socio-cultural.

Materials and methods. The article presents the results of sociological research conducted using the questionnaire survey method in 2009 and 2024 (N – 1600), with the aim of studying the problematic field of realizing the social and labor potential of pensioners by age through determining the current image of an elderly worker, socio-gerontological stereotypes in the professional and business sphere, which made it possible to establish the logic of the development of the situation and the direction of changes in this aspect.

Results and conclusions. The formation of a positive trend in the respondents' opinions about older workers was established. A more pronounced decrease in negative ideas about older workers than the growth of positive views indicates some decrease in the influence of negative socio-gerontological stereotypes over the period under study. The authors attribute the obtained results to the aging of society, a higher level of education of new retirees, as well as social transformations of society, its stabilization and strengthening of the trend of traditionalism. At the same time, Negative judgments are still popular. The greatest positive changes in the social reading of the social and labor potential of older workers were recorded in the group of respondents aged 18–25, which indicates the need of young people for help and support from older colleagues.

Discussion. The article emphasizes that in modern Russian society there remains a pronounced ambivalence of opinions on issues of attitudes towards the older generation, especially in the professional and business sphere. Despite the decrease in negative assessments of the activities of older workers, ambivalence and inconsistency in assessments of the social and labor potential of pensioners remain in public opinion. The trends identified by the authors may have a positive impact on the integration and reintegration into the work environment of retired people who wish to continue their professional activities.

KEYWORDS

Demographic aging, labor market, social and labor potential, older workers, retired, stereotypes.

AUTHORS CONTRIBUTION

The authors participated in the research concept development, data collection, processing, analysis, manuscript writing, conclusion formulation.

FOR CITATION

Baranovskaia, T. V., Velikaya, N. M. (2025) Social and labor potential of retired by age: perception dynamics and implementation in the context of demographic aging. *Management Issues*, 19 (2), 137–150. <https://elibrary.ru/exjgfe>.

AUTHORS' INFORMATION

Tatyana V. Baranovskaia – Doctor of Sociological Sciences, Institute of Socio-Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, 119333, Fotieva, 6, ldg. 1) – *Chief Researcher*; btv20100404@mail.ru. SPIN 9400-3484, ORCID 0000-0002-4528-0814, Scopus ID 57214400918, Researcher ID MGW-4085-2025.

Nataliya M. Velikaya – Doctor of Political Sciences, Institute of Social and Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, 119333, Fotieva, 6, ldg. 1) – *Deputy Director*; natalivelikaya@gmail.com. SPIN 2176-4665, ORCID 0000-0001-5532-844X, Scopus ID 8438345700, Researcher ID A-9577-2017.

The author declare about interest conflict lack.

The article was submitted 05.03.2025; reviewed 13.05.2025; accepted for publication 26.05.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Старение населения остается в числе наиболее острых социальных проблем в большинстве стран мира. Так, доля людей старше 65 за последние 10 лет в странах Европы выросла в среднем на 3–5% и составляет порядка 21–24%¹. В Российской Федерации в настоящее время почти четверть населения страны (более 24%) – старше трудоспособного возраста². Однако помимо изменения количественных показателей – роста численности и относительной доли пожилых людей – происходят и качественные изменения: повышается образовательный уровень новых пенсионеров, меняется понимание возраста старости в социуме, границы социальной старости отодвигаются как формально – с повышением пенсионного возраста, так и в восприятии граждан [1; 2; 3]. В то же время сегодня фиксируется новая тенденция на рынке труда современной России – кадровый дефицит. Уровень безработицы в настоящее время составляет менее 2,4%, а в органах службы занятости населения на 100 вакансий приходится 24,8 зарегистрированных безработных³.

Такое положение вещей актуализирует социогеронтологическую проблематику в обществе не только с точки зрения организации социального обеспечения или ухода за пожилыми людьми,

но и ставит вопрос о пролонгировании активной жизни, расширении возможностей реализации потенциала тех пенсионеров, которые хотели бы продолжать трудовую деятельность.

В настоящее время в научном дискурсе имеется несколько категорий, обращение к которым могло бы способствовать решению задачи анализа и концептуализации ресурсов старшего поколения в профессионально-деловой сфере стареющего общества. Понятия «человеческий потенциал», «человеческий капитал», «трудовой потенциал», «социально-трудовой потенциал» являются близкими, что объясняет некоторую размытость их границ, находящую отражение в современной научной литературе.

Трудовой потенциал является ведущей составной частью человеческого потенциала, область реализации которого ограничивается сферой труда. В общем виде трудовой потенциал человека можно трактовать как ресурсные возможности в области труда, совокупность способностей человека, определяющих возможность и ограничения его участия в процессе труда⁴. Структурными компонентами трудового потенциала являются профессиональные ресурсы (стаж работы по специальности, образование, творческий потенциал,

¹ Eurostat., Population age structure by major age groups, 2014, 2023 and 2024 (% of the total population). – URL: <https://clck.ru/3MdaTr> (дата обращения: 12.12.2024).

² Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.12.2024).

³ Уровень безработицы (по методологии МОТ) в октябре 2024 г. Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴ Шаталова Н.И. Система трудового потенциала работника // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 51.

квалификация, отношение к труду), возраст, здоровье, активность, личностные характеристики⁵.

Однако широко применяемая категория «трудовой потенциал» в настоящее время не отражает в полной мере всех особенностей социальной составляющей трудовой деятельности представителей третьего возраста. Между субъектами труда возникают сложные социальные взаимодействия, которые не ограничиваются профессионально-деловой сферой, а формируются и моделируются в других сферах общества. Это особенно рельефно проявляется, когда речь идет о трудовой деятельности представителей третьего возраста. Поэтому введение в научный дискурс понятия социально-трудового потенциала следует рассматривать как результат развития категории трудового потенциала, обусловленного современными социально-экономическими реалиями.

В обсуждаемом контексте актуальной становится категория «социально-трудовой потенциал», которая учитывает как «внутренние», так и «внешние» ресурсы [4]. К «внутренним» ресурсам относятся качества человека, обеспечивающие ему возможность ведения трудовой деятельности (образование, стаж, квалификация, здоровье и др.). Тогда как к «внешним» имеют непосредственное отношение социально-структурные, интеграционные, социокультурные ресурсы. Таким образом, социально-трудовой потенциал представителей третьего возраста в современном обществе является интегральной категорией, включающей в себя как внутренние ресурсы представителей третьего возраста, так и внешние, способные активизировать либо ограничивать реализацию внутренних резервов. Социально-трудовой потенциал представителей третьего возраста включает два содержательных компонента: *структурный и динамический* [5]. Структурный компонент фиксирует кумулятивное накопление субъектом формальных квалификаций, институционально подтвержденных компетенций, приобретенных знаний и навыков. Динамический компонент дает возможность рассмотреть как накопление, так и реализацию опыта в виде трудовых и социальных практик в контексте возрастной перспективы.

Обращение к категории социально-трудового потенциала позволяет осуществить такой подход к геронтологической проблематике, при котором наравне с фактическими ресурсами представителей старшего поколения анализируется социальная среда как поле реализации внутренних резервов. Опираясь на эту категорию, мы рассматриваем социальные барьеры реализации не только как ограничения, а как важную составную часть, определяющую динамический компонент социально-трудового потенциала пенсионеров, что позволяет провести более глубокий анализ.

Анализ имеющейся литературы, релевантной теме исследования, показывает, что в современном обществе процесс старения является как биологическим, так и социальным процессом [6; 7]. Признавая, что активизация части послетрудоспособного населения, имеющих желание и возможность трудиться, является одним из внешних резервов человеческого потенциала общества, ученые обращают внимание на сложности и барьеры включения старших возрастных групп в активную трудовую деятельность [8; 9; 10]. Положительный эффект от сохранения пенсионеров на рынке труда подтвержден опытом реформирования, направленного на стимулирование пожилых пенсионеров оставаться на работе [11, с. 49–50].

Негативные социогеронтологические стереотипы, до сих пор имеющие широкое распространение в современном российском обществе, проецируются на профессионально-деловую среду, определяя рост социальной дистанции, ограничивая профессиональную мобильность работающих пенсионеров и возможности реализации их социально-трудового потенциала. При этом как российские, так и зарубежные авторы в основном солидарны в том, что в основе институционального эйджизма лежат социальные стереотипы и предрассудки [12, с. 529; 13, с. 61].

Проблема эйджизма сегодня недостаточно исследована, хотя имеет широкое распространение в социуме: легитимация возрастного неравенства в профессионально-деловой сфере поддерживается и средствами рекламы, телевидения. В России рост эйджистских настроений был обусловлен и событиями 1990-х годов, когда новые реалии стали основой глубоких изменений всех социальных институтов, принеся ценности индивидуального успеха, культ молодости и физической силы.

Новые приоритеты способствовали усилению разрыва поколений, обострению конкуренции между «старшими» и «младшими». За короткий отрезок времени произошло обесценивание трудового потенциала предыдущих поколений, который не только отвергался, но и признавался вредным для дальнейшего развития той или иной отрасли производства или социальной сферы. Представители пожилого возраста ассоциировались с негативными чертами советского времени. Отношение к пожилым людям перекликалось и с социальной политикой государства, согласно которой, пожилые люди выступали лишь как объекты социальной поддержки, которым, по сути, был предписан безличный статус, когда отношение и перспективы практически не зависят от уровня образования, состояния здоровья, интересов, образа жизни конкретного пожилого человека.

Бесперспективность пожилых людей во всех областях жизнедеятельности, а особенно в

⁵ Соболева И.В., Маслова И.С., Белозерова С.А. Реализация трудового потенциала // Человек и труд. 2006. № 9.

профессионально-деловой сфере – основной геронтологический стереотип, который, по сути, является главным препятствием для раскрытия и реализации социально-трудового потенциала представителей третьего возраста. Возникнув в другое время, при других условиях, стереотипы до сих пор распространяются на современных представителей старшего возраста. Исследование этих стереотипов позволяет понять и прогнозировать развитие ситуации на рынке труда для пожилых людей, возможности их профессиональной мобильности. Негативный имидж старости способствует отделению пожилых людей от других членов общества, а с другой стороны, такое отдаление обуславливает еще большую типизацию, закрепление существующего стереотипного образа старости, переноса его на всех пожилых людей.

Особенность геронтологических стереотипов и социальных установок заключается в том, что они оказывают влияние не только на общественное мнение и на отношение к старшему поколению в социуме, но и на самих представителей третьего возраста, которые, в свою очередь, стремятся соответствовать таким представлениям. Однако следуя им, они лишь доказывают правильность бытующих в обществе негативных социальных установок о старении, подтверждая ожидаемую от них ущербность. Дискриминация особенно болезненно воспринимается в профессионально-деловой сфере, так как становится невозможным или ограничивается удовлетворение важнейших потребностей человека, как материальных, так и духовных. Несмотря на то, что дискриминация в трудовой среде обычно носит завуалированный характер, сегодня это одно из самых распространенных негативных явлений в сфере наемного труда: к группе риска на рынке труда относятся и представители третьего возраста. Молодой возраст в настоящее время является весомым аргументом в пользу соискателя вакантной должности. Рынок труда ориентирован в основном на трудоспособную молодежь и людей среднего возраста. В результате место пожилых людей, желающих продолжать трудовую деятельность, – во вторичном секторе рынка труда, который составляют низкооплачиваемые, нестабильные рабочие места.

В статьях, посвященных месту пенсионеров на рынке труда в России, выявляется, что уже на стадии рекрутинга имеются барьеры для лиц старшего возраста, когда многие кандидаты не имеют возможности проявить себя и продемонстрировать свои навыки и опыт, поскольку не могут пройти через возрастной фильтр, который устанавливают нанимающие менеджеры менеджерам по подбору персонала [14; 15].

Заметим, что в исследованиях европейских коллег уже отражено существенное изменение мнений работодателей о пожилых работниках, особенно о так называемых «мягких навыках», таких как надежность и лояльность. Важным фактором, стоящим за этими изменениями, является возраст руководителя: чем он старше, тем более позитивно он относится к пожилым работникам [16; 17]. Тем не менее, эмпирические исследования показывают, что количество негативных вербализуемых стереотипов в отношении пожилых работников в 3 раза больше, чем позитивных, что создает существенные проблемы в корпоративной культуре [18].

Таким образом, социальные механизмы ограничения реализации социально-трудового потенциала развиваются в как в явной, так и в скрытой формах. При этом скрытая форма в некоторых случаях может иметь ключевое значение, что приобретает особую важность из-за социального неравенства по возрастному признаку в профессионально-деловой сфере, имеющего, как правило, теневой характер.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

С целью изучения проблемного поля реализации социально-трудового потенциала пенсионеров, в 2009 и 2024 годах по единому инструментарию было проведено исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров», в рамках которого выявлялся актуальный образ пожилого работника, определяющий установки на продолжение работы в пенсионном возрасте и восприятие работающих пенсионеров методом анкетного опроса в четырех регионах РФ⁶.

Достижение поставленной цели возможно через сравнение и анализ согласия или несогласия респондентов с приведенными в анкете утверждениями о пожилых работниках. В ходе исследования отдельно были зафиксированы и изучены ответы респондентов-руководителей предприятий, так как именно они имеют реальную возможность не просто формировать и выражать свое мнение по поводу социально-трудового потенциала представителей старшего поколения, но и реализовывать эти представления в кадровой политике руководимой организации. Особый интерес представляют и мнения работающих пенсионеров, так как эта социально-демографическая группа имеет возможность увидеть ситуацию одновременно «снаружи и изнутри» – вопросы анкеты касаются их лично и их ровесников – представителей одного или близких поколений.

Сравнительное исследование видится особенно эффективным в контексте меняющейся социально-демографической ситуации. Исследование

⁶ Исследование проведено совместно с Центром социальных исследований РОСС-XXI век в 2009 и 2024 гг. Объем выборочной совокупности – 1600 респондентов из Москвы, Саратова, Самары, Пензы. Выборка – квотно-пропорциональная по полу и возрасту в каждом регионе.

отношения к старшему поколению в обществе традиционно демонстрирует высокую амбивалентность, обусловленную вечной историей вопроса отцов и детей, которая накладывается на современные реалии и умножается на многоуровневость проблемы, с разной интенсивностью распространенной во всех сферах общества. В этом случае помимо абсолютных значений чрезвычайно важной становится фиксация происходящих изменений, их направления и степени выраженности.

За период 2009–2024 гг. укрепились процессы демографического старения, произошло повышение пенсионного возраста, на рынке труда сформировался дефицит рабочей силы, к пенсионному порогу подходят все больше людей с

высшим образованием и компьютерной грамотностью [17; 19]. Какое влияние эти и другие процессы оказали на формирование образа пожилого работника и, как следствие, на возможности и барьеры реализации их социально-трудового потенциала?

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Если до 2016 года экономическая активность предпенсионеров и пенсионеров росла [8, с. 39], то затем численность работающих пенсионеров снижалась вплоть до 2023 года, когда она составила 7912 тыс. человек. И только в 2024 году наметилась позитивная динамика, и численность занятых на рынке труда пенсионеров выросла до 8210 тыс. (таблица 1).

Таблица 1 – Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования РФ
Table 1 – Number of working pensioners registered in the system of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Все работающие пенсионеры, тыс. чел.	14917	15259	9883	9669	9667	9315	8891	8513	7912	8210
В процентах к численности работающих	36,0	35,7	22,9	22,2	22,0	21,4	20,7	20,3	18,9	19,3

Источник: Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (данные на 2024 г.)

Как показывают данные нашего исследования, за 15 лет существенно изменилось отношение к работникам пожилого возраста и работающим пенсионерам. В частности, существенно выросла

доля опрошенных, рассматривающих пожилых как ресурс организации, людей, на которых можно положиться в трудных ситуациях (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Table 2 – Distribution of responses to the question: «Whether you agree that older employees in an organization are a support in the most difficult work situations?» (% of the number of respondents in each age group)

	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет	Среднее значение
2009 год	30	45	49	57	78	55
2024 год	69	54	60	61	77	64

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

В среднем по выборке с этим утверждением в 2009 году были согласны 55% респондентов. Важно отметить, что в 2009 году была зафиксирована рельефная зависимость такой точки зрения от возраста: чем старше респондент, тем он более был склонен видеть в пожилых работниках опору в трудных ситуациях. Так, среди 16–25-летних опрошенных такого мнения в 2009 году придерживались 30%, тогда как в старшей возрастной

группе (55 лет и старше) – 78%. Среди респондентов среднего возраста это мнение разделяли около половины опрошенных.

В 2024 году ситуация изменилась по нескольким позициям. В среднем по выборке позитивные ожидания от пожилых сотрудников в этом ключе выросли с 55 до 64%. Кроме того, основное различие было зафиксировано в группах респондентов 18–25 лет – более чем в два раза – с 30 до 69%, и

далее в возрастных группах до 45 лет – согласие с тем, что пожилые сотрудники являются опорой в сложных рабочих ситуациях, выросло на 9–11%. При этом взгляды опрошенных старших возрастных групп почти не изменились за прошедшие 15 лет. Это может свидетельствовать о положительном изменении образа пожилого работника именно среди молодежи.

Отдельно отметим произошедшее укрепление такой точки зрения среди руководителей предприятий: в 2009 году 52% опрошенных руководителей считали пожилых работников опорой в трудной ситуации, в 2024 году – уже 64%. То есть, взгляд руководителей на пожилых работников с позиции «вынужденной лояльности» постепенно уступает «прагматичной пользе».

Представляет исследовательский интерес и тот факт, что среди опрошенных работающих пенсионеров доля лиц, поддерживающих такое мнение, осталась практически без изменений – 82 % в 2009 году и 83% в 2024 году. При этом значения исследуемого показателя среди работающих пенсионеров выше, чем не только в среднем по выборке, но и в своей социально-демографической группе 55 лет и старше. На наш взгляд, это свидетельствует о стабильной готовности самих пожилых работников демонстрировать верность предприятию в трудный период.

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что пожилой возраст руководителя – благоприятный фактор для развития организации?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Table 3 – Distribution of responses to the question: «Whether you agree that older employees in an organization are a support in the most difficult work situations?» (% of the number of respondents in each age group)

	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет	Среднее значение
2009 год	14	6	8	7	14	9
2024 год	32	10	11	12	19	15

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

Целесообразно проанализировать полученные результаты, обратившись поочередно к данным 2009 года и 2024 года. В 2009 году привлекает внимание идентичность ситуации в группах, представляющих молодежь и старшее поколение – в обоих случаях по 14%. Видимо, сказалась потребность молодых людей в опеке со стороны старших не только по положению, но и по возрасту сотрудников. Старшее же поколение традиционно демонстрирует большую лояльность к ровесникам, что можно видеть в среднем по выборке. В группах от 26 до 55 лет в 2009 году практически не было различий по этому вопросу, и их выбор такого ответа составляет от 6 до 8%.

Обращает на себя внимание значительное различие в ответах на этот вопрос («Согласны ли Вы с тем, что пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях?») среди работающих и неработающих пенсионеров: продолжение трудовой деятельности существенно отражается на выборе варианта ответа. Как показывает наше исследование, неработающие пенсионеры менее склонны соглашаться с утверждением, содержащемся в этом вопросе, – 73% в 2009 году и 71% в 2024 году. Различия во взглядах пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность и тех, кто ее оставил, является важным маркером для анализа влияния трудовой деятельности не только на образ жизни пенсионеров, но и на их представления о статусе и социальной роли своей и ровесников в структуре современного общества.

Присущая опросам на социогеронтологическую тематику амбивалентность мнений хорошо заметна при дальнейшем анализе ответов на следующие вопросы. Так, несмотря на показанное выше признание большей части опрошенных высокого ресурса пожилых сотрудников как опоры в сложных рабочих ситуациях, с тем, что *пожилой возраст руководителя – благоприятный фактор для развития организации*, в 2009 году были согласны только 9% респондентов и 15% в 2024 году (таблица 3).

Данные 2024 года фиксируют некоторое изменение: среднее значение по выборке увеличилось на скромные 6%, однако более чем в два раза, с 14 до 32% выросло количество молодых людей (18–25 лет), разделяющих мнение о пожилом возрасте руководителя как благоприятном факторе развития организации. То есть, вывод 2009 года о потребности молодых людей в профессиональной и психологической поддержке, по сути, пасторского характера подтвердился и укрепился в 2024 году.

Среди опрошенных руководителей положительно на этот вопрос ответили 13% в 2009 году и 18% в 2024 году, что соответствует общей тенденции.

Работающие пенсионеры вновь продемонстрировали стабильность оценок – 19% в 2009 году и 20% в 2024 году, проявив тем самым лояльность к потенциальным пожилым руководителям заметно выше, чем в среднем по выборке и несколько выше, чем в своей социально-демографической группе. Среди неработающих пенсионеров наблюдается более скептическое отношение к потенциалу пожилых руководителей – только 10% среди них в 2009 году и 14% в 2024 году согласны с тем, что пожилой возраст руководителя – благоприятный фактор для развития организации.

Важным для последующего анализа является сближение за исследуемый период оценок руководителей предприятий и работающих пенсионеров – стороны, принимающей кадровые решения и самих пожилых работников.

Если предыдущий вопрос давал информацию о численном изменении в обществе положительных оценок и характеристик пожилых руководителей, то следующий вопрос – «Согласны ли Вы с тем, что *пожилой руководитель препятствует нововведениям и развитию организации?*» – был нацелен на выявление и анализ динамики строго отрицательного отношения (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что пожилой руководитель препятствует нововведениям и развитию организации?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Table 4 – Distribution of responses to the question: «Whether you agree that an older manager hinders innovation and development of the organization?» (% of the number of respondents in each age group)

	18–25	26–35	36–45	46–55	Старше 55	Среднее значение
2009 год	51	54	46	42	17	41
2024 год	24	34	31	28	14	25

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

Анализ ответов на предыдущий вопрос предопределил ожидания снижения числа согласных с этой позицией: действительно, если в 2009 году категорически негативное представление о пожилых руководителях имели 41 % в среднем по выборке, то в 2024 году – 25%.

В 2009 году выраженной являлась зависимость частоты выбора такого ответа от возраста опрошенных – чем старше группа, тем реже встречается в ней этот вариант ответа: от 54% среди 26–35-летних до 17% среди представителей старшего поколения. В 2024 году тенденция сохраняется. Однако мы вновь можем видеть усиление лояльности к пожилым руководителям молодежи 18–25 лет – с тем, что пожилой руководитель препятствует развитию организации, соглашались 51% в 2009 году и 24% в 2024 году.

Среди опрошенных руководителей также фиксируется снижение отрицательных оценок – мнение о том, что пожилые руководители препятствуют нововведениям и развитию организации разделяли 41% в 2009 году и 27% в 2024 году.

Представляет интерес, что среди работающих пенсионеров в 2009 году пожилого руководителя считали препятствием нововведениям и развитию только 9%. В 2024 году этот показатель снизился до 5%. Заслуживает внимания тот факт, что эти результаты значительно ниже, чем в среднем в группе старше 55 лет. Следовательно, можно сделать вывод о значительном различии во взглядах на социально-трудовой потенциал пожилых

людей среди представителей старшего поколения – в зависимости от факта продолжения или оставления ими трудовой деятельности. Вероятно, работающие пенсионеры сами, нечасто фиксируя объективное ухудшение собственных профессиональных характеристик, применяют свой опыт при выборе ответа на этот вопрос анкеты.

Интересно, что при ответе на этот вопрос мнения работающих и неработающих пенсионеров оказались разведены в наибольшей степени. Так, среди пожилых людей, оставивших трудовую деятельность, согласны с тем, что пожилой руководитель препятствует нововведениям и развитию организации 26% в 2009 году и почти 20% в 2024 году (среди работающих пенсионеров – 9% и 5% соответственно). Вероятно, согласием с отрицательным суждением, заключенным в этом вопросе, неработающие пенсионеры в некоторой степени обосновывают и подтверждают правильность собственного выбора – оставить работу, не становясь препятствием для развития и инноваций (как одна из причин).

Как видно из таблицы 2 и таблицы 3, за исследуемый период негативные мнения о пожилых руководителях снизились больше, чем выросли положительные. Неприятие, связанное возрастом в профессиональной сфере, действительно уменьшается. Однако отметим относительный характер выявленных положительных сдвигов. Каждый четвертый респондент все еще считает пожилой возраст руководителя отрицательным фактором для организации, и мы не можем говорить о том,

что отрицательные стереотипы о старении перестали быть актуальными.

Негативные стереотипы, препятствующие реализации социально-трудового потенциала пенсионеров, распространяются не только на представителей третьего возраста, занимающих руководящие должности, – в 2009 году 40% респондентов указали на повышенную *сложность*

работы с пожилыми подчиненными (таблица 5). Причем в группах от 16 до 55 лет этот показатель варьировал в пределах 45–48%. В 2024 году произошло небольшое снижение этих показателей. В среднем по выборке – 35% разделяют такую позицию. Более заметно лояльность к пожилым подчиненным увеличилась среди респондентов 36–45 лет – на 8%.

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что с пожилыми подчиненными работать сложнее?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе).

Table 5 – Distribution of responses to the question: «Whether you agree that it is more difficult to work with older subordinates?» (% of the number of respondents in each age group)

	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет	Среднее значение
2009 год	45	48	45	47	17	40
2024 год	44	43	33	43	18	35

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

В этом вопросе наиболее жесткую позицию в 2009 году занимали *руководители предприятий*, принявшие участие в исследовании. Среди них 70% соглашались с тем, что с пожилыми подчиненными работать сложнее. В 2024 году среди опрошенных руководителей 52% занимали такую позицию. Такие высокие показатели объясняются неоднозначностью и многоаспектностью межпоколенческих отношений. Несмотря на разность в статусе, отдавать распоряжение человеку значительно старше себя может требовать от руководителя определенных психологических усилий. Тем не менее, это тревожный показатель, иллюстрирующий сложность реального перелома в кадровой политике по отношению к пожилым работникам.

Обращает на себя внимание и тот факт, что вновь среди респондентов 55+ показатель за исследуемый период не изменился, оставшись в пределах погрешности. При этом, по данным нашего исследования, среди работающих пенсионеров согласились с утверждением о том, что с пожилыми подчиненными работать сложнее, 10% и

9% в 2009 году и 2024 году соответственно. Неработающие пенсионеры и в этом случае занимают менее лояльную позицию, чем в среднем в своей социально-демографической группе: 26% в 2009 году и 28% в 2024 году. Разница в выборе ответов в 2009 году составляла 16%, а в 2024 году – 19%, что свидетельствует о том, что продолжение трудовой деятельности оказывает большое влияние на самоидентификацию и идентификацию своей возрастной группы, а также на оценку социально-трудового потенциала представителей своего поколения.

О проблемах реализации социально-трудового потенциала представителей третьего возраста свидетельствует и распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что *пожилым можно доверять менее ответственные, неквалифицированные работы?*». В 2009 году при среднем показателе 25%, в группах от 16 до 55 лет такого мнения придерживались 26–31%. Среди опрошенных старше 55 лет только 13% имели аналогичный взгляд на проблему (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что с пожилым работникам лучше доверять менее ответственные, неквалифицированные работы?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Table 6 – Distribution of responses to the question: «Whether you agree that it is better to entrust older workers with less responsible, unskilled work?» (% of the number of respondents in each age group)

	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет	Среднее значение
2009 год	31	26	28	27	13	25
2024 год	21	25	25	23	13	22

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

Этот вопрос обостряет и более ярко подсвечивает проблему. По сути, он о том, считаете ли Вы пожилых работников «второсортными». Если ответы на предыдущие вопросы давали представления о более мягких и обтекаемых сторонах проблемы – о преимуществах возраста, о сложности взаимодействия и сотрудничества с пожилыми сотрудниками, то этот вопрос предполагает категоричный ответ.

Вероятно, поэтому тенденция выбора ответов за исследуемый период именно по этому вопросу оказалась отличной от других вопросов анкеты. Различия в ответах 2009 года и 2024 года во всех социально-демографических группах кроме младшей (18–25 лет) находятся в пределах статистической погрешности. Выявленную по предыдущим вопросам тенденцию повышения лояльности к пожилым работникам и роста позитивных оценок из социально-трудового потенциала в этом ключе подтвердила только молодежь до 26 лет. Таким образом, в 2024 году можно видеть лишь некоторое снижение отрицательного настроя и предубеждений в этом вопросе, которое наиболее выражено в группе 18–25-летних – на 10% (с 31% в 2009 году до 21% в 2024 году).

Отметим, что среди руководителей предприятий доверять пожилым менее ответственные, неквалифицированные работы считали целесообразным в 2009 году 28%, в 2024 году – 22%, продемонстрировав некоторое повышение лояльности. Несмотря на видимое улучшение отношения к пожилым работникам и повышению их социально-трудового потенциала среди руководителей предприятий, отметим, что даже 22 %

согласившихся с этим утверждением руководителей – высокий показатель. И это при намеренно жесткой негативной формулировке вопроса в анкете, что, как правило, снижает количество согласий с таким высказыванием (не все респонденты, склонные в целом разделять такую позицию, отметят в анкете свое согласие). То есть, в 2024 году 22% руководителей занимали по этому вопросу действительно уверенно жесткую позицию.

Ожидаемо, что работающие пенсионеры массово не согласились с таким мнением – 6% в 2009 году и 5% в 2024 году. Пенсионеры, оставившие работу, снова оказались более близки в своих ответах к среднему значению по выборке, чем к работающим представителям своего поколения – 20% в 2009 году и 21% в 2024 году. Влияние негативных социогеронтологических стереотипов на представления граждан о социально-трудовом потенциале пенсионеров все еще остается значительным, воздействуя как на социум в целом, так и на самих представителей третьего возраста.

В состав социально-трудового потенциала входят не только профессиональные ресурсы, трудовые навыки, но и коммуникативная составляющая, отношение к труду и коллективу. Поэтому анализ ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что с пожилые сотрудники стремятся переложить на молодых самую трудную работу?» не менее важен для нашего исследования, чем на предыдущие. Этот вопрос направлен на выяснение оценки не столько профессиональных возможностей пожилых работников, сколько их отношения к труду и молодым членам коллектива (таблица 7).

Таблица 7 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что с пожилые сотрудники стремятся переложить на молодых самую трудную работу?», вариант ответа «согласен» (% от числа опрошенных в каждой возрастной группе)

Table 7 – Distribution of responses to the question: «Do you agree that older employees tend to shift the most difficult work onto younger employees?», answer option “agree” (% of respondents in each age group)

	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	Старше 55 лет	Среднее значение
2009 год	39	29	33	14	6	25
2024 год	30	28	30	13	6	23

Источник: составлено авторами по данным исследования «Перспективы трудовой занятости пенсионеров»

За исследуемый период с 2009 по 2024 год ситуация практически не изменилась – почти каждый четвертый респондент считает, что пожилые сотрудники стремятся переложить на молодежь самую трудную работу. При этом в 2009 году среди опрошенных от 16 до 45 лет с таким утверждением соглашались от 29 до 39%. Респонденты 46–55 лет были менее склонны обвинять в этом пожилых сотрудников – в этой группе данный

показатель составляет 14%. В возрастной группе старше 55 лет на такую черту пожилых указали только 6% опрошенных. В 2024 году исследование зафиксировало те же тенденции. Исключением стала только группа молодежи 18–25 лет, в которой доля разделяющих такую точку зрения за это время снизилась на 9%.

Доля руководителей предприятий, принявших участие в исследовании, согласных с

утверждением, заключенным в этом вопросе, незначительно снизилась за период 2009–2024 годы – с 12% в 2009 году до 10% в 2024 году. Отметим, что этот показатель среди руководителей оказался значительно ниже, чем в среднем по выборке. На этот факт стоит обратить особое внимание, так как руководители осуществляют контроль за распределением обязанностей и обычно заинтересованы в неискаженной, объективной картине.

Вопрос о стремлении пожилых работников к переключению самой трудной работы на молодых оказался единственным в исследовании, в ответах на который не было зафиксировано различий во мнениях среди работающих и неработающих пенсионеров. За исследуемый период с 2009 года по 2024 год – во всех случаях около 6%.

Наше исследование в целом не противоречит выводам Шора и Кливленда, полученным также в ходе эмпирического исследования стереотипов в отношении пожилых работников в Европе, которое показало, что удовлетворенность сотрудников или их приверженность делу выше, когда руководитель и подчиненный (работодатель и работник) примерно одного возраста, а руководители старших возрастов имели более позитивное представление о производительном потенциале пожилых работников, чем молодые менеджеры [20].

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласимся с коллегами, что «в условиях старения населения потенциальным резервом увеличения численности занятых выступает население в пенсионном возрасте. В этой связи стимулирование трудовой активности пенсионеров становится важным направлением социально-экономической политики многих стран» [8, с. 37]. Однако реализация социально-трудового потенциала представителей третьего возраста сегодня ограничивается не столько фактическим его снижением, сколько стереотипами о пожилых людях и их возможностях, доминирующими в социуме [21; 22].

Проведенное исследование зафиксировало *положительную динамику* трансформации образа пожилого работника за период с 2009 по 2024 годы. Этот результат коррелирует с исследованиями, проведенными ИСПИ ФНИСЦ РАН, которое показало снижение неприязни между поколениями [23]. В 2024 году было зафиксировано минимальное с 2006 года число респондентов, согласных с тем, что противоречия, неприязнь между младшими и старшими поколениями в современном российском обществе – 25%. Для сравнения, в 2021 году – 45%. Исследование социогеронтологических ассоциаций, проведенное в 2023 году [24], демонстрирует значительное различие

с результатами исследований таких ассоциаций 2005 года⁷.

В ходе нашего исследования было обнаружено, что за исследуемый период (2009–2024) негативные мнения о пожилых работниках снизились больше, чем усилились положительные. Вероятно, это можно связать с уменьшением влияния негативных социогеронтологических стереотипов.

Среди причин такой положительной динамики, на наш взгляд, отчетливо выделяются две. Постарение общества, более высокий уровень образования и компьютерная грамотность снизили восприятие в обществе старшего поколения как устаревшего и беспомощного. С другой стороны, стабилизация общества, усиление тренда традиционности неизбежно связаны с ростом уважительного отношения к пожилым [25]. Следует согласиться с Ортегой-и-Гассетом: «старое старо не от собственной старости, а оттого, что возникает новое, и одной только своей новизной внезапно старит все предшествующее», – что мы могли наблюдать в 90-е годы, когда противоречия между поколениями были максимальными [26].

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая, что пожилые люди будут составлять все большую долю населения, их активное включение в рынок труда будет характеризоваться все возрастающим влиянием на общественную жизнь. С другой стороны, как подчеркивают зарубежные коллеги, работодателям будет трудно дискриминировать большинство работников. Другими словами, обществу придется изменить отношение к пожилым сотрудникам и создавать дополнительные гарантии для них как для группы высокого риска, что связано с его возрастом [27].

Несмотря на положительные сдвиги в принятии социально-трудового потенциала пенсионеров, в современном российском обществе остается выраженная амбивалентность мнений по вопросам отношения к старшему поколению, особенно в профессионально-деловой сфере. Снижение отрицательных мнений о социально-трудовом потенциале пожилых работников – только тенденция, фиксированные показатели остаются традиционно высокими. «Некоторое снижение неприязни» – вероятно, так можно резюмировать произошедшие изменения.

Амбивалентность и противоречивость в оценках социально-трудового потенциала пенсионеров хорошо видна на примере мнений опрошенных руководителей: в 2009 году 70% считали, что с пожилыми сотрудниками работать сложнее, но при этом 52% именно в них видят опору в самых сложных рабочих ситуациях (в 2024 году 52% и 64% соответственно).

⁷ Опрос населения «Пожилые люди в сегодняшней российской семье» выполнен Фондом общественного мнения в 2005 г. в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 18–19 июня 2005 г. 1500 респондентов. Дополнительный опрос населения Москвы – 600 респондентов. – URL: <http://fom.ru> (дата обращения: 12.12.2024).

Важным для анализа является выявленный факт – в социально-демографической группе старше 55 лет за исследуемый период практически не изменились мнения по поводу социально-трудового потенциала пожилых работников. Кроме того, в ходе исследования была выявлена еще одна интересная закономерность – занятость оказывает положительное влияние на мнение пожилых людей о старшем поколении, его социально-трудовом потенциале. Изменения затронули оценки младших поколений, особенно поколения 18–25 лет, представители которого, вероятно, начинают тяготеть к пастырской модели отношений в профессиональной среде и нуждаются в опеке и наставничестве. Наибольшее усиление лояльности к пожилым

сотрудникам зафиксировано именно в этой социально-демографической группе.

Таким образом, оценку в социуме социально-трудового потенциала пожилых людей определяет в большей степени социальное прочтение, нежели реальное положение вещей. Выявленные положительные тенденции могут способствовать снижению напряжения на рынке труда, оказав позитивное влияние как на экономику страны, так и на реализацию активных жизненных стратегий пожилых людей, которые хотят продолжать трудовую деятельность. Представленная проблематика имеет широкие ресурсы для дальнейших исследований. Перспективными будут сравнительные опросы в различных отраслях экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. И., Назарова И. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 3. С. 131–143. DOI 10.19181/population.2023.26.3.11. EDN TVZORY.
2. Барсуков В. Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // *Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз*. 2016. № 1 (43). С. 195–213. DOI 10.15838/esc/2016.1.43.13 EDN VMLZDR.
3. Молевич Е. Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // *Социологические исследования*. 2001. № 4. С. 61–64. EDN YMIANZ.
4. Локосов В. В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 4. С. 4–14. DOI 10.19181/population.2023.26.4.1. EDN FFZUND.
5. Смирнова Т.В. Социально-трудовой потенциал пенсионеров по возрасту. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ, 2010. EDN NOFOET.
6. Киселев И. Ю., Михайлова Е. В., Смирнова А. Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» VS активное долголетие // *Социологические исследования*. 2024. № 5. С. 89–102. DOI 10.31857/S0132162524050073. EDN SLAFNY.
7. Oreskovic S. No country for old men: five prevalent stereotypes affecting the life of the elderly // *Croatian Medical Journal*. 2020; Apr; 61 (2): 184–188. DOI 10.3325/cmj.2020.61.184. EDN GEHDZA.
8. Сонина Ю.В., Колосницына М.С. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // *Демографическое обозрение*. 2015. № 2. С. 37–53. DOI 10.17323/demreview.v2i2.1781. EDN VBTESV.
9. Ниорадзе Г. В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // *Социологический журнал*. 2022. Том 28. № 4. С. 102–117. DOI 10.19181/socjour.2022.28.4.9317. EDN IGCRMY.
10. Oliveira E., Carlos Cabral-Cardoso C. Older workers' representation and age-based stereotype threats in the workplace // *Journal of Managerial Psychology*. 2017. Vol. 32 Issue: 3. Pp. 254–268. DOI 10.1108/JMP-03-2016-0085.
11. Flood L., Islam N. The rise of working pensioners: the Swedish case // *Nordic Tax Journal*. 2016. № 1. Pp. 41–66. DOI 10.1515/ntaxj-2016-0003.
12. Лукичев П. М., Чекмарев О. П., Конев П. А. Новые вызовы современного рынка труда: работники старших возрастов vs пенсионеры // *Экономика труда*. 2023. Том 10. № 4. С. 525–542. DOI 10.18334/et.10.4.117702. EDN FOLJRM.
13. Newsom K. L., Vogt E. M. A Conceptual Discussion of Ageism as a Mechanism of Discrimination in the Workplace // *International Journal of Management & Organizational Studies*. 2016. Volume 5, Issue 2, June. Pp. 58–65.
14. Саралиева З. Х., Ермилова А. В. «Старые пожилые» как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений // *Вестник Пермского национального исследовательского университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 4. С. 8–19. DOI 10.15593/2224-9354/2019.4.1. EDN THWOJT.
15. Колосова О. А., Шураева Л. Ю. Пенсионеры на российском рынке труда: особенности трудоустройства в коммерческих и общественных организациях / В сборнике: Российская наука на пути к устойчивому развитию: междисциплинарные исследования. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь. 2023. С. 163–168. EDN SYTLOH.

16. Van Dalen H., Henkens K. Do Stereotypes about Older Workers Change? Evidence from a Panel Study among Employers. (CentER Discussion Paper; Vol. 2017-028). CentER, Center for Economic Research, 2017. DOI 10.13140/RG.2.2.30090.16322.
17. Осипов П. Н. Наставничество как объект научных исследований // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 109–115. DOI 10.24411/2307-4264-2020-10234. EDN EAFNFS.
18. Brečko D. Intergenerational Cooperation and Stereotypes in Relation to Age in the Working Environment // Changing Societies & Personalities, 2021 Vol. 5, №. 1, pp. 103–125. DOI 10.15826/csp.2021.5.1.124. EDN FGPMMI.
19. Колесов А. А., Калачикова О. А. Продолжительность здоровой жизни как ресурс снижения рисков демографического старения // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2. С. 1–14. DOI 10.15838/tdi.2023.2.64.5. EDN KLBQBW.
20. Shore L. M., Cleveland J. N., Goldberg, C. B. Work attitudes and decisions as a function of manager age and employee age // Journal of applied psychology. 2003. Т. 88 (3). Pp. 529–539. DOI 10.1037/0021-9010.88.3.529. EDN GWULHX.
21. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 20–45. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2209. EDN TYOGUM.
22. Хайруллина Ю. Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 77–86. EDN OOTLH.
23. Левашов В. К., Великая Н. М. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года: [бюллетень]. М.: ИСПИ ФНИЦ РАН, 2024. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024. EDN INPEEV.
24. Ляликова С. В., Назарова И. Б., Карпова В. М. Особенности восприятия пожилых людей в Российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 104–115. DOI 10.31857/S013216250028308-1. EDN AJGAFY.
25. Mannheim K. The Problem of Generations. London, 1952.
26. Ортего-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 587 с.
27. Urmanavicius Perspectives Of Older Employees In Changing Labour Market // European Journal of Social Impact and Circular Economy, 2021. № 11. 48–58. DOI 10.13135/2704-9906/5511.

REFERENCES

1. Antonov, A. I., Nazarova, I. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V. (2023) Threshold of old age: objective signs and subjective perception. *Narodonaselenie [Population]*, 26 (3), pp. 131–143. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11>. <https://elibrary.ru/tvzory>.
2. Barsukov, V. N. (2016) Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (1), pp. 195–213. <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.13>. <https://elibrary.ru/vmlzdr>.
3. Molevich, E. F. (2001) К анализу сущности и формы социальной старости. *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, pp. 61–64. <https://elibrary.ru/ymiahz>.
4. Lokosov, V. V. (2023) Human potential: conceptual approaches and measurement methods. *Narodonaselenie [Population]*, 26 (4), pp. 4–14. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.1>. <https://elibrary.ru/ffzund>.
5. Smirnova, T. V. (2010) Social'no-trudovoj potencial pensionerov po vozrastu. Saratov, Publ. Sarat. in-t RGTEU, pp. 80–87. <https://elibrary.ru/nofoet>.
6. Kiselev, I. Yu., Mikhaylova, E. V., Smirnova, A. G. (2024) Associative image of “life in retirement” as an element of social conceptualization of the pension period by Russians in working age. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, pp. 89–102. <https://doi.org/10.31857/S0132162524050073>. <https://elibrary.ru/slafny>.
7. Oreskovic, S. (2020) No country for old men: five prevalent stereotypes affecting the life of the elderly. *Croatian Medical Journal*, 61 (2), pp. 184–188. <https://doi.org/10.3325/cmj.2020.61.184>. <https://elibrary.ru/gehdza>.
8. Sonina, Yu. V., Kolosnitsyna, M. S. (2015) Pensioners on the Russian labour market: trends of economic activity in pension age. *Demographic review*, 2 (2), pp. 37–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i2.1781>. <https://elibrary.ru/vbtesv>.
9. Nioradze, G. V. (2022) Older Workers' Labor and the Gig-Economy: Precarization or New Opportunities? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 28 (4), pp. 102–117. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9317>. <https://elibrary.ru/igcrmy>.
10. Oliveira, E., Cabral-Cardoso, C. (2017) Older workers' representation and age-based stereotype threats in the workplace. *Journal of Managerial Psychology*, 32 (3), pp. 254–268. <https://doi.org/10.1108/JMP-03-2016-0085>.
11. Flood, L., Islam, N. (2016) The rise of working pensioners: the Swedish case. *Nordic Tax Journal*, (1), pp. 41–66. <https://doi.org/10.1515/ntaxj-2016-0003>.

12. Lukichev, P. M., Chekmarev, O. P., Konev, P. A. (2023) New challenges of the modern labor market: senior employees vs pensioners. *Russian Journal of Labor Economics*, 10 (4), pp. 525–542. <https://doi.org/10.18334/et.10.4.117702>. <https://elibrary.ru/foljrm>.
13. Newsom, K. L., Vogt, E. M. (2016) A Conceptual Discussion of Ageism as a Mechanism of Discrimination in the Workplace. *International Journal of Management & Organizational Studies*, 5 (2), pp. 58–65.
14. Saraliev, Z. Kh., Ermilova, A. V. (2019) The «old elderly» as an object and subject of social risks in the system of social and labor relations. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki*, 4, pp. 8–19. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2019.4.1>. <https://elibrary.ru/thwojt>.
15. Kolosova, O. A., Shuraeva, L. Yu. (2023) Pensioners on the Russian labor market: features of employment in commercial and public organizations. *In: Russian Science on the Path to Sustainable Development: Interdisciplinary Research. Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference*. Stavropol, pp. 163–168. <https://elibrary.ru/sytloh>.
16. Van Dalen, H., Henkens, K. (2017) Do Stereotypes about Older Workers Change? Evidence from a Panel Study among Employers. *CentER Discussion Paper*, 2017-028. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.30090.16322>.
17. Osipov, P.N. (2020) Mentoring as an object of scientific research. *Vocational education and labour market*, 2, pp. 109–115. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10234>. <https://elibrary.ru/eaffns>.
18. Brecko, D. (2021) Intergenerational Cooperation and Stereotypes in Relation to Age in the Working Environment. *Changing Societies & Personalities*, 5 (1), pp. 103–125. <https://doi.org/10.15826/csp.2021.5.1.124>. <https://elibrary.ru/fgpmmi>.
19. Kolesov, A. A., Kalachikova, O. A. (2023) Healthy life expectancy as a resource for reducing the risks of demographic aging. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, 11 (2), pp. 1–14. <https://doi.org/10.15838/ttdi.2023.2.64.5>. <https://elibrary.ru/klbqbw>.
20. Shore, L. M., Cleveland, J. N., Goldberg, C. B. (2003) Work attitudes and decisions as a function of manager age and employee age. *Journal of Applied Psychology*, 88 (3), pp. 529–539. <https://elibrary.ru/gwulhx>.
21. Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V., Natsun, L. N. (2023) Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, pp. 20–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>. <https://elibrary.ru/tyogum>.
22. Khairullina, Yu. R. (2003) Values in the world of work: features and factors. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5, pp. 77–86. <https://elibrary.ru/oootlh>.
23. Levashov, V. K., Velikaya, N. M. (2024) How are you life, Russia? Express information. Stage 54 of sociological monitoring, April 2024. Moscow, ISPI FNIC RAN. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024>. <https://elibrary.ru/inpeev>.
24. Lyalikova, S. V., Nazarova, I. B., Karpova, V. M. (2023) Features of elderly people perception in Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10, pp. 104–115. <https://doi.org/10.31857/S013216250028308-1>. <https://elibrary.ru/ajgafy>.
25. Mannheim, K. (1952) *The Problem of Generations*. London.
26. Ortego-i-Gasset, J. (1991) *Aesthetics. Philosophy of Culture*. Moscow, Publ. Iskustvo, 587 p.
27. Urmanavicius, J. (2021) Perspectives of Older Employees in Changing Labour Market. *European Journal of Social Impact and Circular Economy*, 2 (3), pp. 48–58. <https://doi.org/10.13135/2704-9906/5511>.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ»

Редакция ожидает от авторов, что присланные статьи будут соответствовать тематическому профилю, миссии, цели и задачам журнала, отвечать международным стандартам научных публикаций и оформлены в соответствии с установленными правилами.

ТИПЫ СТАТЕЙ И ИХ ОБЪЕМ

Журнал «Вопросы управления» публикует исследовательские статьи, обзорные статьи и рецензии на книги.

Исследовательская статья должна содержать не менее 40 тыс. знаков с пробелами.

Обзорные статьи должны содержать не менее 50 тыс. знаков с пробелами. Систематический обзор литературы рекомендуется составлять с учетом международных рекомендаций PRISMA.

Рецензия на книгу – не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ АВТОРОВ, что название, аннотация, ключевые слова, список источников и сведения об авторах должны быть исключены из подсчета знаков (слов).

ТРЕБОВАНИЯ К СТРУКТУРЕ И ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Текст публикации должен быть структурирован.

Исследовательские статьи должны соответствовать формату IMRAD (Introduction, Methods, Results, Discussion).

1. Введение (Introduction).

– **Обзор литературы (Literature review).**

2. Материалы и методы (Materials and methods).

3. Результаты исследования (Results).

4. Обсуждение (Discussion).

– **Заключение (Conclusion).**

Все названия рисунков, графиков, таблиц, схем, оформляются на русском и английском языках.

Оформление рисунков и таблиц:

– рисунки оформляются в едином стиле, приветствуется монохромный стиль оформления;

– на все рисунки и таблицы дается ссылка в тексте («...представлено в *таблице 1*, на *рисунке 1*»);

– название таблицы на русском и английском языках приводится сверху таблицы;

– название рисунка на русском и английском языках приводит снизу рисунка;

– источник данных (если это не авторская разработка) на русском языке приводится снизу таблицы или рисунка.

Сокращения слов в иллюстративных материалах не допускаются за исключением единиц измерения. Указанные материалы должны иметь сквозную нумерацию и сопровождаться переводом на английский язык. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Оформление формул:

– формулы набираются во встроенном редакторе формул MS Word;

– используется сквозная нумерация формул, номер справа от формулы в скобках.

Ссылки по тексту статьи оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника по библиографическому списку и страниц, на которые ссылается автор в **порядке упоминания**, например: [9, с. 36].

Систематический обзор литературы рекомендуется структурировать с учетом международных рекомендаций PRISMA.

При невозможности использования структуры IMRAD (в частности, в «Рецензиях») статья подразделяется на тематические блоки.

В структуре помимо текста представлена следующая информация на русском и английском языках:

1) **Название статьи** (рекомендуется не более 8 слов);

2) **Тип статьи** (исследовательская статья, обзорная статья или рецензия);

3) **УДК** (код статьи);

4) **Сведения об авторах** (ФИО полностью, ученое звание, ученая степень, должность, название организации; ORCID (обязательно); Scopus, Researcher ID (при наличии), SPIN-код РИНЦ (для

русскоязычных авторов); e-mail, название организации с указанием страны, индекса, города, полного адреса);

5) **Аннотация** на русском и английском языках (от 2 до 2,5 тыс. знаков с пробелами), структурированная в соответствии с международными стандартами и включающая:

– Вступление (обоснование актуальности и цели исследования);

– Материалы и методы (описание методологии исследования);

– Результаты (основные результаты, новизна, выводы исследовательской работы);

– Обсуждение (значение полученных результатов для понимания существующей в мировом научном пространстве и практике управления проблемы, перспективы исследования).

Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

6) **Ключевые слова** (до 9 слов);

7) **Список источников.**

7.1 Объем источников

Список для **исследовательской статьи** должен содержать не менее 20 источников (от 30 % до 50 % которых – англоязычные). Для отражения современных тенденций редакция рекомендует, чтобы порядка 50 % анализируемых источников были датированы не менее чем тремя годами ранее момента публикации. Допускается не более 10 % самоцитирования (или цитирования одного автора).

Список литературы для **обзорной статьи** должен содержать не менее 40 источников (из которых не менее 60 % должны быть англоязычными). Сохраняется также и требование к отражению современных публикаций и этических стандартов самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи **по мере упоминания источников в тексте.**

7.2 Типы источников

Библиографический список может включать в себя следующие типы источников:

– монография;

– статья в рецензируемом научном журнале;

– статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции.

7.3 Оформление списка источников

Ссылки на источники даются в **порядке упоминания.**

Обязательным требованием является наличие кодов **DOI (международный идентификатор)**, а для русскоязычных источников **дополнительно указывается EDN**. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary.

Если отсутствуют DOI, и EDN, то указывается URL и дата обращения (подобные источники предпочтительнее использовать в постраничных сносках).

Важно: при оформлении References имена авторов и название источника указываются в том виде, в каком он был опубликован в оригинале, англоязычное название журнала необходимо взять с сайта издателя журнала.

8) **Декларация о конфликте интересов**

Журнал требует декларацию о конфликте интересов от всех авторов, чтобы заявление могло быть включено в вашу статью. Если конфликта интересов не существует, ваше заявление должно выглядеть следующим образом: «Автор(ы) заявляют об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи».

9) **Роли участников** (если ваша статья написана в соавторстве)

Для описания конкретного вклада каждого участника статьи в научный результат вы можете воспользоваться рекомендациями CRediT, представляющей 14 ролей участников исследования: JATS XML для поддержки CRediT.

10) **Благодарности**

Если в статье имеется раздел «Благодарность» (Acknowledgement), то в англоязычной части статьи следует разместить его перевод на английский язык.

Статьи направляются на почту редакции

E-mail: management-ui@ranepa.ru

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения настоящих требований

Научное издание

Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**
119571, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Т. М. Крахмалова
Корректурa: Л. А. Сундарева
Перевод: О. М. Шишкарева

При перепечатывании ссылка на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-85748 от 25.08.2023

Дата выхода в свет: 10.07.2025. Формат 60x84/8.
Гарнитура Petersburg. Усл. печ. л. 19. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____